

**Сергей Ветохов
Максим Лебедев
Светлана Малых**

ПИРАМИДЫ НАД РАСКОПОМ

ЕГИПЕТ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГОВ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом научного проекта № 15-41-93614

Фотографии, рисунки и чертежи, использованные в книге, выполнены авторами данной публикации, если не указано иное

Любое использование материала данной публикации, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

© С.В. Ветухов, М.А. Лебедев, С.Е. Малых, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
Часть I. Пирамиды над раскопом	8
Глава 1. В начале пути	
Первое знакомство с Египтом	9
Российская экспедиция в Гизе. Как всё начиналось	9
Только факты	10
Мы первые?	10
Голенищев и его раскопки	10
Советские учёные в Нубии	11
Глава 2. Выбор	
Почему Гиза?	13
Раздел Гизы	14
Глава 3. Изучение гробницы Хафраанха	
«Гробница чисел» – школа для экспедиции	16
Загробный мир Хафраанха: рельефы в гробнице G 7948	18
Выходим на поверхность	20
Глава 4. Малый некрополь перед гробницей Хафраанха	
Множество погребений	21
Датировка Малого некрополя	22
«Проклятие мумии»	23
Принимаем огонь на себя	24
Жёлтый песок пустыни и белые стены	25
Египтяне – рационалисты?	26
Печать-«пуговица»	28
Загадка шахты 38... или разочарование археолога	28
Грабители древние и грабители современные, или «чтобы ты жил в эпоху перемен»	29
Без антрополога не обойтись	30
«Кладбище строителей пирамид»	30
Глава 5. Новые скальные гробницы и не только	
Без георадара никуда	32
«Потерянные» гробницы Лепсиуса	33
Изучение скальных гробниц, или спешка нужна при ловле блох	33
История формирования скального некрополя	35
Когда в Египте стали делать мумии и канопы?	36
Погребение древнеегипетского ювелира	38
Обезглавленный утопленник?	40
Дети в амфоре	41
Бывает кот в мешке, а бывает и женщина...	42
Неферсефехптах и Нисутптах – два мемфиссца	42
Роспись в гробнице Персенеба	46
Надписи в гробницах рассказывают истории жизни у пирамид	50
Глава 6. Малый некрополь перед гробницей Ченти I	
Дежавю	55
Докуфиль – это не блюдо французской кухни	56
Три карлика	57
Мужчина с гарпуном и женщина с цветком	58

Глава 7. Встретимся на рассвете у пирамид	
Египетские землекопы и их образ жизни	60
Все вопросы – к стратиграфии	62
Адский труд археолога	63
Такая важная керамика	64
Эпиграфист: как прочитать иероглифы и не умереть?	66
Архитектор на раскопе	69
Когда архитектура говорит...	72
Спортивные штаны и чёрный смокинг	74
Этнография на службе у археологии	75
Глава 8. Мы все оставляем следы на песке...	
Художники Шампольона в гробнице Ченти I	77
Мариетт в гробнице Персенеба	78
Питри: как фото с собакой стало легендой египетской археологии	79
Водонос Ибрагим и другие	82
Японский орден и иудейский медальон	83
Русские туристы бывают разные	85
Залезть на вершину пирамиды	86
Часть II. Египетская археология в начале XXI века	87
Глава 1 Археология среди пальм: новейшие открытия в долине Нила	
Тайны столичных некрополей	88
Пирамида на горе и древняя лодка	88
Место, где родилась архитектура	91
Мерепнебеф: гробница под мумиями	91
«Казначей бога» из Вади Хаммамат	94
Гигантский ров вокруг пирамиды и таинственный гарпун	95
Шотландцы с георадаром	96
Страна золота и слоновой кости	97
Крепость, возвышающаяся над Африкой	98
Незаживающая рана	101
Глава 2. Археология миражей: новейшие открытия в пустынях	
Страна, которую можно охватить одним взглядом	103
Каменоломни, рудники и караванные пути среди высохших рек	105
Место, где добывали солнечный камень	106
Полуостров богини Хатхор: новейшие открытия на Синае и не только	107
Торговцы, чиновники и воины среди бескрайних песков: археологические открытия в Западной пустыне	110
За гнейсом в саванну	112
Загадочная страна Пунт: новые открытия и старые проблемы	115
Часть III. Из потёртых тетрадок	118
Заметки из дневника	119
Быль о празднике 17 апреля, красном четверге и каменной пуговке	120
Литература	121

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В 2016 году исполняется 20 лет Российской археологической экспедиции в Гизе (Арабская Республика Египет). И к этой дате мы решили сделать подарок всем тем, кто интересуется египетской археологией, ну и себе, конечно, и всем участникам нашей экспедиции.

Эта книга повествует о том, что нашей экспедиционной команде удалось сделать за эти годы: конечно, в первую очередь о сделанных открытиях, но также о трудовых буднях и быте экспедиции, а также о том, чем занимаются наши коллеги-археологи в Египте. Кто ожидает увидеть сухое и академичное, написанное строгим научным языком исследование, должен обратиться к публикациям трудов нашей экспедиции, книгам и научным статьям, названия которых перечислены в конце книги.

Первая часть книги посвящена нашим археологическим раскопкам в Гизе и всему, что с этим связано. Попутно излагаются некоторые проблемы египтологической науки, к которым наши находки имеют непосредственное отношение, а также интересные и загадочные случаи, что произошли с нами во время раскопок, рассказы о древних и современных египтянах, без которых нельзя представить себе работ в Гизе. А чтобы лучше понять специфику того, что и как мы делаем, была написана вторая часть книги, повествующая об одновременных с нами исследованиях в Египте, проводимых как самими египтянами, так и зарубежными специалистами.

И, конечно же, слова благодарности, обращённые к бессменному главе экспедиции – Элеоноре Ефимовне Кормышевой, которую наши египетские землекопы уважительно называют «Доктора Нора», а также к тем, кто в разные годы работал с нами и способствовал накоплению огромного пласта материала, который позволяет нам окунуться в мир Древнего Египта.

УЧАСТНИКИ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ГИЗЕ В РАЗНЫЕ ГОДЫ

Руководитель экспедиции:

Кормышева Элеонора Ефимовна, с 1996 г. по настоящее время

Египтологи-эпиграфисты:

Томашевич Ольга Владимировна, с 1997 по 2001 гг.

Чегодаев Михаил Андреевич, с 1997 по 2001 гг.

Архипова Светлана Викторовна, с 1999 по 2000 гг.

Баскакова Татьяна Александровна, с 1999 по 2000 гг.

Лечицкая Ольга Владимировна, 2001 г.

Волович Анна Юрьевна, 2004 г.

Сафронов Александр Владимирович, 2004 г.

Дряхлова Анна Владимировна, 2007 г.

Лебедев Максим Александрович, с 2008 г. по настоящее время

Египтологи-археологи:

Яноши Петер, 1998 г.

Висса Мириам, с 1998 по 2002 г.

Воробьев Сергей Михайлович, с 1999 по 2003 гг.

Тарасенко Николай Александрович, 2002 г.

Алп (Петрова) Ольга Сергеевна, с 2001 по 2002 гг.

Археологи:

Лемеш Марек, с 1999 по 2001 гг.

Кузищин Василий Иванович, с 1999 по 2000 гг.

Сазанов Андрей Владимирович, с 2002 по 2003 гг.

Рукавишников Дмитрий Валерьевич, с 2005 по 2009 гг.

Рукавишникова Ирина Викторовна, с 2006 по 2007 гг.

Малых Сергей Витальевич, с 2008 г. по настоящее время

Египтологи-керамисты:

Водзинска Анна, с 1999 по 2000 гг.

Маршан Сильви, с 1997 по 2002 гг.

Малых Светлана Евгеньевна, с 2000 г. по настоящее время

Антропологи:

Жано Франсис, 1998 г.

Васильев Сергей Владимирович, 2000 г.

Бужилова Александра Петровна, 2007 г.

Добровольская Мария Всеволодовна, 2007 г., с 2013 по настоящее время

Медникова Мария Борисовна, 2007 г., с 2014 г. по настоящее время

Коптологи:

Смагина Евгения Борисовна, с 2005 г. по настоящее время

Архитекторы:

Дорнер Йозеф, с 1997 по 2001 гг.

Дрейер Леонид Матвеевич, с 1999 по 2000 гг.

Ветохов Сергей Вячеславович, с 2000 г. по настоящее время

Петухова Наталия Андреевна, 2004 г.

Геофизики:

Морозов Павел Анатольевич, с 2006 по 2007 гг.
Копейкин Владимир Васильевич, с 2007 по 2008 гг.
Воровский Павел Леонидович, 2008 г.

Инспекторы Высшего Совета по делам древностей Египта (SCA)

Хишам Насер Кадр, с 1996 по 1998 гг.
Тарек Захер, 1999 г.
Абд эль-Кадер Карамани Резк, 2000, 2003–2004 гг.
Усама Хамед Юссеф, 2001, 2008, 2012 г.
Самир Абд эль-Алим, 2002 г.
Мамдух Таха Табет, 2005 г.
Мохаммед Хатем Али, 2005 г.
Мохаммед Заки, 2006 г.
Мохаммед Фатхи, 2006 г.
Махмуд Хелал, 2007, 2010 г.
Аймен Абу эль-Кассем Абд эль-Хамид, 2009 г.
Ваэль Фатхи Мурси, 2011 г.
Нивинн Вахид Сулейман, 2012 г.
Мохаммед Аид эль-Саиди, 2013 г.
Кадри Митвалли, 2013–2014 г.
Хени Абду, 2014 г.
Ибрагим Самир Ибрагим, 2014 г.

А также студенты и аспиранты Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и УНЦ Египтологии им. В.С. Голенищева при Факультете истории искусства РГГУ.

ЧАСТЬ I

ПИРАМИДЫ НАД РАСКОПОМ

ГЛАВА 1. В НАЧАЛЕ ПУТИ

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ЕГИПТОМ

Наш самолёт вынырнул из-за туч, и, глядя в иллюминатор, мы вдруг чётко увидели море и плавно извивавшуюся линию берега вдали. Мы летели на высоте 9000 метров. Далее под нами началась суша, желтовато-зелёная, вся испещрённая, как дыня, серебристыми прожилками, тонкими и потолще, прямыми и извилистыми. Дельта Нила... Мы летели над Египтом – страной детских мечтаний и загадок, страной пирамид и древних богов, где каждый сантиметр земли таит в себе след прошлого.

Потом Дельта скрылась за облаками, а ещё спустя полчаса под нами стал виден огромный город, пожалуй, больше, чем Москва, весь в мареве и желтоватом смоге. Самолёт неожиданно резко, по-военному, стал снижаться и бодро покатился по бетонным плитам взлётно-посадочной полосы. И вот уже мы ощутили тёплое дыхание пустыни с лёгким привкусом песка и пыли. Каир... Как и Рим, вечный город, на краю которого высятся горы пирамид.

Уже утром мы поехали в Гизу на участок Российской археологической экспедиции и увидели их... Пирамиды... Сказать, что они ошеломляют – ничего не сказать... Но о них мы ещё поведаем. А сейчас нам предстоял первый день работы на раскопе у пирамид.

РОССИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ГИЗЕ. КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ

В 1995 году России в лице сотрудника Института востоковедения Российской Академии Наук Э.Е. Кормышевой удалось получить от египетского Высшего Совета по делам древностей лицензию на ведение постоянных археологических работ в стране, которые начались в 1996 году. В зону российской концессии вошла восточная оконечность Восточного плато Гизы, на котором возвышаются три пирамиды царей Хуфу (Хеопса), Хафра (Хефрена) и Менкаура (Микерина). Так родилась первая постоянная российская археологическая миссия в Египте.

Участок для проведения работ археологической экспедиции располагается всего в 300 метрах к востоку от пирамиды Хеопса. Он включает в себя вырубленную в скале гробницу Хафраанха – «надсмотрщика за жрецами-*уабам* (т.е. исполнителями ритуала очищения) пирамиды Хафра», и территорию, прилегающую к этому памятнику, на которой находятся другие скальные гробницы древнеегипетской знати и более скромные погребения представителей среднего класса, живших в середине – второй половине III тыс. до н.э.

Вид из деревни Назлет эль-Самман на участок концессии Российской археологической экспедиции Института востоковедения РАН в Гизе

ТОЛЬКО ФАКТЫ

Академическая принадлежность экспедиции: Институт востоковедения Российской Академии Наук.

Руководитель: доктор исторических наук Э.Е. Кормышева.

Местоположение зоны археологических исследований экспедиции: Гиза, скальный обрыв Восточного плато.

Первый сезон полевых исследований: весна 1996 года.

Площадь концессии: 6100 квадратных метров.

Раскопано к 2015 году: около 1500 квадратных метров.

Основные памятники: скальные гробницы Хафраанха, Нисутптаха, Хуфухотепа, Ченти I, Ченти II, Перинеджу, Персенеба, Неферсефехптаха, Ипи; малые некрополи перед гробницами Хафраанха и Ченти I.

Социальная принадлежность памятников: представители древнеегипетской царской администрации и среднего класса древнеегипетского общества.

Датировка основных памятников: время правления V и VI царских династий (XXV–XXII века до н.э.).

Датировка второстепенных комплексов: Первый Переходный период (XXII–XXI века до н.э.), Саисский период (664–525 гг. до н.э.), Персидский период (525–332 гг. до н.э.).

Характер находок: каменные рельефы, эпиграфика, фрагменты керамики и целые сосуды, костный материал, каменные орудия и сосуды, предметы из меди и египетского фаянса, стеклянные сосуды и украшения.

Датировка обнаруживаемого вещевого материала: от середины III тыс. до н.э. до наших дней.

МЫ ПЕРВЫЕ?

Получив разрешение на ведение постоянных археологических работ в Египте в 1995 году, мы, фактически, стояли на плечах знаменитых предшественников. Всё началось с В.С. Голенищева, инициировавшего профессиональное изучение Египта, за ним была Нубийская экспедиция Академии Наук СССР во главе с Б.Б. Пиотровским. Однако все работы были краткими и не вылились в постоянно действующую археологическую миссию в Египте, какие существовали у Франции, Великобритании, Германии, Австрии, Венгрии, Италии, США и других стран с начала XX века.

ГОЛЕНИЩЕВ И ЕГО РАСКОПКИ

Первый русский египтолог Владимир Семёнович Голенищев (1856–1947) известен, прежде всего, тем, что в течение многих лет собирал по всему Египту коллекцию древностей, которая впоследствии послужила ядром египетского собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве.

Однако В.С. Голенищев не ограничивался простой покупкой древностей у местного населения. В 1884–1885 годах он посетил Вади-Хаммамат с целью уточнения известных ранее по копиям прусского исследователя Карла Рихарда Лепсиуса (1810–1884) наскальных надписей и открытия новых. Таким образом, впервые в российской истории состоялась эпиграфическая экспедиция в Египет.

В 1887 году Русское императорское археологическое общество (Отделение восточной археологии) избрало В.С. Голенищева своим членом, и в 1888–1889 годах им был проведён полевой сезон в Египте – первый в истории отечественной археологии.

В.С. Голенищев предпринял раскопки в местечке Тахта в Верхнем Египте, где обнаружил памятники фараона Амасиса (570–526 гг. до н.э.) и остатки храма римского времени. В столице Фаюмского оазиса – городе Мединет эль-Фаюме (древнем Крокодилополисе) он нашёл колонну от культового сооружения времени правления XII династии, тем самым локализовав положение храма, посвящённого крокодилоголовому богу Себеку. В.С. Голенищевым также были проведены раскопки в Телль эль-Масхуте, в районе древнего канала, соединявшего Нил с Красным морем – своего рода предшественника Суэцкого канала. При этом была обнаружена стела царя Дария I, который завершил строительство канала или расчистил старое русло.

Несмотря на то, что сезон работ был единственным и кратковременным, В.С. Голенищев, фактически, стал первым русским египтологом, проведшим полевые исследования в Египте. К сожалению, продолжения работ не последовало, и Россия долгое время не участвовала в археологическом изучении памятников Египта.

СОВЕТСКИЕ УЧЁНЫЕ В НУБИИ

В 1950-х годах правительство молодой независимой страны – Арабской Республики Египет приняло решение о строительстве новой дамбы на Ниле в районе города Асуан, получившей название Высотной Асуанской плотины. Первая дамба, возведённая англичанами в 1902 году, уже не соответствовала запросам, поэтому появилась необходимость создания нового гидроузла на великой африканской реке.

То, что хорошо для хозяйства страны и её экономики, не всегда одинаково хорошо для её исторических памятников. Так и здесь: появление обширного водохранилища грозило затоплением огромной территории, насыщенной древними сооружениями – храмами, крепостями и поселениями, возведёнными египтянами в легендарной стране золота – Нубии.

В сложившейся ситуации ЮНЕСКО предложила проект по спасению памятников древней Нубии. В нём участвовали ведущие мировые исследователи, в том числе и советские учёные во главе с академиком Б.Б. Пиотровским. Экспедиция, получившая название Нубийской экспедиции АН СССР, работала в Египте с 1961 по 1963 годы. Советская концессия охватывала территорию, протяжённостью по долине Нила около 30 км: от Герф-Хуссейна до Махарраки. Сюда же было включено Вади-Аллаки. В составе экспедиции работали такие выдающиеся отечественные специалисты, как Н.Я. Мерперт, О.Г. Большаков и А.В. Виноградов.

В течение двух сезонов (зима-весна 1961–1962 и 1962–1963 годов) экспедицией были обнаружены многочисленные памятники, относящиеся к различным историческим периодам Египта, от раннего палеолита до Нового царства. Так, в Хор-Дауде открыто раннединастическое поселение рубежа IV и III тыс. до н.э., собрана большая коллекция керамических сосудов и кремнёвых орудий. У селения Западная Коштамна было найдено два могильника – один времени Древнего царства, другой – Нового царства. В Наг-Набруке и Наг-эль-Шиме выявлены нубийские могильники, датированные периодом Среднего царства (т.е. первой половины II тыс. до н.э.). Помимо этого, в Хор-Дауде, Наг-Набруке, Дакке, на территории между Герф-Хуссейном, Западной Коштамной и Хор-Иккурор, были собраны разрозненные орудия эпохи верхнего палеолита, которые составили представительную коллекцию, свидетельствующую о наличии в данной местности камнедельных мастерских и поселений позднего палеолита.

Наряду с археологическими работами, в гористых местностях Нубийская экспедиция проводила разведки на предмет наскальных надписей. В итоге были обнаружены образцы наскального раннединастического искусства (изображения лодок – между Герф-Хуссейном и Западной Коштамной), надписи Древнего, Среднего (около Хор-Дауда) и Нового царств (Вади-Аллаки). Анализ и перевод надписей позволил сделать вывод, что они были выполнены участниками древнеегипетских экспедиций в золотые рудники Нубии, они

позволяют установить путь к золотым разработкам и дают информацию по организации данных экспедиций.

Результатом работ Нубийской археологической экспедиции АН СССР явилось накопление уникальной информации по истории древней Нубии в различные исторические периоды. Несмотря на это, её деятельность в тот момент так и не привела к созданию в Египте постоянной отечественной археологической миссии (наподобие тех, что к тому времени имели западные страны). «Почему?», – спросит уважаемый читатель. Ответ на этот вопрос кроется где-то в верхах советского правительства, не посчитавшего важным и необходимым такое направление работ отечественных учёных. Египетское правительство, возглавляемое Гамалем Абделем Насером, взявшее курс на близкие отношения с Советским Союзом, предлагало нашей стране выбрать участок для работ, и, по слухам, это был царский некрополь III тыс. до н.э. в Абусире. После отказа этот лакомый для всех археологов участок был передан в 1976 году Чехословакии.

Работы Нубийской экспедиции АН СССР в Хор-Дауде в 1962 году
(из: Пиотровский Б.Б. (ред.) *Древняя Нубия. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике 1961–1962.* С. 87.)

ГЛАВА 2. ВЫБОР

ПОЧЕМУ ГИЗА?

Намерениям отечественных египтологов выйти за пределы кабинета не способствовала ни политическая обстановка в Советском Союзе, ни финансирование гуманитарных областей науки. Не нужно подробно говорить, что организация любой экспедиции за рубежом связана с многочисленными трудностями и значительными денежными вложениями. Поэтому советские историки, занимавшиеся Египтом, были ограничены лишь редкими выездами в страну их научных устремлений, например, египтолог с мировым именем О.Д. Берлев был в Египте лишь один раз – туристом.

С распадом СССР ситуация несколько изменилась, выезды за границу никто не запрещал, но и должного финансирования не было. Учёные в меру своих возможностей старались работать в зарубежных библиотеках, выезжать вместе с иностранными археологическими миссиями на раскопки в Египет. Но для создания собственной миссии от её руководителя требовалось провести восемь сезонов полевых работ в Египте в составе уже сложившейся экспедиции. И так получилось, что к 1995 году у сотрудника Института востоковедения РАН Э.Е. Кормышевой, благодаря сотрудничеству с французской миссией в Саккаре (Луврский музей), был накоплен требуемый египтянами ценз, и начались поиски, пока ещё на бумаге, вероятных мест для раскопок.

Сказать, что в Египте можно копать везде и найти памятники древней цивилизации – это ничего не сказать. Зарубежные и национальные археологи работают не только в долине и дельте Нила, но и в пустынных местностях, и в оазисах. Однако памятники т.н. пирамидной зоны – т.е. территории, где возведены царские пирамиды, особенно привлекательны для исследователя. Более того, раскопки в удаленных местностях – в Восточной или Западной пустынях, дельте Нила требуют значительно больше финансовых затрат именно из-за трудности организации и ведения работ (доставки воды в пустыню, круглосуточной откачки грунтовых вод в дельте и т.п.). По этой причине иностранные миссии в первую очередь стараются получить археологические участки для раскопок ближе к Нилу – в долине. И эти археологические участки уже давно поделены между ведущими научными институтами и музеями мира. Значимость и удобство Гизы в этом отношении не поддается сравнению. Гиза с её пирамидами и сфинксом – место паломничества египтологов, и вести здесь раскопки – всё равно, что в России исследовать Московский или Новгородский кремль – и престижно, и удобно из-за близости к городской инфраструктуре.

«А что, Гиза не была поделена между археологами?», – спросите вы. Конечно, поделена – в настоящее время между Высшим советом по делам древностей Египта (Министерством древностей Египта) и американской экспедицией Гарвардского университета и Бостонского музея изящных искусств (подробнее о «разделе» Гизы мы скоро расскажем). Однако Министерство древностей Египта по своему усмотрению может выделять участки для работ из своих фондов, так же как и лишать археологической концессии.

И так получилось, что египтяне, по старинной памяти равнодушно относившиеся к русским египтологам и русским вообще (ведь именно первый русский египтолог В.С. Голенищев основал кафедру египтологии в Каирском университете, где потом преподавал другой русский египтолог В.М. Викентьев, и, конечно же, ещё сильны воспоминания о помощи Советского Союза в строительстве Высотной Асуанской плотины), сами предложили выбрать в Гизе какую-нибудь гробницу для её исследования и дальнейшей научной публикации.

Теперь дело оставалось «за малым» – найти в Гизе гробницу, во-первых, ещё не полностью исследованную и не опубликованную, не принадлежащую американской концессии, и не заполненную археологическими находками. «Как это?», – спросит уважаемый читатель. Дело в том, что многие гробницы Гизы, особенно в центральной части,

за Сфинксом, буквально под потолок завалены предметами, найденными в ходе раскопок египетского археолога Селима Хассана в первой половине XX века. Места в специализированных хранилищах для них не хватает, вот и остаются такие памятники закрытыми для доступа исследователей на неопределённое время.

После длительных изысканий подходящая по всем критериям гробница была найдена! Ею стала высеченная в скале гробница Хафраанха.

Но перед тем как перейти к исследованию гробницы Хафраанха, вернёмся в начало XX века и посмотрим, как происходил «раздел» Гизы, и что за этим последовало.

РАЗДЕЛ ГИЗЫ

В 1902 году Гастон Масперо, на тот момент глава Египетской Службы древностей, стремившийся упорядочить археологические раскопки в Египте, выступил с инициативой выделять иностранным миссиям территории для профессионального научного изучения и дальнейшей публикации результатов раскопок. Гиза – один из самых желанных участков, наряду с Долиной царей, была разделена на три концессии: немецкую, американскую и итальянскую. Начальники экспедиций – Людвиг Борхардт, Джордж Рейснер и Эрнесто Скиапарелли – тянули жребий: в цилиндр Скиапарелли поместили клочки бумаги с написанными на них частями Гизы. В результате обширный Гизехский некрополь был поделён следующим образом: итальянцы получили доступ к пирамиде Хуфу (Хеопса), немцы – к пирамиде Хафра (Хефрена), части Западного некрополя, а американцы – к пирамиде Менкаура (Микерина), другой части Западного и Восточному некрополям. Только центральная часть некрополя (к западу и к югу от сфинкса) и собственно Великий Сфинкс пока оставались вне зоны раскопок. Таким образом, масштабные работы должны были позволить исследовать огромное древнее кладбище как единое целое.

Американская экспедиция Гарвардского университета и Бостонского музея изящных искусств, возглавляемая Дж. Рейснером, приступила к раскопкам сразу же – в 1902 году. Целью исследования были гробницы-мастабы царских родственников и высших чиновников на Западном плато Гизы. Эта часть Гизехского некрополя начала застраиваться одновременно со строительством пирамиды Хуфу. Сооружение гробниц происходило по единому плану, и весь кладбищенский комплекс планировался заранее. В результате он представлял собой памятник с правильной планировкой: одинаковые по размеру и форме мастабы стояли на равном расстоянии друг от друга и разделялись неким подобием улиц. В отдельных гробницах были похоронены дети царя Снофру, т.е. сёстры и братья Хуфу, например, мастаба G 4140 принадлежала царевне Мерититес, а G 4240 – царевичу Снофрусенебу. На Западном плато хоронили также и детей Хуфу, например гробница G 1225 принадлежала дочери Хуфу, царевне Нефертиабет.

Итальянская археологическая миссия во главе с Эрнесто Скиапарелли, директора Туринского музея, лишь начала работы, но почти сразу сдала свой участок в Гизе, доставшийся американцам. Причиной послужило обнаружение в 1904 году в Фивах, на участке итальянской концессии в Долине цариц, гробницы Нефертари – жены Рамсеса II. Несмотря на то, что сама гробница, вырубленная в скале, была ограблена ещё в древности, её стены были оформлены превосходно выполненными рельефами и росписями. Все силы итальянцев были брошены на Фиванский некрополь, что и послужило причиной отказа от участка в Гизе.

Немецкая экспедиция начала исследовать свою часть Гизы лишь в 1909 году. Уво Хольшер, которому Людвиг Борхардт поручил раскопки в Гизе, выбрал для изучения пирамидный комплекс царя Хафра, состоявший из припирамидного (верхнего) и долинного (нижнего) храмов. Целью его исследований было выявить архитектурные особенности храмов и их художественное оформление. В 1910 году работы здесь были закончены. Пришедший ему на смену новый глава немецкой экспедиции Герман Юнкер в 1912 году

приступил к исследованию мастаб Западного плато, которое было поделено между ним и американцами. Работы были прерваны в 1914 году в связи с началом Первой мировой войны и возобновились лишь в 1925 году, продолжив изучение мастаб Западного плато. Раскопки длились 10 лет и закончились в 1935 году. С тех пор немцы в Гизе не возвращались и с началом Второй мировой войны лишились этой концессии.

С 1920-х годов в Египте начался подъем национальной археологии. Появились археологи-египтяне, воспитанные иностранными специалистами, которые приступили к самостоятельным раскопкам, в том числе в Гизе. Первым ярким представителем был Селим Хассан, который с 1922 по 1938 годы возглавлял экспедицию Каирского университета и египетской Службы древностей по изучению пирамиды Хуфу. В 1929 году он приступил к раскопкам центральной части Гизы, где были выявлены небольшие мастабы и скальные гробницы чиновников и жрецов эпохи V–VI династий, пирамиды царицы Хенткаус I, а также припирамидное поселение, располагавшееся вокруг её пирамиды и включавшее жилища жрецов, занимавшихся отправлением поминальных культов в гизехских храмах и гробницах. Окончив раскопки Центрального плато в 1935 году, Хассан уже на следующий сезон приступил к раскопкам Сфинкса и прилегающей к нему территории, длившиеся два года, до 1938 года.

План Гизы с указанием места расположения зоны концессии Российской археологической экспедиции Института востоковедения РАН

ГЛАВА 3. ИЗУЧЕНИЕ ГРОБНИЦЫ ХАФРААНХА

«ГРОБНИЦА ЧИСЕЛ» – ШКОЛА ДЛЯ ЭКСПЕДИЦИИ

Первоначально, когда выбор участка российской концессии был утвержден Высшим советом по делам древностей Египта, предполагалось ограничиться археолого-эпиграфическим исследованием вырубленной в скале гробницы Хафраанха (G 7948 по нумерации гробниц Гизы или LG 75 по нумерации Лепсиуса). Собственно гробница и рельефы из неё были известны по публикации К.Р. Лепсиуса¹ в середине XIX века, однако часть прорисовок рельефов, выполненных художниками Лепсиуса, оставляла некоторые вопросы, да и не все помещения гробницы были раскопаны. Из-за обилия изображённых на стенах гробницы быков, коров, ослов и баранов, и иероглифов, означавших количество животных, путешественники прозвали её «Гробницей чисел».

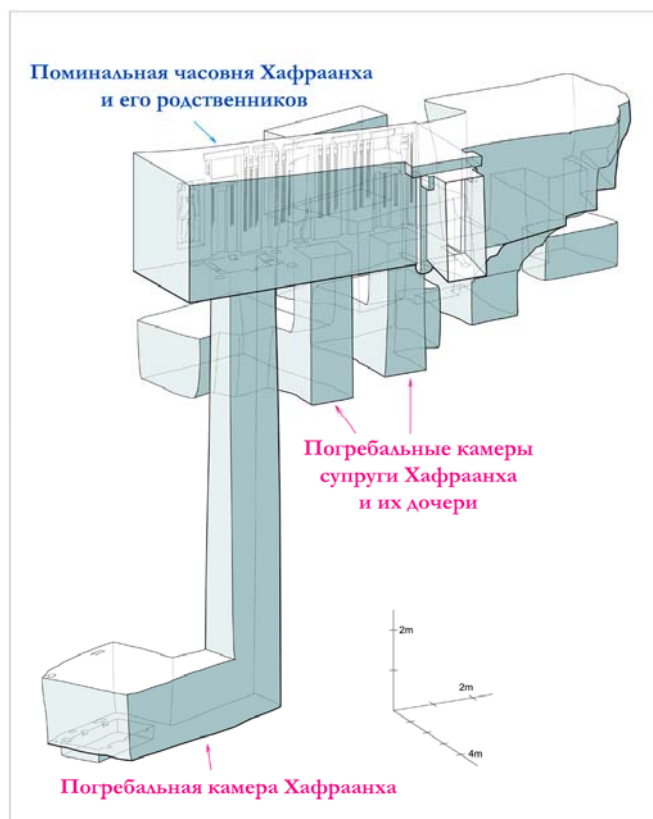
Владелец гробницы – Хафраанх, чьё имя переводится как «Да живет [царь] Хафра» (т.е. Хефрен), жил в первой половине – середине V династии и имел титулы «царский придворный, друг Большого дома (т.е. царя), надсмотрщик за жрецами-уабами пирамиды «Велик Хафра» (т.е. жрецами, исполнявшими очистительные ритуалы в храмах у пирамиды Хафра), занимая не последнее место в древнеегипетской царской администрации.

Гробница Хафраанха была высечена в скале и по первоначальному плану состояла из двух частей – культового помещения, обычно называемого поминальной часовней и имевшего L-образную форму, и

вырубленных в скале под часовней трёх шахт, ведущих, соответственно в три погребальные камеры. Эти камеры, собственно, и служили местом захоронения Хафраанха и его семьи.

Позднее гробница Хафраанха была расширена за счёт уничтожения северной стены, что позволило вырубить дополнительное скальное помещение со спуском для саркофага, ведущим в погребальную камеру, и с неглубокой шахтой, также с погребальной камерой. Ни рельефов, ни росписей в этой части гробницы сделано не было, а оба погребения впоследствии были полностью уничтожены древними грабителями, поэтому установить, кто и когда расширял гробницу, не представляется возможным. Законным путём это могли сделать родственники Хафраанха.

Археологическое изучение гробницы Хафраанха российской экспедицией осуществлялось в течение трёх полевых сезонов 1996–1998 годов, а настенных рельефов и найденных находок – до 2002 года. Участникам экспедиции многому пришлось учиться с нуля: копировать высеченные на стенах рельефы, чтобы точно передать линии и нажим

Аксонметрический чертеж скальной гробницы Хафраанха

¹ Lepsius K.R. *Denkmäler aus Aegypten und Aethiopen. Textband I.* Berlin, 1849. S. 91–94.

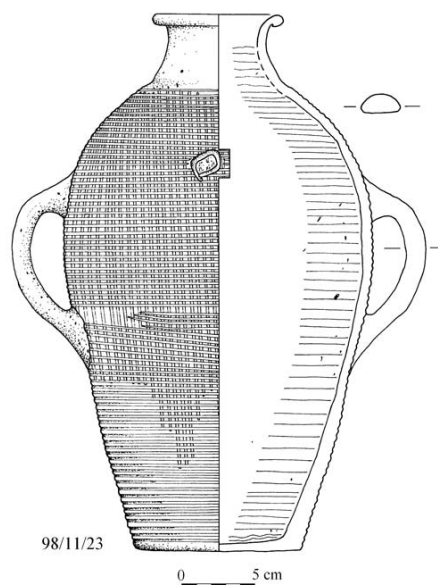
резца древнего мастера; разрабатывать методику обмера скальных помещений, невидимых снаружи; обрабатывать многочисленный керамический материал, при общей схожести с отечественным, имеющий свои особенности; изучать костные останки в иссушающем жарком египетском климате. Не всегда работали привычные методы, например, восстановление черепков с помощью восковых пластин не годилось в условиях 35-градусной жары. И здесь неоценимую помощь оказали иностранные коллеги, делившиеся опытом, знаниями и навыками: Йозеф Дорнер, Сильви Маршан, Анна Водзинска, Мириам Висса, Мирослав Барта и другие.

В результате раскопок в гробнице удалось определить, что этот памятник был сооружён во второй половине правления V династии, наиболее вероятно – в царствование Джедкара-Исеси (примерно 2405/2355–2367/2317 годы до н.э.). Были скопированы рельефные изображения и надписи и сделан их перевод. Сравнение с рисунками экспедиции Лепсиуса выявило ряд отличий, касающихся формы иероглифов и некоторых сцен. Наиболее примечательной в этом отношении оказалась сцена жатвы на восточной стене гробницы, где несколько крестьян серпами срезают пшеницу под звуки дудки, на которой играет ещё один персонаж, а другой отбивает такт руками. В прорисовках Лепсиуса на месте человека с дудкой показан крестьянин, пьющий воду из узкого и длинного сосуда, и это повлекло за собой ряд ошибок в научной литературе. Например, в книге немецкого египтолога Дины Фальтингс, посвящённой бытовой керамике Древнего царства², констатируется, что могли существовать отдельные типы сосудов, изображённые на гробничных рельефах, но не найденные в ходе археологических раскопок, как узкий сосуд из гробницы Хафраанха, на самом деле оказавшийся дудкой.

В поминальной часовне гробницы Хафраанха были раскопаны три шахты (глубиной 11 м, 7 м и 4 м), ведущие в погребальные камеры, в которых изначально находились захоронения самого Хафраанха, его жены Херенка и их дочери Ишепет.

К сожалению, все погребения были разграблены ещё в древности, а основная масса сопутствующих захоронениям предметов украдена или разбита. Однако некоторые вещи всё же удалось найти и реставрировать. Прежде всего, это каменные орудия труда (кремнёвый нож, два диоритовых молота, лоцильные камни из песчаника и кварцита) и керамические сосуды: так называемая «гизехская амфора», краснолощёная «мейдумская чаша» и грубый пивной кувшин. Амфора,

собранная из 52 фрагментов, которые находили в течение двух сезонов 1997 и 1998 годов, являлась предметом импорта из стран Леванта и имела метку гончара. Скорее всего, она была привезена в Египет из Библа как тара с вином. Похожая амфора была обнаружена в начале XX века в гизехской мастабе G 7330 A, она имеет надёжную датировку второй половиной правления

«Гизехская амфора» поздней IV династии из погребения Хафраанха

² Faltings D. *Die Keramik der Lebensmittelproduktion im Alten Reich. Ikonographie und Archäologie eines Gebrauchsartikels*. Heidelberg, 1998. S. 21–22.

IV династии (т.е. приблизительно рубеж XXVI и XXV веков до н.э.). Мейдумская чаша, также датированная поздней IV династией, являлась дорогой столовой утварью, изготовлявшейся и использовавшейся в Египте времени Древнего царства. Пивной кувшин относится к более позднему времени V династии, что согласуется с датировкой гробничных рельефов и надписей и общей датой сооружения гробницы Хафраанха. Таким образом, при раскопках мы столкнулись с ситуацией, когда в качестве погребального инвентаря, наряду с традиционными жертвенными предметами, одновременными гробнице, использовалась дорогая, но старая посуда. Почему так случилось, нам остаётся только гадать.

Помимо этого, в погребальной камере Хафраанха, над его погребением, было обнаружено значительно более позднее вторичное захоронение, сопровождавшееся предметами Саисского времени (664–525 гг. до н.э.), в частности, импортной финикийской амфорой, датированной VI веком до н.э.

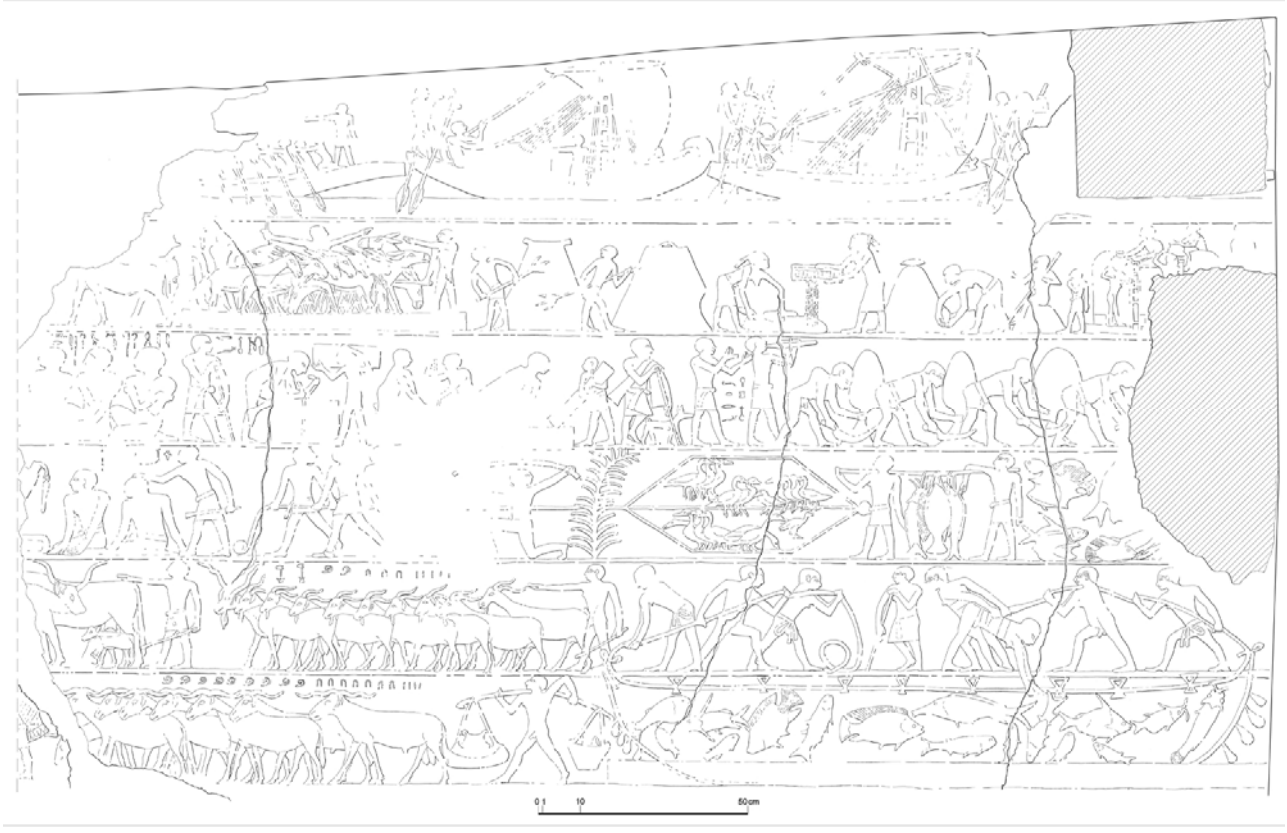
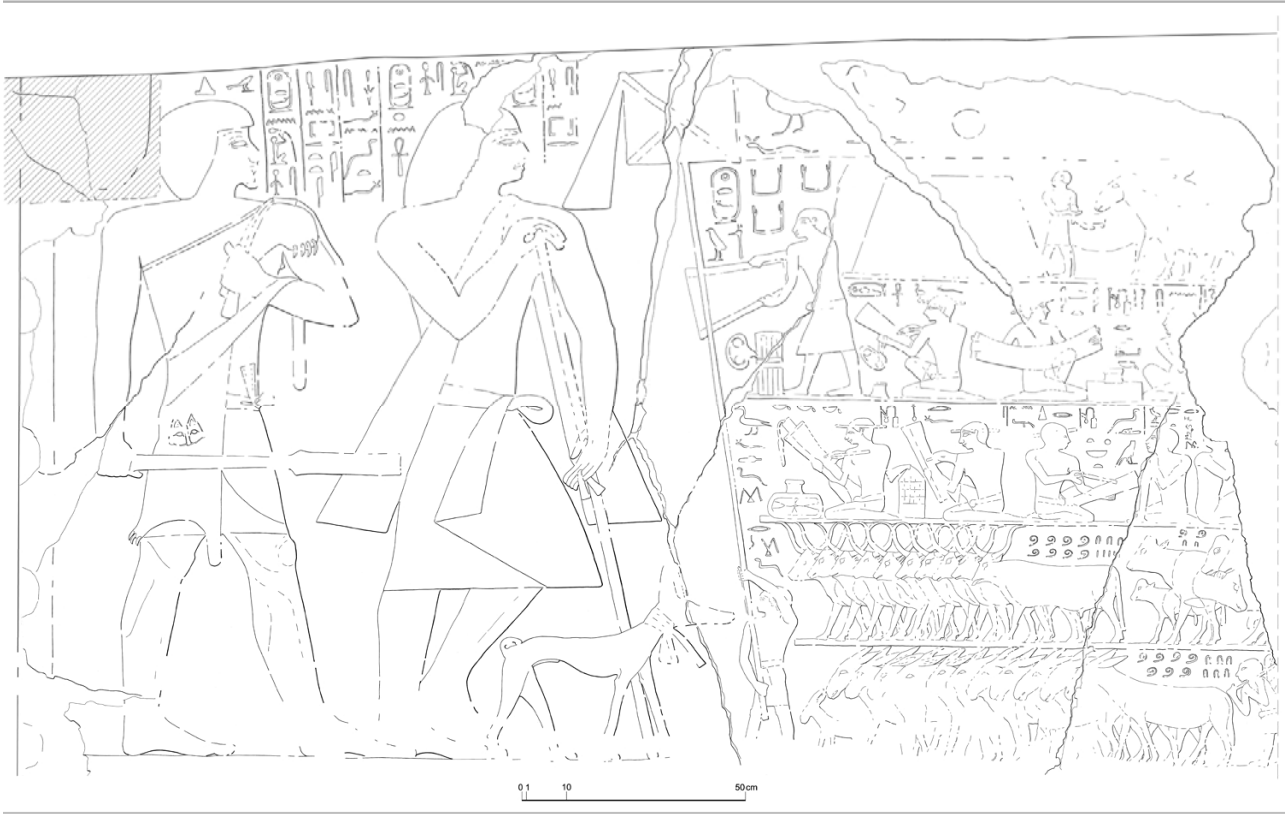
ЗАГРОБНЫЙ МИР ХАФРААНХА: РЕЛЬЕФЫ В ГРОБНИЦЕ G 7948

Мы уже говорили, что культовое помещение гробницы Хафраанха – т.е. её поминальная часовня имела L-образную форму: помещение в виде прямоугольника, вытянутого по оси север-юг со значительным отклонением к востоку, со входом-коридором, примыкающим к нему в северной части восточной стены. Стены этого прямоугольного помещения и коридора были покрыты несильно выступающими над поверхностью рельефами, в некоторых местах имевшими плохо сохранившиеся следы раскраски. На пространстве входного коридора был изображён владелец гробницы – Хафраанх, причём на восточной стороне прохода в стиле, принятом в египтологии называть «согласно жизни» – т.е. в виде дородного господина в окружении сына и дочери. Это, по древнеегипетским представлениям, символизировало достаток и высокое положение. На противоположной – западной стороне прохода Хафраанх, также в окружении детей, был показан в т.н. «идеализированном виде» – молодым гармонично сложенным мужчиной с развитой мускулатурой. Именно такие изображения считались идеалом не только мужской красоты в Древнем Египте, но и соответствовали наиболее подходящему состоянию человеческого организма для вечного благополучного «обитания» в Загробном мире.

Западная стена – самая важная для древнеегипетской гробницы III тыс. до н.э., содержала скальную статую³ Хафраанха в натуральную величину, а далее была оформлена в виде череды т.н. «ложных дверей» – рельефно высеченных изображений открытых узких и высоких дверных проёмов со скатанной циновкой сверху (по форме напоминающей горизонтальный цилиндр или барабан). Эти дверные проёмы вели на Запад – т.е. в Загробный мир, где и обитали египтяне после их смерти. Такие «условные» двери составляли пары (по две двери для каждого из погребённых в гробнице – для Хафраанха, его жены Херенка и их дочери Ишепет) – одна служила для выхода из Загробного мира, другая – для возвращения в иной мир. Выходя из такой «ложной двери», душа покойного (точнее, его двойник-ка)⁴ оказывалась в гробничной часовне, где на восточной, южной и северной стенах взирала на изображения земных благ, процессы изготовления продуктов и предметов, необходимых для комфортного существования в загробном мире, плавание и охоту на нильских обитателей в прибрежных зарослях у реки. Созерцая всё это, двойник насыщался, и, довольный, возвращался в Загробный мир.

³ Скальными статуями мы называем пластические изображения, выполненные в технике сильно углубленного рельефа таким образом, что создается впечатление, что это отдельно стоящие фигуры, однако в реальности они составляют одно целое со скалой, в которой высечена гробница.

⁴ По проблеме двойника-ка см.: Большаков А.О. *Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства*. СПб., 2001.

Прорисовка рельефов на восточной стене гробницы Хафраанха, вторая половина V династии

Для этих же целей служили и жертвенные дары, которые приносились древнеегипетскими заупокойными жрецами, именовавшимися *хему-ка*, т.е. «слугами *ка*». Среди даров могли быть пища и питье в керамической таре, фрукты и зелень в корзинах, мясо птицы, крупного и мелкого рогатого скота, рыба, одежда, ювелирные изделия и мебель. Об этом мы знаем не столько из раскопок гробниц (обнаруживаемых, обычно, уже давно разграбленными), а из гробничных изображений и перечней предметов (т.н. «жертвенных списков»). Понятно, что такой громоздкий поминальный культ, который в идеале должен был длиться вечно, в реальности был мало выполним, поэтому рано или поздно египтяне пришли к выводу, что достаточно принести в гробницу лишь имитацию предмета, и изобразить внутри на стенах гробничной часовни многочисленные полки с жертвенными дарами, бесконечные процессии дароносцев – и этого будет вполне достаточно для обеспечения комфортной жизни владельца гробницы и его родственников в ином мире.

Именно по этой причине на восточной стене гробницы Хафраанха были показаны лов рыбы, жатва на полях, засыпка зерна в хранилища, утки в садке, плавание по Нилу, многочисленные стада животных, над которыми указано их количество, свидетельствующее о благосостоянии Хафраанха: 835 быков, 220 коров, 2235 коз, 974 барана и 760 ослов. И за всем этим наблюдают две крупных, во всю стену, мужских фигуры – Хафраанха и его брата Итети, который, видимо, и позаботился о завершении гробницы брата и об отправлении поминального культа Хафраанха в ней. Кстати, сам Итети похоронен в маленькой наземной гробнице-мастабе в 200 метрах к юго-западу от скальной гробницы Хафраанха. Унаследовав от старшего брата его придворную должность и титулы, Итети был обязан заниматься и погребением Хафраанха, и дальнейшим поддержанием его гробницы.

На южной стене своей гробницы был показан Хафраанх, сидящий на скамье вместе с супругой Херенка, а под скамьей небольшая фигурка их дочери, и её имя – Уретка. Перед ними стол, ломящийся от яств, а далее – поднесение даров и приготовление пищи.

На северной стене, которая, как мы уже говорили, была снесена в целях увеличения числа помещений в гробнице, некогда был изображен Хафраанх на лодке, охотящийся в зарослях по берегам Нила. От этого рельефа остались небольшие части, которые лишь в общих чертах дают представление о тематике сцены.

Так или иначе, рельефы гробницы Хафраанха рисуют картину достатка Хафраанха, обеспеченного и после своей смерти.

ВЫХОДИМ НА ПОВЕРХНОСТЬ

В 1999 году для уточнения архитектурного плана гробницы Хафраанха была расчищена прилегающая к её входу территория, и здесь, совершенно неожиданно, была обнаружена целая вереница погребальных шахт. Так экспедиция начала исследовать участок перед скальной гробницей, и, в результате, было найдено кладбище, содержащее несколько небольших мастаб из сырцового (т.е. высушенного на солнце) кирпича и погребений как в форме шахт, высеченных в скальном основании, так и в виде прямоугольных склепов из кирпича-сырца. Из-за своей компактности и скученности он получил название Малого некрополя перед гробницей Хафраанха.

ГЛАВА 4. МАЛЫЙ НЕКРОПОЛЬ ПЕРЕД ГРОБНИЦЕЙ ХАФРААНХА

МНОЖЕСТВО ПОГРЕБЕНИЙ

За 7 лет (с 1999 по 2005 годы) на участке перед гробницей Хафраанха удалось расчистить три мастабы из сырцового кирпича и 44 погребения представителей среднего класса древнеегипетского общества, устроенных на трёх скальных террасах, а также древнюю подпорную стену, расположенную к северу от Малого некрополя и защищавшую край Восточного плато Гизы от обрушения.

Большая часть погребений Малого некрополя была потревожена ещё в древности, а от погребального инвентаря мало что осталось: лишь в трёх могилах были найдены кремнёвые орудия (ножевидные пластины и скребок), ещё в одной пивной кувшин с отбитым венчиком. В 15 могилах были обнаружены человеческие скелеты различной степени сохранности, однако позволяющие определить особенности древнеегипетского погребального обряда в III тыс. до н.э. – т.е. в какой позе был положен умерший, как тело ориентировали по сторонам света, что помещали вместе с покойным в погребение.

Удалось выявить закономерность: все покойные (за единственным исключением) были помещены головой на север, лицом на восток. А вот поза тела могла быть разной: как скорченной (т.н. «поза эмбриона», напоминающая ребенка в утробе матери) и полускорченной на левом боку, так и вытянутой. Скорченная и полускорченная позы более характерны для ранних периодов египетской истории и восходят ещё к погребениям в простых ямах, вырытых в пустыне, относящихся к додинастическому времени (т.е. V–IV тыс. до н.э., когда Египет ещё не был единой страной, управляемой царём). Эти позы, видимо, ассоциировались у древних жителей со сном или нахождением в чреве матери, а мумификации тела ещё не производилось – его сохранность обеспечивалась жарким и достаточно сухим египетским климатом. А вот вытянутая поза положения покойного появляется только в эпоху Древнего царства (т.е. примерно в середине III тыс. до н.э.) и может быть связана как раз с введением практики мумификации, хотя у погребенных в Малом некрополе следы специальной обработки тел с целью их длительного сохранения отсутствуют.

Малый некрополь перед скальной гробницей Хафраанха, полевой сезон 2002 года

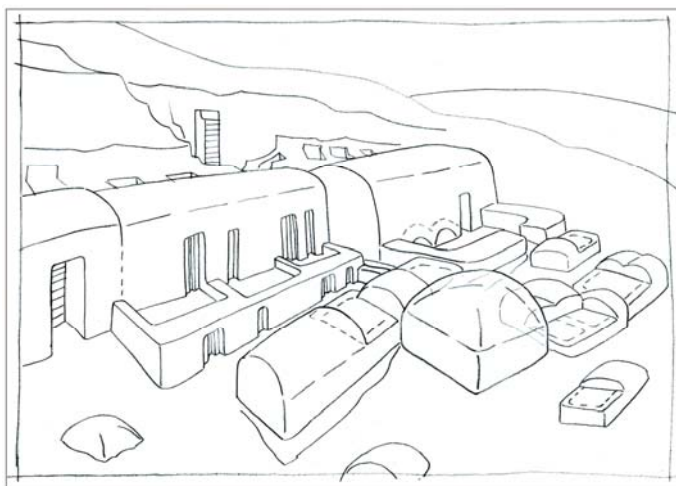
ДАТИРОВКА МАЛОГО НЕКРОПОЛЯ

Обнаруженный нами Малый некрополь был создан не в один день. В процессе исследования, продвигаясь с запада на восток от гробницы Хафраанха, мы расчищали шахту за шахтой, могилу за могилой, понимая, что постепенно картина меняется. Если вырубленные в примыкающей к гробнице скальной террасе шахты по конструкции походили на аналогичные погребальные сооружения внутри гробницы и были приблизительно синхронны ей по времени, то уже на следующей скальной террасе, расположенной почти на три метра ниже, экспедиция столкнулась с сооружениями из сырцового кирпича – небольшими гробницами-мастабами, внутри которых содержалось несколько погребений не только в шахтах, но и в своеобразных колодцах, выложенных из сырцового кирпича и имевших в боковых стенах своды, похожие на римские каменные арки, только почти на три тысячи лет старше. Когда остатки этих зданий были расчищены, оказалось, что первоначально три мастабы примыкали друг другу, образуя цепь сооружений, пристроенных к скальному уступу. Стены одной мастабы были перестроены: древним зодчим пришлось снести северные части западной и восточной стен, чтобы сделать проход к скальной гробнице Хафраанха. А это означает, что сырцовые мастабы были построены раньше скальной гробницы. Керамические черепки из теста сырцовых кирпичей мастаб относились к поздней IV – ранней V династиям, что позволило датировать эти мастабы первой половиной V династии, тогда как гробница Хафраанха была создана во второй половине V династии, что видно по особенностям рельефных изображений в ней, её эпитафии и палеографии иероглифических знаков.

Далее к сырцовым мастабам древние египтяне (возможно, родственники владельцев этих гробниц) начали пристраивать сооружения-дворики с новыми захоронениями, а затем и простые склепы из сырцового кирпича, следуя в восточном направлении. Соответственно, чем дальше от мастаб V династии располагалось погребение, тем позже оно было сооружено.

Последним этапом существования Малого некрополя было заполнение свободного пространства между мастабами и склепами, в которое буквально втискивались новые могилы и шахты. Последние были вырублены в скале прямо на проходе в гробницу Хафраанха. Наиболее поздние погребения Малого некрополя относятся к концу VI династии (XXII век до н.э.), среди них погребение №36 женщины в «позе эмбриона», прозванной нами «Гюльчатой» за свою изящность. Дама была уложена в небольшой деревянный ящик (всего 50 x 88 см!), отпечатки от досок которого сохранились в глинистой обмазке внутри могилы-склепа. Это погребение примечательно тем, что умершая была положена не традиционно – головой на север, а головой на запад, что противоречило древнеегипетскому погребальному обряду III тыс. до н.э. Но если внимательно посмотреть на план Малого некрополя, то становится понятно, что иначе и быть не могло – попросту в этой части кладбища не осталось места, чтобы положить её правильно – головой на север.

Нельзя сказать, что мы исследовали Малый некрополь перед гробницей Хафраанха на все 100% – часть погребений из самых восточных уходила под сложенную из камня в XX веке стену, отделяющую археологический памятник Гизу от современной деревни

Реконструкция возможного вида Малого некрополя перед гробницей Хафраанха

Назлет эль-Самман. А сразу же за стеной начинаются жилые дома, хозяйственные постройки и узкие кривые улочки типичного арабского поселения, а также всё то, что этому сопутствует – мусор, куры, ослы, козы, лошади и верблюды. И всё это находится на древнем кладбище. Местные жители прекрасно знают это и категорически отказываются покидать свои дома: наверное, уже минуло двадцать лет, как «Высший совет по делам древностей» предложил освободить эту территорию под раскопки, но до сих пор решения по этому вопросу не принято. А пока время идёт, жители Назлет эль-Саммана устраивают раскопки в подвалах собственных домов, иногда удачно, и отсюда рождаются легенды о несметных сокровищах и золотых статуях фараонов, скрытых под деревней; а иногда и трагично, когда подкопанный фундамент дома не выдерживает и обрушивается прямо на «чёрных археологов», как это случилось в 2009 году.

«ПРОКЛЯТИЕ МУМИИ»

В 2009 году, за два года до египетской революции, Гизу уже всюю беспокоили грабители. Так, на Западном плато, где обычно довольно безлюдно, то и дело можно было наткнуться на остатки свежеспиленного рельефа. В нашей части некрополя, на Восточном плато, нас тоже ждало неприятное открытие. Обходя гробницы в начале сезона, мы вдруг обнаружили, что одна из шахт в гробнице GE 23⁵ была недавно раскопана. Вокруг шахты лежал выброшенный песок и валялись части разодранной поздней мумии. Мы с таким раньше не сталкивались, ведь Гиза считалась хорошо защищённым некрополем: полиция, забор, видеокамеры... Представьте себе, что вы приходите с утра на Красную площадь и вдруг видите, что одна из могил у кремлёвской стены раскопана!

Мы спустились в шахту, и перед нами открылась живописная картина как будто бы из фильма про Индиану Джонса. Работа ещё явно не была завершена: в шахте лежала сменная одежда и несколько бутылок с водой, а в погребальной камере – небольшая кирка и фонарик. Набор юных археологов! Грабителей было двое, и они явно намеревались вернуться, чтобы закончить свое дело. Но не вернулись: одежда, бутылка, фонарик – всё было покрыто толстым слоем месячной пыли. Что же случилось? Неужели их поймали? Несколько дней мы ломали себе головы, пытаясь понять, ждать нам ещё этих незваных помощников или нет? А потом наш инспектор рассказал о том, как примерно за месяц до нашего приезда в Гизу напротив русского раскопа рухнул деревенский дом. В нём, как и во многих других домах в этой части деревушки, велись нелегальные раскопки. Прямо в подвале! Однако на этот раз грабители просчитались и докопались до того, что под фундаментом не осталось почвы – дом рухнул, унеся жизни шести искателей древностей. Мы поняли, что наши расхитители могил уже не вернуться, что ни фонарик, ни кирка, ни одежда им уже больше не понадобятся. Мумия нашла своих обидчиков и отомстила. А кирку мы оставили себе, очень уж она оказалась удобная.

Увы, грабители успели уничтожить какой-то хоть и относительно поздний, но, судя по всему, очень интересный комплекс. Спустя шесть лет мы работали в совершенно другой части некрополя, прямо у процессионной дороги Хуфу (Хеопса), и в шахте 4 гробницы LG 63 обнаружили что-то похожее на то, что некогда было разрушено в гробнице GE 23. В древней погребальной камере III тыс. до н.э. лежали две поздние мумии, относящиеся, видимо, к Саисскому периоду (664–525 годы до н.э.). Они были засыпаны простым песком и оставались нетронутыми на протяжении более двух с половиной тысяч лет. Мы расчищали проход к ним с помощью всё той же маленькой кирки, доставшейся от грабителей. Но теперь она была на службе у науки, и мы пытались вернуть к жизни истории этих людей, а не охотились за их сокровищами. И мумии отпустили нас с миром.

⁵ GE+порядковый номер – нумерация погребальных сооружений Восточной Гизы (Giza East), обнаруженных нашей экспедицией на участке Российской археологической миссии в Гизе.

ПРИНИМАЕМ ОГОНЬ НА СЕБЯ

Читая эту книгу, рано или поздно появляется вопрос: «А что же у них там что ни гробница, шахта или погребение – то всё ограбленное?». Действительно, для нас найти непотревоженное погребение – редкая удача! Чаще же заполнение погребальных шахт и склепов – это ужасающий перемес разного по времени и характеру материала: многочисленные разрозненные человеческие кости (например, в шахте 1 безымянной скальной гробницы GE 17 антропологи насчитали кости от 30 человек!), черепки керамических сосудов от III тыс. до н.э. до современности, фарфор XIX и XX веков, обломки стеклянных браслетов, модных в Египте в середине XX века, и многое другое, иногда совсем неожиданное, как, например, японский орден (о таких находках мы тоже расскажем).

Иногда в погребальных камерах гробниц встречаются грабительские ходы, прорубленные в скале и ведущие в соседние погребальные камеры. Иногда грабители наталкивались на мягкие глинистые прослойки *тафлы* (мергеля) в известняке, и по ним прорывали длинные туннели, соединявшие своеобразным лабиринтом по несколько гробниц (такие есть и на нашем участке).

И в чём же причина ужасающе плохой сохранности восточной части археологического памятника? Ответ прост – близость от людей и слава Гизы как древнего царского некрополя. Восточное плато Гизы граничило и продолжает граничить с арабской деревней, сейчас ставшей частью Каира, а восточную оконечность Восточного плато Гизы вообще можно назвать «первой линией обороны» – именно она наиболее часто испытывает на себе воздействие тёмных личностей с их

Пока археологи копают, деревня Назлет эль-Самман живёт своей жизнью

грабительскими устремлениями, ведь до более удалённого Западного плато Гизы нужно ещё добраться – по жаре, песку, а сейчас – и через посты туристической полиции. Вот и получалось, что те, кто хотел покопаться в древних гробницах, зачастую шли в ближайшие, и перерывали шахты, до них уже неоднократно вскрытые более ранними предприимчивыми людьми... И началось это не вчера, а тогда, когда вместе с людьми стали класть предметы, представляющие для кого-то ценность – т.е. ещё в глубокой древности.

И так по всему Египту: шанс найти нетронутое или малопотревоженное погребение невелик по соседству с деревушками, но чем удалённее от них – тем больше возможностей у археолога обнаружить памятник, которого не касалась рука грабителя, древнего или современного.

Но не всё так плачевно. И у нас время от времени случается праздник, когда мы находим уцелевшее погребение, древние иероглифические надписи или предметы, которые расширяют наши знания об одной из древнейших цивилизаций мира.

Часть похороненных в Малом некрополе перед гробницей Хафраанха была положена на слой чистого просеянного жёлтого песка, не похожего на серо-бежевый песок Гизы, образующийся от эрозии известнякового плато. Такой песок есть в пустынной части южной Гизы, примерно в 2–3 километрах от Малого некрополя. Получается, что устроители похорон специально приносили такой грунт, чтобы уложить умершего на своеобразную песчаную перину. Подсыпка из жёлтого песка пустыни делалась как в простых погребениях-склепах, так и в гробницах знати – например, у Хафраанха и Перинеджу, являя собой, как нам кажется, древние пережитки – своеобразные отзвуки давних додинастических традиций, когда покойных хоронили в пустыне.

Интересно, что и в «Тестах пирамид» – древнеегипетских иероглифических надписях, обнаруженных внутри царских пирамид главным образом времени правления VI династии, есть указание на песок, а также на позу покойного на левом боку: «*Отец мой Неферкара (т.е. Пепи II), встань, возьми себе эту холодную воду, что из Ахбит! Встань в твоей гробнице, освободись от погребальных пелен! Стряхни песок с лица своего (Пепи Неферкара)! Поднимись со своего левого бока и обопришь на правый*»⁶. Сейчас учёные считают, что эти иероглифические тексты, которые начали высекать на стенах камер и коридоров внутри усыпальниц царей с конца V династии (примерно со второй половины XXIV века до н.э.), появились гораздо раньше – возможно, ещё до периода объединения Египта и воцарения правящих династий; это были сборники магических формул и ритуалов, позволявших египетскому царю достичь бессмертия в Загробном мире и вести там комфортное существование. Тогда становится понятным, почему в «Текстах пирамид» упоминаются архаичные погребальные обряды.

В некоторых случаях внутренние стены и дно погребений-склепов, сооружённых во второй половине V и при VI династиях в Малом некрополе перед гробницей Хафраанха, были окрашены в белый цвет, что, по-видимому, является не строительным приёмом, а, скорее, ритуальным очищением места погребения. В противном случае склепы покрывались бы белой штукатуркой и снаружи, но как раз там её следов и не было обнаружено.

По раскопкам польских коллег в Саккаре мы знаем, что белая штукатурка наносилась на стены погребальных камер гробниц, крышки каменных саркофагов⁷. Более того, польские исследования гробниц представителей египетской знати Хети, Джести и Нипепи в Саккаре, относимых ко второй половине VI династии, дали важный материал по практике беления стен в поминальных часовнях гробниц, где этому действию подвергалось не всё стенное пространство, а наиболее важные культовые зоны – «ложные двери» и участки рядом с ними, а также места для жертвенных даров. Причём под побелкой в гробнице Джести скрывалась окрашенная красным пигментом поверхность, видимо, имитировавшая красный гранит. Слой побелки на гробничной стеле Хети был столь толстым, что практически скрыл часть рельефа. На стеле Нипепи толстый слой побелки спрятал не только рельеф, но и часть имени и титулов владельца. В саккарской гробнице Сешемнефера, относящейся к поздней VI династии, белым пигментом были покрыты «ложные двери», метровые зоны рядом с ними и места для жертвенных даров, при этом побелка была произведена четыре раза, что видно по наличию осиных гнёзд между слоями. Всё это позволило изучавшему этот вопрос польскому археологу Камиллю Курашкевичу прийти к выводу, что «побелка осуществлялась уже после того, как памятники были завершены, и такое окрашивание не имело ничего общего с декоративными действиями... Цель беления культовых мест могла быть связана с восстановлением их ритуальной чистоты, утерянной по разным причинам»⁸.

⁶ Allen J.P. *The Ancient Egyptian Pyramid Texts*. Atlanta, 2005. P. 272, N 388 (Pyт. 662).

⁷ Myśliwiec K. et al. *Saqqara I. The Tomb of Merefnebef*. Warsaw, 2004. P. 55. Rzeuska T.I. *Saqqara II. Pottery of the Late Old Kingdom. Funerary pottery and burial customs*. Warsaw, 2006. P. 444–446.

⁸ Kuraszkiewicz O.K. Inscribed Objects from the Old Kingdom Necropolis West of the Step Pyramid (With Remarks on Their White Coating) // *Archiv orientální*. 2002. Vol. 70.3. P. 366–368.

ЕГИПТЯНЕ – РАЦИОНАЛИСТЫ?

В Малом некрополе перед гробницей Хафраанха, так же как и в Малом некрополе перед другой скальной гробницей, принадлежавшей Ченти I, нам почти не посчастливилось найти погребальный инвентарь – например, керамические сосуды или набор каменных орудий труда, даже когда скелеты сохранились в анатомическом порядке (за редким исключением отдельных орудий, печати-«пуговицы» и медной подвески). Если сравнить, например, кладбища додинастического времени с аналогичным некрополем, но уже династического времени, то мы увидим, что как раз на более древних кладбищах предметы в погребениях были частым явлением и маркировали собой как социальный статус покойного, так и существование неких представлений о Загробном мире, в котором умершему понадобятся пища, питьё и различные предметы, хотя бы минимальный их набор. Поэтому отсутствие вещей во внешне непотревоженных могилах стало для нас своеобразным сюрпризом. Как объяснить такое? Грабители проникли в могилу, взяли вещи, но скелет не тронули? Или предметов изначально там не было? И как всё это соотносится со сложившимся стереотипом о том, что все силы египетской цивилизации были брошены на обеспечение благополучного существования покойного в Загробном мире, выразившееся в многочисленных предметах, помещаемых в гробницы египтян? Этот стереотип выработался у нас, по большей части, под влиянием информации по царским усыпальницам в Долине царей, относящихся к эпохе Нового царства – т.е. к XVI–XI векам до н.э., прежде всего, по гробнице Тутанхамона. Но стоит ли полагать, что эта традиция касалась всего египетского населения во все времена?

Допустим, что основная часть погребений в Малых некрополях перед гробницами Хафраанха и Ченти I действительно не содержала погребального инвентаря. Особенности положения нетронутых грабителями скелетов говорят именно об этом. Тогда получается, что в эпоху Древнего царства (т.е. в XXVII–XXII веках до н.э.), особенно во второй его половине, египтяне стали несколько проще относиться к обеспечению посмертного существования умершего. Есть ли что-то ещё, что подтвердит нашу гипотезу?

Что удивительно – есть! Со времени IV династии стала развиваться практика совершения обрядов поминовения царей в их храмах, расположенных у их пирамид, а у представителей знати в их гробничных часовнях, из которых начинаются шахты, ведущие в погребальные камеры – т.е. места положения тела умершего. При совершении поминальных обрядов жрецами в храмы и часовни доставлялись керамические сосуды с пищей и питьём. Спустя некоторое время появляется новый тип керамики – миниатюрные вотивные модели сосудов (размером не более 10 см, но чаще – и того меньше – всего 2–4 см), которые вместе с полноразмерными сосудами начинают приноситься в культовые места, а затем практически перенимают на себя функции полноразмерной бытовой керамики. Пик использования таких вотивных моделей приходится на середину правления V – начало VI династии, и, как результат, у гробниц и царских храмов этого времени керамические модели находят сотнями, тысячами и даже десятками тысяч, как в поминальном храме малоизвестного египетского царя Джедефра – сына Хуфу (Хеопса), свергнутого своим братом Хафра (Хефреном) и потому не успевшего достроить свой пирамидный комплекс в Абу-Роаше, в 7 километрах к северу от Гизы. Особенности обнаружения свидетельствуют, что миниатюрные керамические модели сосудов на ранних этапах своего существования доставлялись в места отправления культа с крупицами пищи, а затем и вовсе пустыми, т.е. они стали символами подношений пищи и питья. Рационализм и магия одновременно!

Действительно, подношение моделей-заменителей керамических сосудов вполне можно расценивать и как рациональное, если представить себе, как это могло бы выглядеть, если бы процессии жрецов действительно ежедневно ходили бы с жертвенными дарами по гробницам, доставляя туда хотя бы минимум из того, что перечислено в т.н. жертвенной формуле дарения по воли царя и египетских богов – Осириса или Анубиса: «жертва,

даваемая царём, жертва, даваемая Осирисом... тысяча хлебов, тысяча кувшинов пива... каждый день».

Интересно, что наблюдение о рационализме подтверждается и анализом других категорий предметов, найденных в некоторых богатых погребениях – например, миниатюрными моделями орудий труда и сосудов из меди и камня, каменными имитациями пищи (например, гусиными тушками из кальцита, первоначально использовавшимися как контейнеры для этого вида пищи), диадемами, керамикой, специально сделанной для погребения.

Несколько раз, исследуя гробничные шахты, почти полностью ограбленные, нам удалось определить, что отдельные предметы первоначально относились к инвентарю погребений – так произошло с шахтой 2 гробницы Хуфхотепа и шахтой 5 гробницы Ченти II, керамические комплексы из которых датируются поздней V – ранней VI династиями. И, что интересно, везде присутствовали сосуды, аналогичные которым находят и на поселениях, и в богатых гробницах, но наши отличались худшим качеством: их поверхность потрескалась в результате плохого обжига, иногда у кувшинов и тарелок имелись сквозные отверстия и трещины, также образовавшиеся в процессе изготовления, или ангоб покрывал не всю поверхность чаши, а лишь внутреннюю часть, а ведь, в идеале, он должен быть ещё и лощёным... Выходит, во второй половине Древнего царства для владельцев погребений среднего достатка специально делали утварь, но делали её ниже качеством, чем для жизни или для более обеспеченных владельцев гробниц.

Ещё один важный момент. В процессе работ в Гизе нам всё чаще стали попадаться грубо сделанные пивные кувшины, заполненные нильским илом. Ранние исследователи, такие как Герман Юнкер или Селим Хассан, также сталкивались с этим явлением, и они решили, что либо кувшины для пива повторно использовались как тара для переноски строительного раствора (а ил – это основа для сырцовых кирпичей), либо, когда они лежали с илом в погребениях, это должно было свидетельствовать о высоких разливах Нила, затопивших погребения и принёсших с собой ил. Но почему ила нет вокруг таких сосудов, почему он остался только внутри? Наверное, мы могли бы долго гадать на этот счёт, если бы не находки польских археологов в Саккаре. В запечатанных погребальных камерах были обнаружены пивные кувшины, закрытые пробками, а внутри – нильский ил. Понятно, что в этой ситуации ни наводнениями, ни вторичным использованием при строительстве такое не объяснить. Польские ученые предположили, что нильский ил внутри сосудов надо расценивать как «ложное содержимое»⁹: вроде не положишь рядом с умершим пустой сосуд, а пиво зачем тратить, ведь оно же испортится? Вот и нашли такой вот рациональный выход из положения.

И, наконец, о диадемах, найденных в гробницах V и VI династий. Несколько раз египетским и немецким археологам посчастливилось найти в погребениях в Гизе как будто бы золотые диадемы, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся позолоченными медными обручами с деревянными (!) или гипсовыми (!) декорированными накладными деталями – т.е. своего рода имитациями драгоценных украшений, созданными специально для погребения, так как они вряд ли были пригодны для ношения. Выходит, что египтяне были достаточно рациональными людьми, соизмеряющими жизненные требования и возможности обеспечения покойных.

⁹ Подробнее о «ложном содержимом» см.: Rzeuska T.I. *Saqqara II. Pottery of the Late Old Kingdom. Funerary pottery and burial customs*. Warsaw, 2006. P. 440–442.

ПЕЧАТЬ-«ПУГОВИЦА»

В одном из сырцовых склепов Малого некрополя (оно получило номер 56) на шее у покойного (точнее, у женщины, умершей в возрасте от 20 до 29 лет) мы нашли небольшого размера каменный предмет, похожий на пуговицу с ушком. На округлой плоскости диаметром всего 1,2 мм были нанесены перекрещивающиеся линии, как нам показалось на момент находки – хаотично расположенные. Каково же было наше удивление, когда, просматривая оцифрованные архивы американской экспедиции в Гизе, мы наткнулись на брата-близнеца этого предмета. Аналогичная каменная «пуговица» была найдена в начале XX века экспедицией Дж. Рейснера в Западном некрополе Гизы, в мастабе чиновника Нехебу (G 2381 X). Примечательно, что она совпадает с нашей не только по форме, размеру и материалу, но и по рисунку линий. Как сейчас известно, эти предметы являлись печатями и появились в правление VI династии. Так что, с одной стороны, наша печать-«пуговица» помогла определить время совершения погребения, а с другой – предположить родственные связи между двумя обладателями крайне похожих вещей.

Археологи – люди весёлые. Вот и мы, радуясь редкому для Гизы предмету, даже решили учредить экспедиционный праздник в день 17 апреля (т.е. тогда, когда этот предмет был найден) – «День каменной пуговки». Хотя теперь справлять его грустно – в революционную зиму 2011 года «пуговка» вместе со многими другими предметами бесследно исчезла из гробницы Хафраанха, в расчищенных помещениях которой египетские чиновники Высшего совета по делам древностей указали нам хранить большую часть наших находок. Но всё это – отдельная история.

ЗАГАДКА ШАХТЫ 38... ИЛИ РАЗОЧАРОВАНИЕ АРХЕОЛОГА

Одно погребение в Малом некрополе перед гробницей Хафраанха, получившее номер 38, сперва поставило нас в тупик. Оно отличалось от окружающих гробниц и склепов своим устройством и представляло собой вырубленную в скале шахту глубиной 8,5 метров, ведущую в погребальную камеру. Сверху устье шахты было надстроено сырцовым кирпичом. Шахту раскапывали в течение двух сезонов 2001 и 2002 годов. Когда появился вход в камеру, выяснилось, что он заложен сырцовыми кирпичами, но без применения раствора. И мы решили, что перед нами – неразграбленное погребение времени VI династии, причём, судя по затратной конструкции (глубине вырубленной в скале шахты и качеству работы), богаче, чем соседние сырцовые погребения-склепы, построенные просто на скале.

Разбирая кирпичную перегородку, мы были в предвкушении уникальной находки, но увидели ограбленную камеру: скелет разворочен, а глиняные сосуды, некогда сопровождавшие умершего, разбиты, и их фрагменты разбросаны как по полу погребальной камеры, так и по дну шахты – т.е. черепки от одних и тех же сосудов были разделены стеной! От костей скелета мало что осталось – из-за высокой влажности в камере они практически разрушились, хотя направление тела головой на север всё же угадывалось. И как всё это объяснить?

Мы сошлись на мысли, что это погребение было ограблено вскоре после похорон, может, даже и в ночь после них. Воры проникли в шахту и камеру и забрали все дорогостоящие вещи, попутно разбив находившиеся здесь сосуды, которые не представляли для них ценности. А на утро жреческие службы некрополя обнаружили это, восстановили кирпичную стену-перегородку между шахтой и камерой, и засыпали шахту, которую так никто и не раскопал в течение почти 4,5 тысячелетий.

За прошедшие с тех пор годы таких случаев видимого ограбления могил вскоре после похорон у нас прибавилось, что говорит о том, что не все древние египтяне с почтением относились к покойным или боялись их мести.

ГРАБИТЕЛИ ДРЕВНИЕ И ГРАБИТЕЛИ СОВРЕМЕННЫЕ, ИЛИ «ЧТОБЫ ТЫ ЖИЛ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН»

Изучая погребения сперва в Малом некрополе у гробницы Хафраанха, а, спустя более чем 10 лет, – в Малом некрополе перед гробницей Ченти I, мы обратили внимание, что некоторые тела лежат в анатомическом порядке, но имеют определенные странности, например, они сдвинуты к стене, или перевернуты (например, в погребении-склепе 5б, в шахтах GE 51 и GE 59-2). Из погребального инвентаря – т.е. предметов, сопровождавших умершего в могиле, почти ничего не было, кроме печати-«пуговицы» и медной подвески в виде цветка. Похоже, что эти погребения были ограблены, и это было сделано в то время, когда тела ещё не подверглись разрушающему процессу разложения, который наступает быстро в жарком африканском климате Египта – т.е. вскоре, после похорон! И древние воры во многих случаях не боялись, что покойный каким-то образом им отомстит, хотя, с другой стороны, в Малом некрополе перед гробницей Ченти I есть ещё пара случаев, когда кости скелетов в погребениях были намеренно разбиты, буквально измельчены в пыль, наверное, как раз с целью защитить себя от мести покойника. В более поздние периоды египетской истории, начиная с эпохи Нового царства, древние грабители нередко сжигали мумии, видимо, боясь кары усопших.

Примечательно, что все случаи грабежа погребений вскоре после похорон относятся к могилам, совершённым в конце VI династии, т.е. уже в эпоху постепенного наступления экономического и политического кризиса, закончившегося падением Древнего царства и началом т.н. Первого Переходного периода. Видимо, в это время у кладбищ вокруг царских пирамид уже не существовало надежной охраны, и воры всю пользовались «эпохой перемен».

«Эпоха перемен» настала и для нас в 2011 году, когда в Египте 25 января произошла революция, сместившая Хосни Мубарка, много лет занимавшего пост президента страны, и наведшая беспорядок во всех сферах жизни страны с древней самобытной культурой.

К осени 2011 года жизнь в стране стала постепенно налаживаться, и «Высший совет по делам древностей», незадолго до революции преобразованный в Министерство древностей Египта, принял решение вновь допустить иностранные археологические миссии на места их раскопок, правда, касалось это только тех экспедиций, которые работали неподалеку от крупных городов и поселений – т.е. там, где было возможно обеспечить охрану в случае возникновения внештатных ситуаций. Вернулись и мы, увидев ставшую нам родной Гизу в окружении танков, бронетранспортеров и колючей проволоки. Исследования нам разрешили в «урезанном виде» – изучить лишь то, что было обнаружено раньше, но мы были рады и этому.

Первое наше появление на участке российской концессии в восточной Гизе принесло совсем нерадостный «сюрприз» – выпотрошенное хранилище наших находок, устроенное в гробнице Хафраанха по указанию египетской стороны. На месте остались лишь неинтересные грабителям керамические черепки да кости. А пропало множество мелких предметов, которые так легко сбыть на подпольном антикварном рынке: маленькие фаянсовые статуэтки-ушебти, амулеты, в том числе в виде глаза бога Хора «уджат», бусины, каменная печать-«пуговица», кремнёвые ножи, резцы, скребки и свёрла, фрагменты расписных картонажей¹⁰ от мумий и осколки греко-римских стеклянных сосудов. Но что самое показательное – так это исчезновение т.н. «Гизехской амфоры» Хафраанха, которая была склеена из 52 фрагментов. Таких амфор за 100 лет исследования Гизы, Абусира и Саккары – некрополей древней египетской столицы Мемфиса – было найдено немногим более 60, что несоизмеримо мало по сравнению с другими типами древнеегипетской керамики времени III тыс. до н.э. Рядом с амфорой в хранилище лежала другая – более целая, но значительно более «молодая» римская амфора для зерна, но вот её грабители не взяли...

¹⁰ Картонаж – тканево-клеевой раскрашенный покров на обёрнутом льняными бинтами теле умершего.

Получается, что те, кто проник в хранилище в гробнице Хафраанха, прекрасно ориентировались в редкости и древности предметов, а, следовательно, их ценности на «чёрном» рынке!

Вот так на своей шкуре мы ощутили древнее китайское проклятие «чтобы ты жил в эпоху перемен».

БЕЗ АНТРОПОЛОГА НЕ ОБОЙТИСЬ

К 2007 году у нас накопилось огромное количество антропологического материала – иными словами – человеческих костей, найденных в скальных гробницах и малом некрополе на участке российской концессии в Гизе. И мы попросили приехать к нам для изучения костного материала группу физической антропологии Института археологии РАН.

Закипела работа: из трёх изящных дам-антропологов на раскопе образовался своеобразный мощный «биокомпьютер», что-то измерявший, записывавший и комментировавший, а до нас доносились обрывки фраз и отдельные слова типа «остеопороз», «пародонтоз», «туберкулёз», и как апогей – «проникающее ранение в голову».

Сделанные антропологами выводы по Малому некрополю перед гробницей Хафраанха в сравнении с материалами из скальных гробниц нас ошеломили. Оказалось, что средний возраст смерти погребённых в Малом некрополе – около 30 лет (у женщин 20–29 лет, у мужчин 20–34 года). Самая «пожилая» женщина, неудачно прозванная нами «Гюльчатая», умерла в интервале от 30 до 34 лет, при этом страдала скорее старческой болезнью – остеопорозом. У мужчин этот показатель оказался немного выше – 35–44 года. При этом, если сравнить возраст смерти людей, похороненных в скальных гробницах, то ситуация иная: высокопоставленный чиновник Хафраанх дожил примерно до 45 лет, а мужчина из шахты I безымянной гробницы GE 49 перешагнул порог 60 лет, что немыслимо для людей III тыс. до н.э.

Однако предположить, что все эти люди умерли так рано по причине насильственной смерти, мало получается: только у одного мужчины возрастом 25–34 года из погребения 27 имелось проникающее ранение в голову в районе виска. Остальные же умерли от естественных причин.

Антропологический анализ также показал, что в Малом некрополе перед гробницей Хафраанха были похоронены люди, питавшиеся достаточно грубой пищей с большим содержанием песка, отчего даже у молодых индивидов зубы были стёрты почти под корень. На костях скелетов также отпечатался мускульный рельеф, а на руках и ногах нередко следы заживших переломов. Видимо, все эти люди занимались тяжёлым физическим трудом. А каким тяжёлым трудом можно было заниматься в Гизе в эпоху активного возведения каменных и сырцовых гробниц? Похоже, что перед гробницей Хафраанха располагалось небольшое, может быть, даже семейное кладбище древнеегипетских мастеров-строителей.

«КЛАДБИЩЕ СТРОИТЕЛЕЙ ПИРАМИД»

Схожие результаты дало антропологическое изучение людей, похороненных на т.н. «Кладбище строителей пирамид», расположенном в паре километров к югу от нас и случайно обнаруженном в 1990 году: лошадь иностранной туристки случайно попала ногой в яму, в которой обнаружилось погребение, – так очередное копытное помогло сделать новое открытие в археологии, как это случилось в 1875 году с тайником царских мумий TT 320 в Дейр эль-Бахри (Луксор) и с кенотафом основателя Среднего царства Ментухотепа II там же – в Дейр эль-Бахри, когда в 1900 году лошадь тогда ещё малоизвестного археолога Говарда Картера оступилась; впоследствии это место обрело прозвище «Баб эль-Хусан», что в переводе с арабского означает «Ворота лошади». Нечто похожее произошло и на Восточном

плато Гизы в 1925 году, с той только разницей, что то была не нога лошади или осла, а тренога фотоаппарата участника американской миссии, и так была найдена гробница-тайник царицы Хетепхерес I – супруги царя Снофру и матери Хуфу. И уже в 1996 году в оазисе Бахария в Ливийской пустыне с помощью такого вот случайного попадания ноги осла в расщелину было обнаружено кладбище греко-римского времени, получившее название «Долина золотых мумий» из-за того, что многие саркофаги и картонажи были позолочены.

Последовавшие за случайным обнаружением «кладбища строителей пирамид» археологические раскопки, возглавляемые в те времена генеральным секретарём египетского Высшего совета по делам древностей – Захи Хавассом, выявили порядка 600 погребений, сгруппированных на двух скальных террасах. На нижней помещались скромные гробницы и склепы из сырцового кирпича, а инвентарь погребений, если он был, включал лишь глиняную посуду и каменные орудия. Некоторые сырцовые гробницы были сделаны в виде конусов-ульев или маленьких мастаб высотой не более 1 метра, а другие имели насыпи, названные Хавассом «первичными холмами». Эту часть назвали «кладбищем работников». На верхней скальной террасе находились более богатые усыпальницы, сооружённые из известняковых блоков и схожие со скромными каменными гробницами-мастабами на Западном и Центральном плато Гизы. Соответственно, эта часть получила именование «кладбища мастеров» (т.е. профессиональных работников, занимавших более высокое положение относительно разнорабочих, похороненных на нижнем кладбище).

Захи Хавасс, основываясь на предметах, найденных в погребениях, и надписях в гробницах-мастабах, пришёл к выводу, что в Гизе в правление IV–V династий жило около 5000 постоянных профессиональных работников (мастеров и чиновников, связанных со строительством), а также 15000 временных разнорабочих, работавших вахтенным методом и живших в бараках, обнаруженных американскими археологами под руководством Марка Ленера недалеко от кладбища. Получается, что общее число людей на строительной площадке составляло 20000 человек, что соотносится со словами древнегреческого историка Геродота о том, что пирамиду Хеопса возводило 20000 человек.

Анализ скелетов, обнаруженных в погребениях «кладбища строителей пирамид», показал, что между простыми и привилегированными работниками существовала разница. Разнорабочие жили на поселении временно, и на кладбище хоронили лишь тех, кто погиб во время строительства – все останки из скромных погребений несли на себе следы насильственной смерти. Средний возраст погибших мужчин составлял 30–35 лет, у женщин – и того меньше. Профессиональные работники жили поблизости, вместе с семьями, а не сезонно появлялись на площадке. Поэтому их гробницы богаче по материалу и сложнее устроены, а возраст смерти колеблется в пределах 35–45 лет. Получив возможность сделать анализ ДНК, команда Захи Хавасса установила, что между захороненными в этом районе людьми прослеживаются родственные связи, что видимо, означает, что разнорабочие могли набираться на пирамидное строительство из одних деревень.

ГЛАВА 5. НОВЫЕ СКАЛЬНЫЕ ГРОБНИЦЫ И НЕ ТОЛЬКО

БЕЗ ГЕОРАДАРА НИКУДА

В 2005 году стало ясно, что для продолжения исследований в зоне Российской концессии в Гизе необходимо выбрать новый участок работ. Куда двигаться дальше – на север или на юг от гробницы Хафраанха и Малого некрополя перед ней? На помощь в решении этого вопроса пришли наши коллеги из Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн РАН, приехавшие к нам в 2006 году со своим изобретением – георадаром «Лоза-В». Они уже неоднократно сотрудничали с археологами и на территории России, и за рубежом, но никогда прежде – на территории Египта, в условиях жаркого и сухого климата.

Георадар «Лоза-В» – это геофизический прибор для исследования подповерхностной структуры почвы на глубине до 20 метров. Прибор излучает электромагнитный импульс, который проходит среды разной плотности (песок, каменистый грунт, скала, различные объекты и т.д.) с различной скоростью, и, отражаясь от них, фиксируется антенным комплексом. На основе разницы во времени прохождения слоёв создается радарограмма, которая формирует картину залегания различных слоёв, а главное в нашем случае – показывает наличие полостей в скале, как природных, так и рукотворных.

Перед тем, как приступить к изысканиям, было проведено тестирование прибора, убедившее даже самых недоверчивых из нас, что георадар действительно «видит» сквозь землю. Геофизики предложили сделать замеры там, где раскопки уже были проведены, но памятники законсервированы слоем песка, т.е. мы знаем, где и что находится, а геофизики – нет. Каково же было наше удивление, когда учёные не только совершенно чётко указали на место расположения достопамятной шахты 38 в Малом некрополе, но и определили её глубину!

Первые же проходы с георадаром показали, что наиболее перспективным участком для археологических исследований является склон скального плато к югу от гробницы Хафраанха, между ней и скальным массивом, называемым местными жителями Сен эль-Агуз, что в переводе с арабского означает «Зубы старика» – меткое и остроумное название для изъеденной ветрами и временем скалы, испещрённой входами в древние гробницы.

Десяток взмахов *фесами*¹¹, и под ногами наших рабочих-землекопов начинают появляться сперва единичные устья погребальных шахт, а затем и входы в древние гробницы!

Сложно передать словами те чувства, которые испытываешь, когда вдруг в грунте появляется отверстие, ведущее в древнюю гробницу. Наверное, что-то от авантюризма героя приключенческих фильмов Индианы Джонса живет в глубине души каждого археолога. Оно тщательно скрывается, ему не даётся воли, но вот в такие моменты оно прорывается наружу.

Не раздумывая ни минуты, мы вползли в гробницу – проникнуть иным способом не позволяло отверстие. Темнота, жарко и влажно, легкий запах песчаной пыли... и вдруг луч фонаря выхватывает на стене изображение карлика, ведущего быка, а следом – стоящих мужчину и женщину, и иероглифы рядом, складывающиеся в имя – Ченти. Так была открыта скальная гробница Ченти I, и случилось это 22 ноября 2006 года.

¹¹ *Фес* – орудие наших египетских землекопов, напоминающее большую трапециевидную тяпку с короткой ручкой, годится как для раскопок, так и сельскохозяйственных работ на полях.

Сплошная расчистка территории по обеим сторонам от входа в гробницу Ченти I выявила входы в соседние скальные гробницы: многие из них не имели рельефного декора, состоящего из изображений и надписей, но у трёх сооружений были иероглифические надписи на входных балках – архитравах, сообщающие, что гробницы сооружены для Перинеджу, ещё одного Ченти (получившего порядковый номер II вслед за Ченти I) и Хуфухотепа, что в переводе с древнеегипетского означает «[царь] Хуфу доволен».

Обратившись к записям исследователей XIX века Огюста Мариетта и Карла Рихарда Лепсиуса, мы выяснили, что гробницы Хуфухотепа и Ченти II видели оба учёных, давших краткое описание, перевод надписей и порядковые номера¹² (по Лепсиусу LG 76 и LG 77), но по необъяснимой причине ни один из них не упоминает самой интересной и богатой по отделке гробницы придворного Ченти I, расположенной здесь же, а также находящейся южнее гробницы начальника царских ювелиров Перинеджу. Теперь остаётся лишь гадать, что было тому причиной – то ли входы в гробницы были засыпаны, то ли местные жители, занявшие древние сооружения под свои жилища, не пустили исследователей. Писал же Лепсиус о расположенной южнее скальной гробнице царского маникюрщика Ипи, что «там обитает водонос Ибрагим»¹³. Хотя многочисленные граффити латиницей на стенах гробницы Ченти I явно говорят о том, что европейские путешественники XVIII–XIX веков проникали в неё, как и в гробницу Хафраанха.

Как же получилось, что потом весь склон Восточного плато Гизы оказался засыпанным мощным слоем песка, скрывшим входы в гробницы? Когда это произошло?

Похоже, что ещё до середины 1930-х годов гробницы были не только видимы, но и обитаемы, но впоследствии были погребены под мощным слоем песчаного отвала, образовавшегося в процессе раскопок американской экспедиции Джорджа Рейснера на Восточном плато Гизы, целью которых было исследование больших мастаб царских родственников и чиновников IV и V династий. Отсюда понятно и происхождение различных находок из этого отвала – обрывков раскрашенных картонажей мумий, человеческих костей, фрагментов известняковых рельефов и статуй, обломков фаянсовых амулетов и ушебти, черепков керамики.

Так или иначе, наши исследования 2006 года вернули науке утерянные гробницы, но также добавили в список гробниц Гизы и новые – гробницы Ченти I и Перинеджу, а спустя ещё пять лет к ней добавилась гробница Нисутптаха.

ИЗУЧЕНИЕ СКАЛЬНЫХ ГРОБНИЦ, ИЛИ СПЕШКА НУЖНА ПРИ ЛОВЛЕ БЛОХ

В 2006 году мы ограничились лишь первичной расчисткой культовых помещений найденных гробниц и выяснением, есть ли в них погребальные шахты и сколько их. Но уже через год мы приступили к копированию рельефов гробницы Ченти I (получившей порядковый номер GE 11) и к раскопкам трёх её шахт.

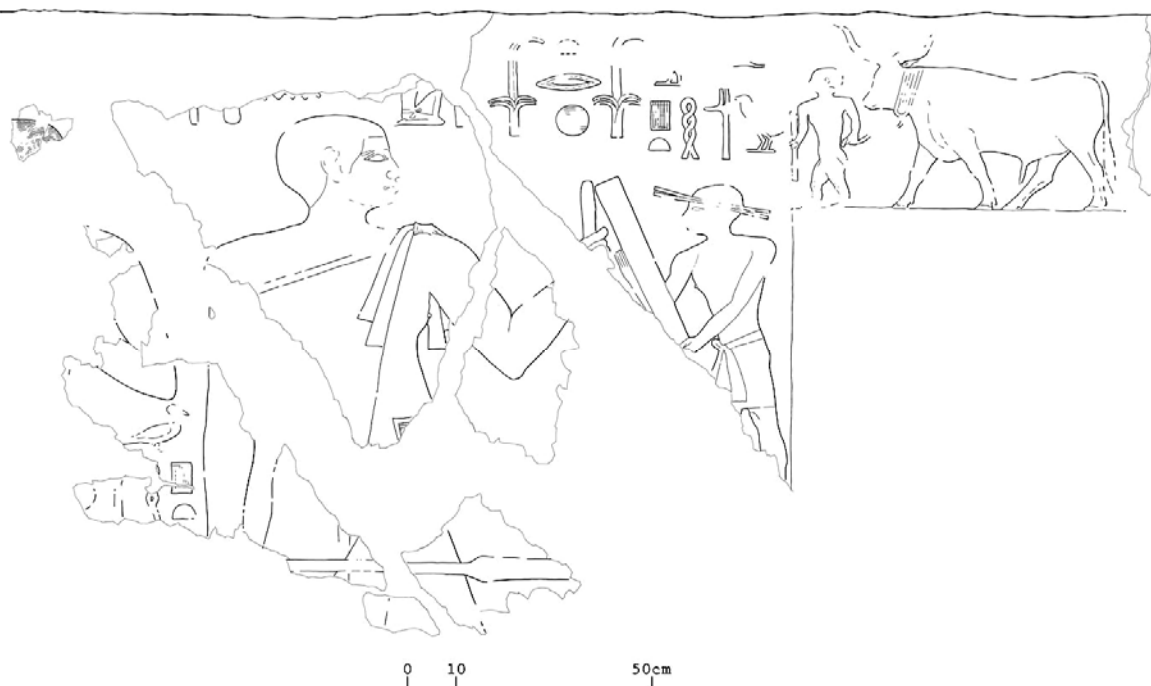
Кстати говоря, рельефное оформление гробницы, сильно пострадавшее от обрушений скалы и всё испещрённое трещинами, сильно напоминало изображения в гробнице Хафраанха, особенно на её восточной стене. Не по сюжетам, а именно по исполнению, можно сказать, по почерку, как будто бы одна группа художников и мастеров работала над обеими гробницами. Отсюда и аналогичная предварительная датировка гробницы Ченти I второй половиной V династии.

На восточной стене гробницы Ченти I был изображён собственно владелец гробницы и его супруга, чьё имя не сохранилось. Не уцелели и надписи, сообщавшие о титулах и

¹² Lepsius K.R. *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien. Textband I*. Berlin, 1849. S. 94–95. Mariette A. *Les Mastaba de l'Ancien Empire*. Paris, 1889. P. 538–539.

¹³ Lepsius K.R. *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien. Textband I*. Berlin, 1849. S. 96.

должностях Ченти I – стена в этом месте обрушилась ещё в древности. В южной части этой же стены были показаны процессии носителей даров и полки с подношениями.

Прорисовка рельефов на северной стене гробницы Ченти I, V династия

Прорисовка рельефов на северной части восточной стены гробницы Ченти I, V династия

Северная стена гробницы вновь содержала изображение Ченти I с супругой и их сыном по имени Усерптах. Здесь же изображение карлика, ведущего быка – увиденное нами первым при проникновении в гробницу. Западная стена была оформлена в виде ряда «ложных дверей», а в нижней части она содержала небольшие скальные статуи, представляющие супружескую чету с детьми.

Южная стена была декорирована необычно – в виде закрытой двухстворчатой двери в окружении двух пар «ложных дверей», которые, как правило, размещались на западных стенах гробниц.

Археологическое исследование трёх погребальных шахт гробницы Ченти I, сделанных, по всей видимости, для Ченти I, его жены и сына Усерптаха,

продемонстрировало типичную для древних гробниц картину – все шахты были ограблены, причём неоднократно, а в заполнении присутствовали разрозненные человеческие кости и кости животных, черепки разновременной керамики.

Толстый слой копоти на потолке гробницы, поздняя керамика и кости животных свидетельствовали, что гробницу использовали для жилья, причём достаточно длительное время. Это же наблюдается и в соседних гробницах, как с надписями (Перинеджу, Ченти II, Хуфухотепа) так и оставшихся анонимными и получивших от нас номера GE 10, GE 13, GE 14, GE 16, GE 17, GE 18, GE 47, GE 48 и GE 49. К этому мы ещё вернемся в Главе 8.

Параллельно с работой в шахтах гробницы Ченти I начались исследования в двух помещениях расположенной к северу гробницы Ченти II, где, неожиданно для нас, в гробничной часовне был обнаружен очаг I тыс. н.э., сложенный из сырцовых кирпичей, похоже, взятых поблизости из значительно более древних зданий – уже тогда гробница стала служить кому-то жилищем.

С каждым годом к текущим исследованиям добавлялись раскопки помещений и шахт других гробниц, и, как результат, изучение скального комплекса было завершено в 2013 году, а в 2014 году мы сосредоточились в основном на раскопках Малого некрополя перед гробницей Ченти I, не считая точечных исследований скальный гробниц на крайней южной части участка, вокруг гробниц Ипи и Персенеба.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СКАЛЬНОГО НЕКРОПОЛЯ

Если посмотреть на план скальных сооружений вокруг гробницы Ченти I, становится понятным, что это одна из немногих гробниц, имеющих классическую L-образную форму культового помещения, как и часовня гробницы Хафраанха. Близкая форма, но с дополнительным помещением – у гробницы Ченти II, а остальные гробницы более разнообразны по планировке. Логично предположить, что эти гробницы высекались не в одно время, а постепенно, и на долю более поздних оставалось всё меньше свободного скального пространства, в котором уже невозможно было вырубить помещения классической формы, отсюда проявление длинных и не всегда ровных коридоров (как у гробниц Хуфухотепа (GE 15) и GE 14), комнат не совсем правильной геометрической формы (GE 15, GE 17 и Перинеджу (GE 19)). Таким образом, глядя на гробничную планировку, можно попытаться выстроить последовательность сооружения гробниц. Первой должна была быть гробница Ченти I (GE 11), а вскоре и его тезки – Ченти II (GE 12). Гробница Хуфухотепа (GE 15) с её длинным коридором буквально втиснута между Ченти II и безымянными гробницами GE 47 и GE 49, а гробницы GE 17 – между Ченти I и Ченти II. И уж совсем мало места пришлось на гробницу GE 18 (расположенную между GE 17 и GE 12), имевшую не только маленькую часовню, но и одну погребальную камеру на две шахты, что необычно для египетских гробниц времени Древнего царства. Вот так плотно заполнялся некрополь Гизы – место погребения египетских царей и знати в III тыс. до н.э.

План центральной части участка 3 зоны работ Российской археологической экспедиции
Института востоковедения РАН в Гизе
(GE 11 – гробница Ченти I; GE 12 – гробница Ченти II; GE 15 – гробница Хуфухотепа)

Когда в Египте стали делать мумии и канопы?

В 2008 году мы занимались исследованием трёх погребальных шахт гробницы Хуфухотепа, захоронения в которых были ограблены в древности, что было видно уже в начале исследования засыпки шахт. Тем более велика была наша радость, когда 30 ноября в погребальной камере шахты 1 были обнаружены два целых каменных сосуда высотой около 30 см. Неподалеку обнаружили и две сферических каменных крышки, похожие на шляпки грибов, и в углублении для тела – осколки ещё одного сосуда. Все эти предметы были выточены из плотного белого известняка, совсем не похожего на желтоватый и достаточно пористый местный известняк Гизы. Видимо, материал для таких сосудов брался в знаменитых каменоломнях Туры на противоположном от Гизы – восточном – берегу Нила.

Наши сосуды оказались канопами – древнеегипетскими сосудами для человеческих внутренностей, вынимавшихся из тела умершего в процессе мумификации. Согласно древнеегипетским представлениям, таких сосудов должно было быть четыре – для лёгких, печени, желудка и кишок. Но в погребальной камере шахты гробницы Хуфухотепа, возможно, принадлежавшей его жене Хенутсен, было лишь два целых и один разбитый сосуд, но это и понятно – захоронение было ограблено.

В эпоху Древнего царства крышки каноп были сферическими, но уже со времени Среднего царства их стали выполнять в виде голов четырёх сыновей бога Хора – Амсета (в виде человека), Хапи (в виде павиана), Кебексенуфа (в виде сокола) и Дуамутефа (в виде шакала).

Древнейшие египетские канопы относятся к концу IV династии – они обнаружены в гробнице царицы Мересанх III, супруги царя Хафра. Более ранним аналогичным по назначению вместилищем для внутренностей можно считать т.н. «канопный ящик» из кальцита (египетского алебаstra), обнаруженный в гробнице-тайнике царицы Хетепхерес I – жены царя Снофру и матери Хуфу. Ящик имел четыре отделения и внутри содержал органику, льняные бинты и следы содового раствора (натрона). Далее число находок каноп в гробницах знати времени V династии увеличивается, но незначительно, а основная их масса происходит из гробниц времени поздней V и VI династии, в том числе из пирамиды царя Пепи II в южной Саккаре и из гробниц визиря Кагемни и царицы Ипут I – супруги царя Тети и матери Пепи I.

Обнаружение сосудов для вынутых при мумификации внутренностей должно было автоматически свидетельствовать, что как минимум один похороненный в гробнице Хуфухотепа был подвергнут бальзамированию, однако всё оказалось далеко не так просто. От времени Древнего царства на данный момент известно немногим более 130 каменных каноп, что ничтожно мало по сравнению с количеством погребений этого периода. Уже одно это является показателем, что практика мумификации в Древнем царстве не была общепринятой.

Дело усугубляется ещё и тем, что только половина всех обнаруженных на данный момент сосудов-каноп могла быть функциональной – т.е. объём их внутренних частей позволял вместить туда забальзамированные внутренности. У остальных сосудов внутренние части были высверлены максимум лишь наполовину, а нередко только на треть или даже четверть. Так и канопы из гробницы Хуфухотепа имели половинчатый объём, эквивалентный приблизительно 200–250 мл, что совсем недостаточно, чтобы положить туда даже высохшие внутренности. Более того, наличие органики внутри сосуда неминуемо отразилось бы на его белых стенках, но этого не произошло – они чистые. Аналогичный факт был отмечен и зарубежными исследователями, также обнаружившими канопы в гробницах Гизы, Саккары и Абусира. Поэтому исследователи пришли к логичному выводу, что первоначально канопы могли иметь символическое значение, а внутренности реально сохранялись лишь у царей и их родственников с использованием консервирующей жидкости на основе натрона (как у царицы Хетепхерес I); тогда как в частных гробницах этому действию подражали лишь внешне, оставляя канопы пустыми¹⁴.

Таким образом, получается, что мумии в Египте эпохи Древнего царства делали не так уж и часто: действия с целью сохранить тело производились над умершими царями, их ближайшими родственниками и представителями высшей знати. Процесс мумификации Древнего царства мало походил на то, что совершалось с телами в период Нового царства и позже. Описанная Геродотом выемка мозга через отверстие в носу ещё не практиковалась: отсюда у скелетов Древнего царства носовые перегородки в черепах целы, а у останков I тыс. до н.э. носовые перегородки разрушены. Также в эпоху Древнего царства внутренности могли не выниматься из тела, которое обмазывалось снаружи белой штукатуркой, моделирующей лицо и тело, или оборачивалось льняными бинтами, причём из ткани также могли формироваться отдельные части тела, например, грудь женщины, похороненной в шахте В гизехской мастабы G 2220.

Надо сказать, что мумифицированные останки помещались в деревянные ящики не в вытянутой позе на спине, как в более позднее время, а в полускорченной или вытянутой позе на левом боку, головой на север, лицом на восток – т.е. традиционно, согласно сложившемуся в III тыс. до н.э. погребальному обряду. Классическими древнейшими примерами мумификации являются забинтованная рука царя I династии Джера из Абидоса, погребение времени II династии в Саккаре, раскопанное Дж. Квибеллом, нога царя III династии Джосера из его ступенчатой пирамиды в Саккаре и погребение царевича

¹⁴ Junker H. *Giza VII. Der Ostabschnitt des Westfriedhofes. Erster Teil.* Wien – Leipzig, 1944. S. 48.

Рахотепа в Мейдуме (ранняя IV династия), исследованное Ф. Питри и увезённое в Британию, где оно было уничтожено во время бомбёжки во Вторую мировую войну.

ПОГРЕБЕНИЕ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ЮВЕЛИРА

Сезоны 2010 и 2011 годов мы посвятили в основном раскопкам помещений скальной гробницы GE 19, принадлежавшей начальнику царских ювелиров Перинеджу, жившему на рубеже V и VI династий. Его гробница была высечена прямо под гробницей жреца Персенеба, к югу от гробницы Ченти I, она состояла из трёх комнат с восемью погребальными шахтами и одной нишей.

Многие захоронения в гробнице были ограблены, особенно те, что располагались близко от входа, однако некоторые содержали непогрешенные или частично нарушенные грабителями погребения.

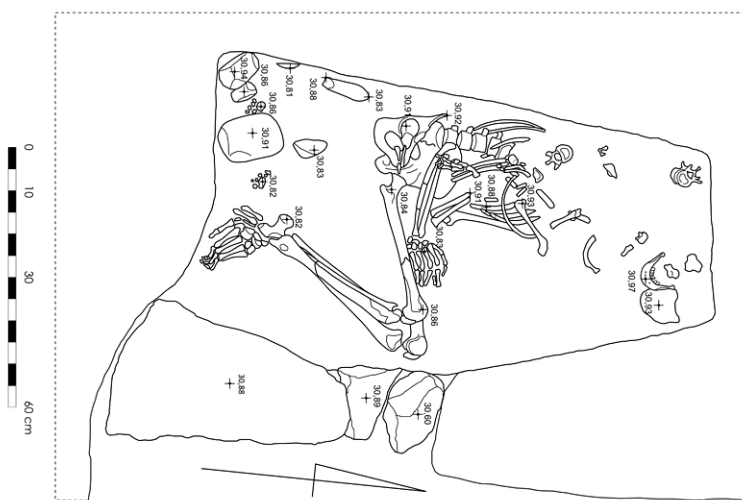
В шахте 2 гробницы Перинеджу оказалось две камеры, что нетипично для древнеегипетской погребальной архитектуры эпохи Древнего царства. Необычность конструкции сыграла свою роль – погребение в верхней камере было разрушено грабителями, тогда как погребение в нижней камере уцелело (о нём мы скоро поведаем), потому что древние воры не хуже современных историков разбирались в особенностях гробниц, для которых не было характерно присутствие нескольких мест погребения в одной шахте.

В погребальной камере соседней шахты 8 мы нашли ещё одно целое погребение: умерший очень компактно был уложен в «позе эмбриона», занимая совсем небольшую и достаточно плохо сделанную камеру габаритами 0,95 x 0,65 м (меньше было только у «Гюльчатой» в Малом некрополе у гробницы Хафраанха). Поразительно, что, как и «Гюльчатой», покойный был развёрнут головой на запад, а не традиционно – на север. Видимо, и в этом случае виновато то, что в скале просто не осталось свободного места, чтобы вырубить камеру, вытянутую по линии север-юг, в которую возможно было уместить тело в правильной позиции.

В совсем неглубокой шахте 6 оказалось три камеры! Они располагались недалеко от поверхности, поэтому древние грабители их нашли, но не полностью уничтожили человеческие захоронения в них, как это происходило чаще всего, а разрушили лишь те части, где находились предметы, представлявшие для воров ценность. В результате верхние половины скелетов были разворощены, а нижние остались лежать в анатомическом порядке,

вплоть до последних фаланг пальцев ног.

Наиболее интересным оказалось погребение в камере 6В, так как оно содержало ещё и инвентарь. Когда удалось дойти до слоёв заполнения камеры, оказалось, что сверху находятся черепа и кости трёх индивидов со следами поздней мумификации, вероятно, Саисского времени (664–525 гг. до н.э.), а также небольшой амулет из зелёного фаянса в виде обнажённого карлика со скарабеем на голове – египетского божка Птах-Патека. И уже под ними мы нашли первоначальное погребение,

План погребения 6В в гробнице Перинеджу, VI династия

совершенное, видимо, при VI династии. От него сохранилась нижняя половина – от пояса до кончиков пальцев ног, а вокруг лежали две медные тарелочки диаметром всего 5,3 см и 5,4 см, медный слиток, базальтовый молот, два базальтовых лощильных камня и кварцитовый точильный камень. У таза находился загадочный предмет из тёмно-серой необожжённой глины, который мы сперва приняли за какой-то продолговатый сосуд, почему-то оставшийся недоделанным.

Спустя год, в 2012 г., нам удалось выяснить назначение этой находки, и случилось это благодаря выходу в свет книги по древнеегипетским меднолитейным мастерским в Айн Сохне¹⁵. Оказалось, что продолговатый предмет из необожжённой глины – это защитный наконечник на тростниковую трубку для дутья при плавке металлов (меди, золота и электрума) – через неё подавался воздух в плавильный горн, а наконечник из глины предотвращал возгорание трубки. Технология этого процесса нередко изображалась на стенах древнеегипетских гробниц времени Древнего и Среднего царств: четыре или шесть человек с тростниковыми трубками, заканчивающимися наконечниками, сидят вокруг костра, на котором стоит тигель с металлом. По соседству показаны мастера, изготавливающие металлический лист с помощью молотов (такой же обнаружен в погребении), а рядом – процесс полировки металлических сосудов камнями (пара аналогичных лощильных камней также находилась у скелета). Всё это позволило сделать вывод, что мы обнаружили погребение металлических дел мастера.

Если учесть, что владелец гробницы – Перинеджу – носил титул «начальник мастерской, работник по металлу, изготовитель царских украшений», то видна прямая связь между погребённым в камере 6В индивидом и самим Перинеджу. Однако означает ли это, что мы нашли захоронение самого Перинеджу? По-видимому, нет, ведь в гробнице Перинеджу было высечено восемь шахт и 11 камер для погребения, и сделано это было не в одно время: сперва гробница имела всего одно помещение с двумя шахтами (4 и 5), и уже потом она была расширена, в результате чего появились ещё два дополнительных помещения с шахтами. Для владельца гробницы место погребения планируется изначально, следовательно, для этих целей могла служить либо шахта 4, либо шахта 5, однако последняя проигрывает по глубине, габаритам погребальной камеры и качеству вырубки. Наиболее вероятно, что погребение Перинеджу было в шахте 4, впоследствии полностью ограбленной.

Кем же тогда был мастер по металлу из погребальной камеры 6В? В древнеегипетских гробницах посторонних не хоронили (мы не имеем в виду случаев более позднего переиспользования камер для захоронения), а это значит, что этот человек являлся родственником Перинеджу и, следовательно, занимался семейным делом – работал в мастерской по обработке металлов.

Из письма в Москву:

«На этот сезон мы запланировали раскопать две оставшиеся шахты в гробнице 19, откуда я в прошлом году рисовал скелеты, а также шахты в гробнице 17. Если первая гробница принадлежала царскому ювелиру Перинеджу и его родственникам, то вторая безымянная. Одна из шахт в часовне Перинеджу оказалась незаконченной, без погребальной камеры, зато в соседней шахте погребальных камер оказалось сразу две!»¹⁶

[...] Первая камера до половины была засыпана перемесом из песка, костей и керамики. Сверху лежали три черепа – мужской, женский и детский – несколько костей и фрагменты мумии. Всё это, вероятно, было сброшено туда в позднее время. Первое, что я сделал – это занялся стратиграфией. Сделал разрез с севера на юг, выделил четыре слоя, все это зарисовал, после чего начал потихоньку разбирать заполнение. В результате в нижнем слое были найдены остатки оригинального погребения – мужчина, лежавший на левом боку головой на север. У ног сохранился погребальный инвентарь – медная тарелочка,

¹⁵ Abd el-Raziq M., Castel G., Tallet P., Fluzin P. *Ayn Soukhna II. Les ateliers métallurgiques du Moyen Empire*. Cairo, 2011. P. 27–28, fig. 149–152.

¹⁶ В ходе дальнейших раскопок выяснилось, что камер в шахте еще больше – их оказалось три.

модельки сосуда из нильского ила¹⁷, несколько каменных орудий. В общем, удалось фактически восстановить в общих чертах облик первоначального погребения. Над ним, кстати, я нашел фаянсовый амулет – фигурку бога Птаха-Патека (толстенький весёлый божок с кривыми ногами). Изумительная вещь! Поздняя, примерно VII–VI века до н.э., таких делали тысячи – ширпотреб, в общем-то, но от времени приобрела эта находка известное благородство.

[...] Работал в камере три дня и даже сейчас ещё не всё там закончил. Сделал два чертежа – стратиграфический разрез и вид сверху оригинального погребения. Всю расчистку и находки подробно описал. Теперь жду новых камер! Как спускаешься утром в 8 часов в подземное царство, так и сидишь там до 16 вечера – восьмичасовой рабочий день на корточках».

12.11.2011

ОБЕЗГЛАВЛЕННЫЙ УТОПЛЕННИК?

Мы уже писали о том, что в гробнице Перинеджу шахта 2 имела две погребальных камеры, и в нижней (2В) мы нашли непо потревоженное погребение. Когда стена из камня, блокировавшая вход из шахты в камеру, была разобрана, перед нами предстала странная картина: на «подстилке» из чистого жёлтого песка лежал скелет в полускорченной позе (т.е. с ногами, согнутыми в коленях под углом в 90 градусов), а в 40 см восточнее на этом же жёлтом песке находилась голова – череп вместе с нижней челюстью. Первые мысли: «Грабители проникли в камеру и отделили голову от тела? Или голова откатилась в сторону, когда тело разложилось? Но как тогда нижняя челюсть осталась на своём месте?»

После детального рассмотрения мы обратили внимание, что вокруг скелета и вокруг черепа имеются коричневые следы, отчётливо видимые на жёлтом песке. Они складываются в контур человеческого тела, и такие же следы есть вокруг черепа – т.е. это тлен от разложения мягких тканей. Значит, голова изначально была отделена от тела, и разрушительные процессы происходили отдельно. Более того, шейные позвонки скелета упирались в северную стенку камеры – т.е. для головы попросту не осталось места! Да и голова поставлена особо – лицом на восток – т.е. именно так, как требовали древнеегипетские погребальные традиции III тыс. до н.э.

Когда к нам приехала антрополог и стала смотреть кости, то сразу обнаружилось, что на черепе есть царапины от отделения головы от тела, но сделано это было после смерти. Чем не угодил покойный родственникам или тем, кто совершал погребение, что был положен в могилу по частям? Ведь одно из древнеегипетских правил – сохранить тело целым и невредимым. Отличался ли этот человек при жизни буйным нравом, или родственники боялись его мести по какой-то причине, теперь остаётся лишь гадать.

Что ещё показал антропологический анализ костей? И на скелете, и на черепе были видны странные трещины, которые появляются либо когда тело долго находится в воде, либо при сжигании, но вот следов огня как раз и не было. Это послужило основой для предположения, что индивид из камеры 2В утонул. Может, смерть от утопления влечёт за собой странные похороны с отделением головы? Обезглавленный утопленник? Но нет, дальнейший анализ показал, что намокание костей происходило уже много позже момента смерти, видимо, когда случались особо высокие разливы Нила, доходившие до скального плато Гиза и затоплявшие расположенные в толще скалы погребения – данные о таких разливах имеются даже от XIX века, и конец им был положен возведением дамб на Ниле в районе Асуана, начиная с 1899 года.

¹⁷ Как впоследствии обнаружилось, это был наконечник на трубку для раздувания огня.

ДЕТИ В АМФОРЕ

В 2013 году, в ходе исследования трёх погребальных шахт безымянной гробницы GE 49, примыкающей с севера к гробнице Хуфухотепа, мы натолкнулись на крупный керамический сосуд, который лежал в верхней части заполнения шахты 1, недалеко от её устья. Сосуд был разбит, но его фрагменты находились рядом – похоже, что грабители разбили его прямо в шахте. В процессе расчистки сосуда сперва появились разрозненные детские косточки, а затем несколько рёбер и кости руки, на которую был намотан браслетик из скрученной вдвое нити со 125 маленькими фаянсовыми голубыми бусинами дисковидной формы. В сосуде, кроме костей, осталась и ткань, сложенная в несколько раз в том месте, где первоначально находилась голова. Ниже, уже под сосудом, нашёлся совсем небольшой, всего 8 мм в длину, фаянсовый скарабей, на брюшке которого была сделана надпись «Амон-Ра». Похоже, скарабей первоначально находился в сосуде вместе с детским погребением.

И вот косточки вынуты, бусины заново перенезаны, все фрагменты сосуда собраны, надо приступать к его склеиванию. Черепок за черепком, и собралась крупная круглодонная амфора высотой 80 см – такие изготовлялись в Египте для хранения вина во времена XXI династии (XI–X века до н.э.). Только наш сосуд не был тарой для вина, а, фактически, стал гробом.

Наш антрополог, посмотрев кости, вынутые как из сосуда, так и найденные немного выше, заключила, что первоначально в амфоре находилось погребение двух детей, с большой степенью вероятности бывших близнецами и умерших примерно в полугодовалом возрасте от какой-то стремительной инфекции.

Всё, что осталось от погребения двух младенцев в амфоре и сама амфора времени XXI династии (1070–945 гг. до н.э.)

Чтобы поместить внутрь керамического сосуда тела детей, в нижней части тулова было выпилено овальное отверстие, однако оказавшееся слишком маленьким, поэтому оно было ещё и расширено. А на плечах амфоры, между двумя ручками, была процарапана пентаграмма, внесшая сумбур и смятение в умы египетских инспекторов, работавших с нами. Они решили, что это либо что-то достаточно позднее, средневековое, либо и вовсе современное (вдруг кто из граждан Советского Союза, участвовавший в возведении Высотной Асуанской плотины, приложил руку к этому делу?). На самом же деле пентаграмма как защитный символ (наверное, именно с этой целью те, кто хоронил детей, и

нанесли этот знак на «сосуд-саркофаг») появляется в Египте очень рано, ещё в додинастическое и раннединастическое время (на керамических сосудах, найденных Ф. Питри в некрополях Абадии, Ху и Абидоса), и далее встречается на керамике как минимум до Римского периода.

По типу амфоры и особенностям начертания знаков на брюшке фаянсового скарабея нам удалось установить, что детское погребение в амфоре было совершено в начале I тыс. до н.э., тогда как сама гробница и шахта в ней были высечены много раньше – во второй половине III тыс. до н.э. Амфора, разбить которую не побоялись грабители, всё же сделала своё дело – ниже они уже не копали, поэтому и не дошли до более древнего погребения, находившегося в камере, в которую и вела шахта 1 гробницы GE 49. А в камере обнаружился целый скелет в «позе эмбриона», принадлежавший пожилому мужчине, перешагнувшему 60-летний рубеж (выше мы уже приводили в пример его необычное по древнеегипетским меркам долголетие). После осмотра антрополог вынесла свой вердикт: умерший отличался складной фигурой и отменным здоровьем (что, видимо, и позволило ему дожить до столь преклонных по меркам древности лет), а также пристрастием к сладкому, что было видно по наличию кариеса на зубах, так что и уровень жизни у него тоже был высоким, хотя его гробница осталась без надписей, содержащих, хотя бы, его имя.

БЫВАЕТ КОТ В МЕШКЕ, А БЫВАЕТ И ЖЕНЩИНА...

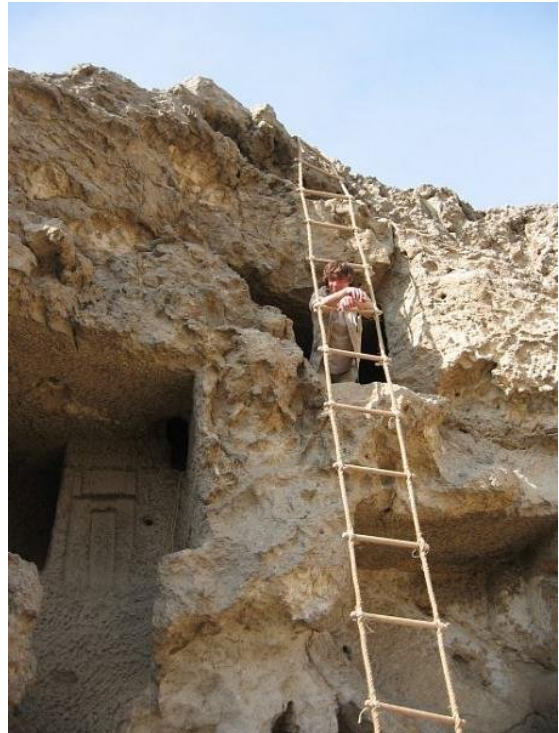
В 2014 году наша экспедиция, помимо исследования Малого некрополя перед гробницей Ченти I, начала изучение безымянной гробницы GE 58, расположенной по соседству с гробницами Перинеджу и Персенеба. В гробнице оказалось четыре шахты, в основном ограбленные, в своём заполнении содержавшие достаточно поздний материал – обрывки бинтов и раскрашенных картонажей мумий, разрозненные человеческие кости, отдельные фаянсовые бусины, амулет из розового сланца в виде «узла Исида», медную монету-*майорину* императора Констанция II (324–361 гг. н.э.), лимонно-жёлтые зёрна самородной серы. Ничего не предвещало уцелевших погребений, как вдруг в погребальной камере шахты 2 показались кости, лежавшие в анатомическом порядке: покойный в скорченной позе, на левом боку. Тело принадлежало женщине, умершей в интервале от 35 до 44 лет, высокой, статной, вполне себе изнеженной. По меркам III тыс. до н.э. она дожила до преклонных лет, больших физических нагрузок не испытывала и ничем серьёзным не болела. А похоронили её странным образом – похоже, чтобы хоть как-то втиснуть тело в крохотное пространство камеры, засунули его в тканевый мешок (под телом остались следы льняной материи), при этом оно оказалось неестественно вывернутым, головой на северо-восток (вместо севера), а лицо направлено вверх. Но полностью вместить умершую в небольшую погребальную камеру всё же не смогли. Её ноги так и остались лежать за пределами камеры. Это, видимо, не позволило заложить камеру камнями, и тело было просто засыпано известняковой щебёнкой, которую взяли тут же, использовав строительные отходы от вырубки шахты. Понятно, что при таких обстоятельствах правильно ориентировать тело головой на север не удалось. Так и похоронили.

НЕФЕРСЕФЕХПТАХ И НИСУТПТАХ – ДВА МЕМФИСЦА

Как вы уже знаете, многие из раскопанных нами гробниц были впервые задокументированы участниками прусской экспедиции под руководством Карла Рихарда Лепсиуса в 1842 году. Затем эти гробницы оказались погребены под мощным слоем песка и камней, на расчистку которого у нас ушли годы. Тем не менее, благодаря нашим геофизикам мы смогли обнаружить все ранее известные гробницы с надписями. Не хватало лишь одной – гробницы, которая числилась у Лепсиуса под номером LG 79. Она как сквозь землю

провалилась, став нашим неуловимым «летучим Голландцем»! Нам было известно примерное место её расположения, – крутой скальный обрыв Сен эль-Агуз на южной окраине концессии, изрытый многочисленными безымянными гробницами – но это знание не помогало. Год за годом разные участники нашей экспедиции пытались свое счастье, тщетно стараясь отыскать среди заброшенных шахт и незаконченных часовен ту единственную гробницу с надписями. И поскольку поиски эти не давали результата, в конце концов, было решено, что часовня, видимо, обвалилась вместе со скалой.

Так бы оно, наверное, долгое время и считалось, если бы в очередной раз не сработало хорошо известный в археологии закон: больше всего везет новичкам. В 2009 году наш эпиграфист, проводивший лишь свой второй сезон в Египте, решил-таки найти неуловимую гробницу. Причем сделал это всего за 15 минут. Пока все отправились на обед, он залез на обрыв и вблизи одной из незаконченных часовен увидел небольшой пролом, ведущий куда-то вверх, в неизвестное помещение. Лезть туда казалось делом безнадежным, ведь надписи и рельефы оставляли в относительно богатых часовнях, а разве могла быть богатой гробница, вырубленная так высоко? Пока туда попадешь, все ноги переломашь! Но неопытность тем и полезна, что заставляет лезть туда, куда нормальный специалист не полезет. Едва он протиснулся в узкий пролом, как перед его глазами предстали давно забытые изображения: хозяин гробницы по имени Неферсефехптах, его супруга Абедут и две их дочери, а над ними – сцена загробного пира и традиционная жертвенная формула с упоминанием царя и бога Анубиса как гарантов благополучного посмертного существования усопшего. Вот она, 79-я гробница!

Скальная гробница Неферсефехптаха (LG 79) оказалась совсем не там, где её искали

Конечно, было естественное желание спрыгнуть вниз и сообщить всем радостную новость, но мелькнувший в проломе вид Каира заставил остановиться. Вдруг появилось какое-то грустное и очень щемящее чувство. Ощущение времени. Эта забытая людьми часовня принадлежала древнему египтянину, который жил за тысячу лет до Троянской войны. Всё это время она была здесь, и почти всё это время немые изображения слышали лишь свист ветра, шорох песка и вой шакалов. А потом в проломе восточной стены стал быстро вырастать шумный город, который нахлынул на священное плато и разбросал у его подножия ветхие лачуги. Труднодоступная извне, часовня наверняка была заброшена, а за последние полторы тысячи лет лишь Карл Рихард Лепсиус и Джордж Рейснер могли прочесть имя ее владельца. И вот этих людей можно снова воскресить: Неферсефехптах, Абедут, их дочь Беби...

Внизу послышались шаги.

– Светка, она здесь! Гробница наша здесь! – закричал счастливый первооткрыватель.

– Ты откуда вещаешь? – удивленно спросила наша керамистка, озираясь вокруг и не понимая, что голос доносится сверху.

– Да я тут, над головой твоей! Залезай, я нашел 79-ю!

– О, Макс в телевизоре! – радостно сообщила Светлана, увидев, наконец, довольное лицо, высывавшееся из небольшого скального проема.

Так у старой гробницы появилось новое имя – «Телевизор». И в ней вновь началась жизнь.

Неферсефехптах служил жрецом богини Хатхор, покровительницы любви и семьи. Судя по всему, он родился и вырос здесь же, недалеко от пирамид, ведь его имя переводится как «Прекрасны слезы Птаха», а Птах – это главный бог древнего Мемфиса. Имя это весьма редкое, других его примеров пока не найдено. Впрочем, известны теофорные имена той же конструкции, упоминающие лишь других богов. А это значит, что имя хозяина нашей гробницы, конечно, вовсе не было уникальным, просто другим его тёзкам повезло гораздо меньше, и тысячелетия стерли память о них из археологической летописи.

Имя жены Неферсефехптаха – Абедут – означает «Принадлежащая месячному празднику». Вполне возможно, что она родилась в один из праздничных дней, что могло быть воспринято как счастливый знак. Ну а Беби... Мы не знаем, выросла ли она, как прожила свою жизнь, какие радости и печали выпали на её судьбу, однако скромный рельеф сохранил её для вечности маленькой девочкой, которая трогательно держится за ногу своего папы. А рядом стоит её сестра, которая держится за маму. Имя второй девочки ещё только предстоит прочитать.

Чтобы сохранить память об этой семье, рельефы и надписи необходимо было точно скопировать. «А как же копии Лепсиуса?» – спросите вы. Иллюстрации и описания Лепсиуса очень важны, можно только удивляться невероятной работоспособности членов его команды. Они несут бесценную информацию о состоянии огромного количества египетских памятников в первой половине XIX века, которая, конечно, во многих случаях была гораздо лучше, чем сегодня. Многие памятники и вовсе утрачены! Однако в деталях рисунки, опубликованные Лепсиусом, часто неточны, порой художники додумывали то, что им хотелось увидеть в памятнике, или просто дорисовывали его по своему вкусу. Чтобы не множить ошибки, в гробницу Неферсефехптаха необходимо было вернуться с карандашом и калькой...

Спустя несколько дней после открытия наш эпитафист сидел в «Телевизоре», с грустью глядя на деревушку напротив и далекие небоскребы на горизонте. Копировать надпись на архитраве нельзя – известняк сыпется и кальку не приложить. Иероглифы казались похожими на печенье: за тысячи лет вода вымыла из них минералы, оставив лишь хрупкую корку снаружи¹⁸. Увы, это обычная история для современной Гизы. Памятники, пережившие фараонов и Александра Великого, римских императоров и воинственных мамелюков, Наполеона и охотников за древностями XIX века, сегодня медленно разрушаются от грунтовых вод и солей, ставших после строительства Высотной Асуанской плотины настоящим проклятием для наследия древней цивилизации. Все мы любим гулять по Гизе. Но для эпитафиста такие прогулки наполнены особым, своим смыслом. В начале каждого сезона он совершает обход «старых знакомых», читая имена и титулы в безмолвных гробницах, где живут только птицы и уже редкие летучие мыши. Собственно, этого египтяне и хотели, для этого и строили часовни в гробницах – чтобы их помнили и произносили их имена. Но с каждым годом это становится делать всё труднее: древние иероглифы покрываются грязью от смога, круглосуточно выдыхаемого гигантским городом, и солью, а потом опадают белыми хлопьями, навсегда стирая имена владельцев гробниц. С именами уходят и истории древних жизней. Это настоящая трагедия, бороться с которой получается лишь одним способом – максимально точным копированием сохранившихся свидетельств.

Надо было действовать! Мы пропитали сохранившиеся изображения и тексты специальным раствором, закрепившим поверхность камня, после чего стало возможным прикрепить к западной стене часовни кальку и линию за линией скопировать изображение

¹⁸ Спустя пару лет после обнаружения гробницы Неферсефехптаха нам стали доступны фотографии из архива Джорджа Рейснера. Фотограф американской экспедиции тоже нашёл гробницу и в 1936 году сделал там несколько снимков, которые красноречиво свидетельствуют о том, насколько трагичными для Гизы оказались последние десятилетия: многие иероглифы, видимые на снимках, к 2009 году исчезли или значительно осыпались.

хозяина и его семьи, а также тексты о них. Теперь Неферсефехпах, Абедут, Беби – все они жили на листах тонкого пластика. И когда эпитафист вёз их в тубусе в Москву, он ясно понимал, что вместе с ним летит что-то очень важное, что-то, что имеет смысл в этой жизни.

Однако не история с «телевизором» вспоминается нашему молодому специалисту в первую очередь, когда речь заходит об ответственности археолога перед прошедшими по этой земле поколениями. Случилась в нашей экспедиции история куда более значимая. Неферсефехпах не пропал бы бесследно, ведь в его гробнице бывали художники Лепсиуса, бывал фотограф Рейснера... Пусть эти рисунки были неточны, а фотографии никогда бы не заменили качественных прорисовок – главное, что он был известен египтологам. Куда более волнительным было воскресить память о человеке, имя которого не только не произносилось, но и не было известно тысячи лет.

26 ноября 2011 года был обычным раскопным днем. Конечно, если не считать того, что 89 лет назад именно в этот день Говард Картер открыл гробницу Тутанхамона. Впрочем, Луксор, где состоялось это знаменательное для истории археологии событие, находился за тысячу километров от Гизы, а над пирамидами висели серые облака и дул прохладный ветер. До конца сезона оставалось дней десять, а раскопных дней было и того меньше, поэтому все были погружены в работу. За несколько дней до этого нам удалось проникнуть в две гробницы, получившие от нас номера GE 31 и GE 34, ранее не отмеченные на картах других исследователей. Их «увидели» на своих радарограммах наши геофизики за пять лет до описываемых событий. Гробницы эти имели довольно внушительные часовни, однако ни изображений, ни надписей внутри вырубленных в скале помещений не сохранилось. Нельзя сказать, что мы были сильно разочарованы. За многие годы Гиза приучила к тому, что настоящие сокровища встречаются не там, где их ожидаешь в начале. Однако нельзя отрицать, что безымянные гробницы вызывают у исследователей несколько иные чувства, чем гробницы, чьи хозяева известны. Последние, как бы странно это ни звучало, будто обладают своей душой. Кто знает, может, это *Ка* хозяина всё еще живет в полуразрушенных изображениях и полустёртых текстах? А безымянные гробницы... К ним сложно относиться столь же лично, хотя на процессе раскопок и фиксации материала это, конечно, никак не сказывается.

Гробницы GE 31 и GE 34 находились неподалеку от нашей «штаб-квартиры» – гробницы Хафраанха. И вот время обеда! И что же? Всё тот же эпитафист, понимая, что в конце сезона обед – это единственная возможность отвлечься от плановой работы по копированию рельефов и надписей и просто спокойно оглядеть раскапываемые памятники, пошёл осматривать недавно открытые гробницы, вооружившись фонарём и кисточкой. Состояние стен внутри почти сразу убедило его в том, что искать здесь иероглифы или рельефы бессмысленно: обработка стен была явно не завершена, так что ни о каком оформлении не могло быть и речи. Шахты в гробницах были явно раскопаны относительно недавно – возможно, уже в XX веке. Пролом из гробницы GE 31 вел в целый лабиринт других подземных часовен и погребальных камер, заваленных песком и щебнем, в котором встречались обрывки египетских газет времен короля Фарука. Газеты говорили о том, что вся эта сложная система подземных помещений, соединённых позднейшими проломами и грабительскими ходами, стояла открытой ещё в 1950-х годах, а потом, во время строительства наверху дороги, была засыпана мощным слоем отвала.

В общем, надежды найти что-то стоящее почти не было. Максим внимательно осмотрел ровные косяки входов – их состояние позволяло рассчитывать на то, что там могли сохраниться следы иероглифов или фигуры хозяина гробницы. Однако как он ни крутил фонарем, стараясь играть с тенью, поверхность камня была пуста. Безымянные гробницы! И вдруг его внимание привлек архитрав над входом в гробницу GE 31. Выглядел он неважно, сильно выветрился и был изъеден временем. Но что-то в нём было неладно – это чувство знакомо любому эпитафисту, привыкшему вглядываться в свои памятники. Он провел по архитраву кисточкой – вниз посыпался прилипший к поверхности камня песок. Трещины, выветренный камень... Но подозрения усиливались и интуиция уже требовала продолжать.

Он аккуратно подул на песок, и вдруг перед ним проявился иероглиф, изображающий престол! Неужели это имя? Вот ещё один престол и ещё... А потом имя бога – Птах! Нисутптах – «Относящийся к престолом Птаха»! Это имя, другого быть не может!

В несколько прыжков Максим преодолел расстояние до гробницы Хафраанха, где как раз заканчивали обедать. «Элеонора Ефимовна, я тут надпись нашёл! – прервал он шедший разговор. – 31-ая гробница не безымянная! Она – Нисутптах!»

Через минуту вся наша команда была у входа в новую часовню. Максим вновь взял кисть и продолжал расчищать архитрав. Теперь надпись стала ещё более чёткой, и мы все могли наблюдать, как в конце архитрава постепенно показались ноги Нисутптаха и его жены, имя которой не сохранилось. Супруги сидели перед жертвенной формулой, однако верхние части фигур уже были безвозвратно утеряны. Сам врезанный рельеф был очень тонким. Ещё несколько лет, и от него могло не остаться и следа. И вот в последний момент мы смогли вырвать из крепких лап забвения имя ещё одного слуги фараонов, сохранив его для будущих поколений. Нисутптах не был известен более ранним исследователям, тем ценней оказывалась эта находка. А для *Ka* Нисутптаха мы, возможно, оказали и вовсе неоценимую услугу. По крайней мере, так бы считали сами древние египтяне.

Несколько взмахов кисточкой – и из забвения возвращено ещё одно имя – Нисутптах

Имя хозяина гробницы указывает на то, что он родился здесь же – в Мемфисе или его округе. Хотя титулы его не известны, можно предположить, что он служил где-то неподалеку и жизнь его, как и жизни многих других чиновников, похороненных в наших скальных гробницах, прошла на фоне Великих пирамид. Гиза, долина внизу – всё это, быть может, были родные для него места.

РОСПИСЬ В ГРОБНИЦЕ ПЕРСЕНЕБА

К 2008 году наша экспедиция работала на всём пространстве от Хафраанха до скального обрыва Сен эль-Агуз, за которым уже виднеется Сфинкс. В результате, в поле нашего пристального внимания попали гробницы южного сектора российской концессии. Первым делом мы запустили туда нашего эпиграфиста. В начале он скопировал надписи в уже известной вам гробнице Перинеджу, затем были «Телевизор» и гробница Ипи, а после – гробница Персенеба.

Гробница Персенеба, одна из самых необычных на территории нашей концессии, была хорошо известна ещё с XIX века. Как и в случае со многими другими заметными памятниками, первым её исследователем был Карл Рихард Лепсиус. Знаменитый прусский египтолог дал ей номер LG 78 и оставил краткое описание гробничной часовни, а его художники скопировали наиболее значимые рельефы. Чуть позже в южной комнате гробницы жил французский египтолог Огюст Мариетт; он тоже сделал краткое описание гробницы и набросок её плана. В 1936 году часовню Персенеба посетил фотограф американской экспедиции, сделавший несколько снимков рельефов и надписей. Видимо, именно по этим фотографиям было сделано описание гробницы, подготовленное Джорджем Рейснером.

В общем, гробница была хорошо известна трём ведущими археологам своего времени, поэтому ожидать чего-то нового эпиграфисту здесь было сложно. Каково же было наше удивление, когда под толстым слоем копоти на восточной стене южной комнаты вдруг обнаружилась древняя настенная роспись! Нашли её не сразу. Точнее, штукатурку на стене видели ещё в самом начале работы нашей экспедиции в Гизе. Но тогда этому не придали большого значения, ведь штукатурка встречается во многих часовнях, где позднее жили люди. А в гробнице Персенеба люди определённо жили: потолок и стены южной комнаты были сплошь покрыты копотью, а Мариетт прямо сообщает, что превратил часовню в свою квартиру.

Однако первый же тщательный осмотр штукатурки неожиданно показал, что с ней не так всё просто, как казалось на первый взгляд. В северной части были хорошо видны вертикальные полосы, но это мог быть геометрический орнамент, например, коптского времени... Но вот в нижней части сохранившейся штукатурки были слабо различимы пятна охры, которые складывались... в изображения ступней! И не одна пара, а несколько – процессия дароносцев! А этого уже вряд ли можно было ожидать в коптских росписях. Нет, речь шла о росписи Древнего царства, и она «свалилась» на нас как снег на голову.

На дворе стоял 2012 год, обстановка в послереволюционном Каире оставалась беспокойной, по стране шла волна ограблений древних памятников и новости из провинций напоминали сводки с фронтов. Даже хранилище Службы древностей в Гизе подверглось нападению бандитов, была вскрыта и гробница Хафраанха, из которой вынесли почти все индивидуальные находки, тщательно собиравшиеся на протяжении многих лет. Частью брошенные предметы свидетельствовали о том, что грабители пришли из деревни за стеной. Иными словами, год был тревожный, полиции не было, в Гизу мог попасть кто угодно, а тут такая находка!

После мучительных раздумий было принято решение скопировать роспись в этом же сезоне, так как оставлять её до следующего сезона казалось теперь рискованным – никто не знал, что будет в Египте через год.

Но сначала роспись необходимо было очистить от слоя чёрной маслянистой копоти. На наше счастье в составе экспедиции в этот год были замечательные студентки из РГГУ – Яна, Вика и Настя, а также Наташа, приехавшая к нам из Германии. Под руководством реставраторов из Каирского музея они на протяжении нескольких недель буквально не отходили от росписи, сантиметр за сантиметром счищая копоть и проявляя всё новые детали композиции. За это время вся их одежда покрылась дырами от раствора, который использовался для очистки стены.

История этой смеси заслуживает отдельного повествования. В её состав входили дистиллированная вода, аммиак и спирт, причём каждый из этих компонентов добывался с приключениями. Вода была доставлена с одной из каирских заправок, спирт привезли из Москвы, а аммиак студентки купили в химическом магазине, вход в который был возможен только по паспортам. Каждый вечер наш эпиграфист усаживался на мансарде с видом на пирамиды, доставал самодельный мерный стакан, откупоривал склянки с ценными ингредиентами и смешивал новую партию раствора. В Гизу мы его приносили в бутылках из-под «Мартини», а охранники смотрели на всё это дело и хитро подмигивали – русская экспедиция!

Под чёрным слоем обнаружили многочисленные граффити XIX века, а это, в частности, свидетельствовало о том, что Лепсиус и Мариетт вполне могли застать ещё чистую роспись. Значит, смотрели так невнимательно? Героические девушки буквально преобразили стену: с каждым днём на поверхности штукатурки из-под чёрной копоти проступали новые цветные пятна. Однако как их сложить в общую композицию, как понять, что изображено? Ведь прежде чем роспись закоптили, она стояла и постепенно осыпалась на протяжении тысяч лет. Штукатурка изначально покрывала не всю стену, а начиналась примерно в 116–119 сантиметрах от пола, занимая все пространство до потолка. Высота оштукатуренной полосы составляла около 135 сантиметров, что равнялось 3 египетским

малым локтям¹⁹. На западной стене комнаты сохранилась точно такая же полоса штукатурки, причём почти не покрытая копотью, однако следов росписи на ней нет.

Время немилостиво к таким хрупким материалам; к моменту фиксации от росписи на восточной стене сохранилось лишь около 30 % изначальной поверхности. В некоторых местах штукатурка вздулась и готова была облететь в любой момент. Приходилось действовать очень аккуратно. Но как копировать такой памятник? В Москве мы готовились к рельефам и надписям, вырезанным в камне, для них запасали и специальную пластиковую кальку. Ее чуть матовая поверхность прекрасно подходила для копирования хорошо видимых деталей. Однако роспись, которой 4400 лет – дело совсем другое. Нужен был какой-то совершенно прозрачный материал, позволяющий увидеть малейшие следы от краски, но где его взять в Каире?

Поиски привели к покупке тонких листов пластика, не отличимых по прозрачности от оконного стекла. Однако была одна проблема: на этом пластике не писал ни один маркер, ни один карандаш или ручка. Ситуация казалась патовой, но на выручку пришла смекалка. Однажды в комнате нашей керамистки был замечен лак для волос. Абсолютно невидимый и держащий объем, как гласила реклама. Невидимый? Мы покрыли лаком один из листов пластика и – о чудо! – маркеры стали ложиться как на бумагу, а прозрачность осталась! Наш эпитафист обзавелся целой коллекцией разнообразных фломастеров, чтобы имитировать копируемый цвет, и был готов к работе.

Осталось дело за малым – сфотографировать стену перед началом работы и нанести на стену сетку координат. Фотографии – это понятно. Вдруг при копировании что-то повредится? Допускать этого было нельзя, но ещё больше нельзя было допускать любой потери информации. Поэтому различные детали в отдельности и вся роспись целиком были тщательно отсняты. Но зачем же сетка? Дело в том, что при сканировании изображения любой сканер его немного деформирует. Чтобы собрать с точностью до миллиметра четырёхметровую стену, перенесённую на 10 листов пластика, каждый из которых будет немного растянут или приплюснут при сканировании, надо было иметь чёткие реперные точки, которые бы потом позволили исправить имеющиеся искажения. Когда сетка была готова, можно было приступать к работе.

И тут опять неоценимую помощь оказали наши студентки! Любое копирование древнего изображения – это одновременно его исследование. Особенно если сохранность изображения оставляет желать лучшего. Сначала из разрозненных пятен надо было восстановить различные сцены, встречающиеся в росписи. Мы обнаружили болотную сцену, сцену плавания на ладьях, сцену перевозки на ток сжатых снопов, сцену пахоты, сцену сева, а в южной части стены был изображен сам Персенеб и его жена. Но выявить сцены – это лишь начало разгадки всей композиции. Обнаруженные сюжеты были довольно стандартны, но при этом сильно различались в деталях. Как увидеть больше, чем можно увидеть? Ответ прост – искать аналогии в других гробницах. И в этом нам огромную помощь оказала Яна. Вот перед вами явно морда осла, но что это за пятно коричневой охры справа? Начинаешь просматривать сцены с ослами из самых разных гробниц – из Гизы, из Саккары, из провинциальных некрополей – а их десятки. И вот находишь точно такую же голову, а справа от нее рука погонщика. Ага, рука, значит! А нет ли у нее продолжения? Начинаешь всматриваться в роспись, ставишь фонарь то так, то эдак, и вот вблизи хорошо видимого пятна охры в косом свете удастся увидеть тоненькие следы высохшей по краям руки краски. Это даже не охра, это просто уплотнение штукатурки в тех местах, где собиралось больше воды, а вода скапливалась по краям покрашенных поверхностей. И вот ты уже совершенно четко видишь руку! Так час за часом роспись дарила нам всё новые открытия: вот маленький хищник – мангуст или генетта – крадёт к гнезду с птенцами, а эти охристые пятна – это всё, что осталось от родителей-птиц, в отчаянии пытающихся защитить своё потомство; вот

¹⁹ Малый египетский локоть (*мех шеру*), составлявший 45–48 сантиметров, был основным размером, использовавшимся при разметке скальных часовен в нашей части некрополя.

матросы, несущие на весле моток веревок, а вот матрос, управляющий парусами большой ладьи; вот бараны, привлечённые едой, идут и втоптывают зерно в плодородную египетскую почву, а вот и само зерно сыпется золотым дождем из руки сеятеля; вот пахарь согнут над тяжёлым плугом, а вот браслеты на запястьях жены Персенеба. С каждым новым днём мир времён строительства пирамид оживал перед нашими глазами.

Процесс копирования очищенной от копоти росписи времени V династии в скальной гробнице Персенеба (LG 78)

Мы не так много знаем о Персенебе, имя которого переводится как «Дом здоров». Под «домом» египтяне могли понимать и какое-то частное хозяйство, и храм, и даже дворец. Персенеб был жрецом поминального культа и, возможно, служил в храме Хуфу. Видимо, он имел две жены – Хетепхернефрет и Хепети. Отношения в семье были непростыми, ведь имя Хетепхернефрет было намеренно затёрто. Похоже, у Персенеба не было мужского наследника, так как на рельефах он изображён со своей старшей дочерью по имени Хенти («Та, что впереди»).

Гробница Персенеба прекрасно демонстрирует то, как по-разному могли подходить египтяне к оформлению часовен. Изображения хозяина и членов его семьи выпуклы и объёмны, что придает им жизненности. Особенно это касается статуй, большое число которых, а их было вырезано одиннадцать, выделяет эту гробницу среди многих других часовен Древнего царства в Гизе. Важнейшие гробничные тексты – жертвенные формулы, обеспечивавшие достойное посмертное существование погребённых здесь людей – были выполнены в технике врезанного рельефа. Это был не только более дешёвый способ, но и более надёжный, так как выступающий фон врезанного рельефа дополнительно защищает надпись от разрушения. Наконец, сюжетные сцены, которые были как бы дополнением к основным изображениям и текстам, были выполнены в технике росписи. Что это? Свидетельства поэтапного удешевления процесса оформления гробницы или тщательно продуманный план? Увы, гробница Персенеба осталась незавершённой, а это затрудняет ответ на вопрос. Грунт под роспись на западной стене южной комнаты так никогда и не

покрылся красочными сценами, а многие статуи были вырублены лишь вчерне, сохранив многочисленные отметки красной охрой, которыми скульптор обозначал будущие формы.

Уже при вырубании часовни древним мастерам стало ясно, что потолок северной комнаты может не выдержать нагрузки и рухнуть. Часть разрушенной скалы с трещиной была вырезана и заменена, возможно, на прочный блок из белого турецкого известняка, от которого сегодня не сохранилось и следа. Это, однако, не помогло, и потолок всё же рухнул. Вход в гробницу был уничтожен ещё в древности в результате строительства соседнего погребения. В северной стене северной комнаты был сделан аккуратный проход в соседнюю гробницу GE 23. Этот пролом почти полностью разрушил одну из статуй. Столь удобный для жизни, комплекс Персенеба, судя по всему, был заселён в эпоху Византийской империи, а затем позднее – при арабах, которые продолжали жить в часовне ещё во времена Мариетта. Последний, как вы уже знаете, приспособил комнату с росписью под свой кабинет и спальню, а в соседней 23-й гробнице расположились его слуги.

Каким временем датируется гробница Персенеба? Ответить на этот вопрос нелегко. Само расположение гробницы и её качество свидетельствуют о том, что это мог быть один из наиболее ранних памятников в данной части некрополя, которая стала заполняться при V династии. Большое количество статуй (семь и более) встречаются в гизехских гробницах, датированных концом IV – началом VI династии. «Ложные двери», сохранившиеся в северной комнате, довольно просты. Такие двери обычно характерны для гробниц первой половины Древнего царства и редко встречаются после середины V династии. Шахты были вскрыты грабителями в древности, а материал в них оказался перемешан: керамика Древнего царства соседствовала с керамикой Позднего периода и византийского времени. Большая часть фрагментов Древнего царства может быть датирована VI династией, хотя был найден и материал, который теоретически можно отнести к значительно более ранней IV династии. Наконец, в росписи, несмотря на её сравнительно плохую сохранность, присутствуют многие относительно ранние признаки, которые позволяют говорить о том, что она была создана не позднее V династии. Собрав все эти данные воедино, можно предположить, что гробницу Персенеба строили во второй половине V династии. Кажущееся противоречие такой датировки с керамическим материалом объясняется просто: архитектура гробницы указывает на время рубки, рельефы и роспись – на время её оформления, а керамика – на время захоронения и отправления культа.

Из-за своей относительной дешевизны, росписи часто, особенно во второй половине Древнего царства, рассматривались как разумная альтернатива весьма затратным и долгим в изготовлении рельефам. Подготовка стены под роспись мало чем отличалась от подготовки стены под рельеф. Поверхность надо было хорошенько отшлифовать и покрыть штукатуркой, зато потом изображения наносились очень быстро. Такие тщательно выровненные стены найдены во многих гробницах нашей части некрополя. Как правило, следы штукатурки на них до нас не доходят. Однако можно предположить, что по крайней мере некоторые из этих прекрасно подготовленных поверхностей шлифовались с мыслью о росписи. А сколько ещё стен покрыты поздней штукатуркой и копотью, под которыми может скрываться всё, что угодно!

НАДПИСИ В ГРОБНИЦАХ РАССКАЗЫВАЮТ ИСТОРИИ ЖИЗНИ У ПИРАМИД

Рельефы и надписи могут рассказать не менее интересные истории, чем археологические находки. В 2007–2009 годах мы раскопали две гробницы – Ченти II и Хуфухотепа. Их часовни стали известны науке ещё в XIX веке, когда Карл Рихард Лепсиус и Огюст Мариетт сделали первые копии имевшихся там изображений и надписей. Однако лишь недавнее тщательное изучение рельефов позволило восстановить по крупницам истории жизни этих двух чиновников.

Гробница Ченти II, судя по всему, была вырублена чуть раньше гробницы Хуфухотепа. Вторым Ченти, конечно, стал совсем недавно и только в нашей документации. Дело в том, что когда мы нашли его гробницу, у нас на участке уже была известна часовня одного из его тезок. У этого, первого Ченти, и гробница была побольше да подревнее, и рельефы побогаче. В общем, владелец гробницы GE 12 стал называться вторым Ченти. Хотя на самом деле это имя было распространено, и только в Гизе сегодня известно почти 40 различных Ченти – как мужчин, так и женщин. В переводе с древнеегипетского имя Ченти, судя по всему, означало «Да будешь ты отмечен (среди других)!». С таким замечательным именем Ченти вступил в жизнь где-то во второй половине V династии, т.е. примерно 4350 лет назад. Судя по титулам, Ченти был выходцем из среды среднего чиновничества. Он выучился грамоте, а также, вероятно, ещё какому-то прикладному мастерству и решил посвятить всю свою жизнь столичному некрополю. Мемфисский некрополь в те времена был настоящим городом, а точнее несколькими городами, которые протянулись от Абу-Роаша на севере до Дахшура на юге. Работники некрополя, а таких, вероятно, были многие сотни, в прямом смысле слова занимались воскрешением мертвых.

В эпоху Древнего царства считалось, что если правильно подготовить усопшего, провести все необходимые ритуалы, то он достигнет состояния «прекрасной старости» – не дряхлости, а мудрости ума – и станет просветлённым духом (*ахом*). С таким *ахом* можно было вступать в переписку, просить о помощи, в том числе против врагов, жаловаться ему на проблемы или просить о заступничестве. Если же всех необходимых ритуалов не производилось и тело лишалось должного погребения, то усопший превращался в мертвеца (*мут* – «мертвый»). Такие мертвецы были опаснее всего, именно они считались причиной многих несчастий. Ченти, видимо, определил делом своей жизни избавление мира от живых мертвецов.

Судя по титулу «знакомый царя» (*рех нисут*), начать свою карьеру Ченти мог со службы в одном из царских поминальных храмов или на выполнении поручений в ходе реализации дворцовых строительных проектов. Что это могли быть за поручения? Увы, сейчас об этом можно только гадать. Доставить известняк из каменоломен или закончить гробницу какого-нибудь чиновника, подготовить саркофаг для царского сына или «ложную дверь» для видного вельможи – таких заданий могло быть множество. В любом случае, другие его титулы позволяют заключить, что на каком-то этапе Ченти стал снабженцем для занятых в некрополе мастеров – каменщиков, скульпторов, художников, ювелиров и пр. Об этом говорит занимаемый им пост «начальника имения некрополя» или «начальника хозяйства рабочих некрополя». Под «имением» или «хозяйством», возможно, понимались пастбища в Дельте, где приписанный к некрополю государев скот нагуливал вкусные и весьма редкие в рационе простых египтян животные белки. Кстати, данные археологии свидетельствуют, что, например, в конце IV династии, во времена строительства пирамиды Менкаура, кормили рабочих в Гизе совсем неплохо, причём раздавались им в основном порции молодой баранины и телятины.

Затем или одновременно с этим Ченти был важным человеком в царской мастерской некрополя (*уабет нисут*), получив там должность «того, кто над тайнами» (*хери сешета*). Под «тайнами» египтяне понимали многое. Это могли быть и тайные знания в письме и магии, и мастерство, и просто опыт – например, в управлении чем-нибудь. Могли понимать под «тайнами» и различные предметы, использовавшиеся в ритуалах. Поскольку в царской мастерской некрополя занимались многим – от мумифицирования тел до изготовления погребальной утвари – то и работа там могла найтись для почти любого специалиста. И не важно, обладал ли он глубокими познаниями в области религиозных текстов, знал ли ритуал или просто умел красиво вырезать иероглифы.

Шли годы, и в какой-то момент Ченти стал «властителем некрополя» (*хека херет-нечер*). Это, видимо, была даже не должность, слишком уж редко она упоминается в других источниках, а такой неофициальный статус признанного человека. Вполне возможно, что Ченти превратился в одного из неформальных лидеров в некрополе. Согласно надписям на

некоторых саркофагах того времени, это, в частности, давало ему право контролировать последний этап погребения – помещение мумии в саркофаг и запечатывание погребальной камеры. Как показали работы чешских археологов с Абусире, это был очень важный этап. Дело в том, что в первый день похорон, видимо, успевали лишь довести покойного до некрополя, провести на месте все необходимые ритуалы и поместить тело в погребальную камеру. Потом наступала ночь, на время которой шахта в камеру часто оставалась открытой. Вот это и было самым удачным временем для грабителей – всего несколько часов, когда без особого труда, без перемещения кубометров битого известняка, можно было забраться в камеру и обобрать покойного. Поутру родственники засыпали шахту, так порой и не узнав, что погребение уже разграблено.

Такова была, согласно титулам, жизнь Ченти II. Что касается его смерти, тут история очень загадочная. Занимаясь всю жизнь чужими гробницами, Ченти так и не успел достроить свою собственную. Завершал её уже его сын по имени Иутениптах («Приходит ко мне бог Птах»). Иутениптах обязался закончить гробницу отца и слово своё постарался сдержать. Даже оставил об этом при входе соответствующую надпись: *«Это его старший сын, начальник поминальных жрецов, писец Иутениптах – тот, кто сделал это для него (т.е. Ченти), когда он был погребён на прекрасном Западе (т.е. в некрополе), в соответствии с тем, что он обещал ему, когда он (т.е. Ченти) ещё жил на своих двоих ногах».* Это пример стандартной посвятельной надписи, которая свидетельствует о том, что старший сын, как главный наследник, давал обязательство при жизни отца обеспечить ему достойное погребение. Таких посвятельных текстов известно довольно много, причём составлялись они не только от лица старших сыновей (старших не обязательно по рождению, но обязательно – по положению), но и от лица других родственников – дочерей, внуков, супругов, родителей, сестёр и братьев.

Работы по приказу Иутениптаха проводились в гробнице, прямо скажем, не очень качественно. То ли он спешил, то ли у него не хватало средств, то ли ещё по какой-то причине, но, в отличие от текстов, выбитых при Ченти, тексты Иутениптаха сразу видно по их худшему качеству. Это хорошо заметно на входе, где сохранился «барабан» – каменный валик, имитирующий свёрнутую над входом циновку – с титулами Ченти: «знакомый царя, почитаемый царём, начальник имения [...] Ченти». Последние слова – это как раз то, что было дописано Иутениптахом тонкими, неглубоко врезанными иероглифами.

Мы не знаем, в какой из пяти шахт в его гробнице был погребён Ченти. Все шахты были разграблены ещё в древности. А во времена поздней Римской империи и Византии в гробничной часовне поселились люди. Они построили в ней печь, вокруг которой ютились холодными зимними вечерами. Здесь наверняка бегали и смеялись ребяташки. Для них дорога домой навсегда была связана с немым древним изображением, вырезанным справа от входа. Это был Ченти. Точнее, только половина Ченти, потому что рельеф старший сын

Прорисовка рельефа в гробнице Ченти II. Стрелками показаны направления ударов, частично уничтоживших изображения

Иутениптах так и не закончил²⁰. А рядом с ним сидит обнимающая его жена, обезображенная то ли мстителем, то ли вандалом. Её единственный титул – «знакомая царя» – намеренно повреждён металлическим резцом. Её эпитет – «снабжённая при муже своём» – также разрушен. Не произошло ли это потому, что родственники Ченти не хотели нести материальной ответственности за обеспечение культа его покойной жены? Не случилось ли в семье Ченти какой-то драмы после его смерти? И почему обе фигуры на входе, в том числе незаконченное изображение самого Ченти, были повреждены – у жены уничтожено лицо, а, кроме того, у обоих супругов выбиты паховые области?

Случаи спланированного разрушения или повреждения изображений самими древними египтянами хорошо известны египтологам. Как правило, это происходило по одной и трёх причин: 1) переиспользование (узурпация) памятника; 2) перепланировка памятника; 3) реализация комплекса мер по ухудшению или прекращению посмертного существования покойного. Именно последняя причина, быть может, и привела к повреждению изображений в гробнице Ченти II. Такого рода сознательные разрушения принято считать проявлениями *damnatio memoriae* («проклятие памяти»). Этот латинский термин, обозначавший изначально особую форму посмертного наказания, применявшуюся в Древнем Риме к государственным преступникам, широко используется в египтологии, хотя на самом деле не вполне соответствует древнеегипетским реалиям. В Египте изображения могли уничтожать не только в качестве наказания, но и из страха перед действенной силой духов умерших. Поскольку полностью разрушить рельефную фигуру – дело часто нелёгкое, требующее значительных усилий, египтяне нередко практиковали точечные повреждения важнейших частей человеческого изображения – лица, особенно носа и глаз (способность дышать и видеть), рук и ног, особенно запястий и лодыжек (способность выходить в мир живых и действовать в нём), сердце (возможность ощущать и думать) и пах (плодородие, тесно связанное с возрождением). Нам очень мало известно о природе *damnatio memoriae* в Древнем Египте, особенно в III тыс. до н.э. Древние египтяне вряд ли считали, что повреждение одних лишь изображений могло привести к прекращению посмертного существования покойного, однако оно могло существенно влиять на качество такого существования, а также эффективность духа покойного в мире живых. Известны случаи, когда гробничные изображения повреждались при жизни хозяев, а затем восстанавливались, в том числе их наследниками.

Если Ченти II посвятил свою жизнь службе в некрополе, то Хуфухотеп, выстроивший свою гробницу чуть севернее, связал свою судьбу с реализацией различных царских проектов. Его первая должность, «инспектор жрецов-очистителей», судя по всему, указывает на связь Хуфухотепа с одним из царских заупокойных храмов – возможно, храмом Хуфу, в честь которого он и был назван. Хуфухотеп вполне мог сохранять первую должность вплоть конца своих дней. Следующим назначением чиновника стала должность «инспектор (знатных) молодых людей». Она чётко указывает на то, что Хуфухотеп был тесно связан с проектами, спланированными и реализуемыми резиденцией. Пиком же его карьеры стало назначение на должность «начальника всех царских работ».

В начале эпохи строительства пирамид титул «начальник всех царских работ» принадлежал высшим чиновникам, в том числе царским сыновьям и визирям. При ранней V династии эту должность стали регулярно занимать чиновники нецарского происхождения. А в начале VI династии царь Пепи I, видимо, вновь повысил престиж должности, значительно сократив число её обладателей и сделав её привилегией визирей или чиновников, которые готовились стать визирями. Отсутствие каких-либо ранговых титулов и скромный характер гробницы указывают на то, что Хуфухотеп либо добился своего последнего продвижения по службе лишь незадолго до смерти, либо никогда в

²⁰ Любопытно, что фигура безымянной жены Ченти была вырезана почти полностью, а фигура самого хозяина гробницы осталась незаконченной, хотя она должна была быть значительно более важной. Всё дело в том, что скульптор, вырезавший рельеф, двигался изнутри часовни к выходу, чтобы не загромождать самому себе свет, поэтому и фигура жены, расположенная дальше от входа, оказалась более завершённой.

действительности не исполнял обязанностей «начальника всех царских работ». Не стоит также забывать, что гробничные списки титулов часто включали наследуемые карьеры старших родственников, которые давали право на наследование имущества внутри семьи, или фиктивные титулы, которые либо даровались царём, либо придумывались «по обычаю некрополя». Хотя последние два явления стали обычными лишь в самом конце Древнего царства и в эпоху Первого Переходного периода, всё же нельзя исключать возможности того, что Хуфухотеп в действительности никогда не исполнял обязанности «начальника всех царских работ». Комбинация титулов Хуфухотепа позволяет заключить, что его карьера развивалась во второй половине V династии, и сам Хуфухотеп вряд ли умер позднее начала VI династии.

Как и в случае с гробницей Ченти II, часовня Хуфухотепа осталась незаконченной. Как и старший сын Ченти II, старший сын Хуфухотепа, имя которого сохранилось очень плохо, но возможно, читалось как Раур, оставил свою посвятельную надпись: *«Это его старший сын, инспектор жрецов-очистителей, начальник отряда рабочих, тот, кто над тайной великого двора, Ра[ур] сделал (это) для него (т.е. для Хуфухотепа), когда тот был похоронен в некрополе, в качестве деяния для Хуфухотепа»*. Надпись сына была завершена, а вот жертвенная формула над входом – важнейший текст, который должны были читать проходившие мимо люди – осталась незаконченной. Нижний регистр формулы полностью вырезан, а вот самое начало текста отсутствует. Это, в частности, говорит о том, что вырезавший текст скульптор, судя по всему, был неграмотен. В противном случае, зная о спешке в связи с подготовкой гробницы, он наверняка бы вырезал самые важные слова, саму суть формулы, которая традиционно идёт как раз в начале: «Жертва, которую даёт царь и Анубис...» Фигуры Хуфухотепа, его имя, а также некоторые слова – «великий», «старший» – были сознательно повреждены. Если разрушение фигур можно было бы объяснить поздним вандализмом, то тщательно выбранные для повреждения знаки говорят о том, что разрушитель должен был уметь читать иероглифы или, по крайней мере, знать значение некоторых идеограмм.

Ещё один любопытный случай сознательного и выборочного разрушения встречается в гробнице Персенеба. На восточной стене прохода из одной комнаты часовни в другую сохранилось изящное изображение женщины, которую держит за руку ребенок. Выписан титул женщины – «знакомая царя». А вот её имя тщательно затёрто. Лишь слабые следы на камне всё ещё позволяют его прочитать – Хетепетхернефрет («Умиротворенная в красоте»). Поскольку имя этой женщины было не просто сбито, а старательно стёрто, можно предположить, что фигуру хотели узурпировать, приписав его другой даме. Но какой? Ответ, возможно, сохранился на южном архитраве северной комнаты. Здесь когда-то был известняковый блок с жертвенной формулой, которая плавно переходила с блока на скалу. Блок давно исчез, но скала осталась и сохранила до наших дней другое женское изображение, сопровождающееся подписью: «[Жен]а его Хепети».

Взаимоотношения внутри семьи Персенеба явно не были простыми, и нам никогда уже не будут известны их детали. Равно как и подробности того, почему подвергались разрушениям и повреждениям гробницы других чиновников. Однако мы знаем, что наша часть некрополя – это место захоронения средней руки служащих, а в обществах III тыс. до н.э. образованная прослойка – это всегда очень небольшое сообщество с тесными внутренними связями. Древнеегипетские чиновники и их служащие, похороненные в простых шахтах при больших часовнях, наверняка постоянно пересекались на работе и в быту, конкурировали и сотрудничали, имели родственные отношения. Отголоски древних страстей очень нелегко уловить, но их всё ещё сохранили камни Гизы. И когда фонарь выхватывает из темноты сбитый иероглиф, переделанную подпись или затёртое изображение, гробница тут же наполняется звуками давно минувшей борьбы, где стенания убитых горем родственников и друзей сливаются со звоном медных зубил и глухим стуком камней.

ГЛАВА 6. МАЛЫЙ НЕКРОПОЛЬ ПЕРЕД ГРОБНИЦЕЙ ЧЕНТИ I

ДЕЖАВИО

История обнаружения Малого некрополя перед скальной гробницей Ченти I как две капли воды похожа на историю открытия Малого некрополя перед гробницей Хафраанха: расчищая наружную западную стену гробницы, мы наткнулись на шахты, сделанные здесь же, а далее, продвигаясь на восток, стали откапывать шахту за шахтой, которые были вырублены на постепенно понижающейся скальной террасе. К 2015 году уже обнаружена 21 шахта, но мы все понимаем, что это не предел – мощный слой отвала высотой более 5 метров скрывает ещё много таких шахт, и чем восточнее мы двигаемся, тем больше процент как непогробленных погребений времени III тыс. до н.э., так и ограбленных вскоре после похорон, но нетронутых позже.

План шахтных погребений в Малом некрополе перед скальной гробницей Ченти I (GE 11)

Погребальные конструкции в целом однотипны – это шахты глубиной от 1 до 6,5 метров, ведущие в погребальные камеры. Но, как водится, есть и исключения: некоторые шахты были совсем неглубокими и не имели камер, что даёт основание предположить их ритуальное назначение. Ещё 15 лет назад все шахты без камер автоматически причислялись

к незавершённым, т.е. брошенным на стадии строительства. Но обнаружение таких шахт с уцелевшим оригинальным заполнением польскими и чешскими археологами в Саккаре и Абусире дало основание в корне пересмотреть старые гипотезы. Оказалось, что на дне таких шахт лежали разбитые керамические сосуды, обрывки бинтов и немного костей животных и птиц. Сосуды, главным образом крупные чаши и миски, полностью склеивались, и все как один были красного цвета, что дало основание провести параллель с упоминаемым в царских «Текстах пирамид» ритуалом *седж дешерет* – «разбивания красных сосудов», призванным защитить покойного, похороненного в соседней шахте, от всех опасностей²¹. Обрывки бинтов являлись остатками от бальзамирования, что всегда особо охранялось египтянами и не могло быть просто выброшено. Для этих целей уже во II–I тыс. до н.э. изготавливались деревянные ларцы и керамические сосуды, в которые и складывалось всё то, что осталось от процесса мумификации, не только бинты, но и, например, выпавший у покойного зуб, как это произошло с царицей Хатшепсут. А кости животных и птиц – это остатки поминальной тризны, совершаемой в момент похорон.

А что же можно сказать о времени, когда совершались погребения в Малом некрополе перед гробницей Ченти I? Похоже, происходило это на протяжении VI династии, хотя материал в заполнении некоторых шахт – преимущественно фрагменты керамических сосудов, заставляет отнести их к финальной части VI династии или даже к началу Первого Переходного периода (т.е. к XXII веку до н.э.).

Докуфиль – это не блюдо французской кухни

Многие годы наши рабочие откапывали гробницы и двигали отвал вручную, с помощью тачек, называемых «*баравитта*», больших мотыг-*фесов*, кирки-*кезмы* и корзин, сшитых из автомобильных шин, которые по-арабски называются «*мактаф*», «*галя*» или «*зомбиль*» (последний вариант более употребим в Сирии, но и египтяне его знают). Однако, в ходе работ по расчистке Малого некрополя перед скальной гробницей Ченти I, настал тот момент, когда двигать отвал стало слишком сложно. Тем более, что нам приходилось перемещать не столько свой отвал, сколько многометровый слой грунта, оставшийся от работ американской экспедиции первой половины XX века наверху – на Восточном плато Гизы.

Время на раскопе – это не только труд, но и деньги, и деньги немалые. Поэтому в 2013 году мы решили рискнуть и приняли предложение нашего инспектора от Египетского министерства древностей о том, чтобы временно позаимствовать *докуфиль* – узкоколейную железную дорогу с вагонетками (в нашем случае – пару вагонеток и несколько рельсов) с «кладбища строителей пирамид», где много лет копал Захи Хавасс – до революции 2011 года глава Египетского совета по делам древностей.

Кто интересуется Египтом, тот наверняка знает имя Захи Хавасса – главного египетского археолога последних двух десятилетий. О докторе Захи – человеке в шляпе с большими полями – ходили легенды. Захи был вездесущ и держал Гизу железной хваткой. Человек очень неоднозначный, он многое сделал для развития египетской археологии, попутно выжигая поле вокруг себя и не допуская конкурентов. Так или иначе, Захи Хавасс – это явление в египетской археологии. Именно он, кстати, дал нам концессию в своей вотчине – в Гизе, а потом неизменно поддерживал экспедицию.

После революции 2011 года звезда доктора Захи, верного члена команды президента Хосни Мубарака, закатилась. Сегодня он простой пенсионер, который пишет воспоминания и читает лекции. С началом опалы прекратились и раскопки Хавасса в Гизе – на «кладбище строителей пирамид». И сейчас там кладбище вагонеток. Нам предложили доставить

²¹ Подробнее см.: Rzeuska T.I. *Saqqara II. Pottery of the Late Old Kingdom. Funerary pottery and burial customs.* Warsaw, 2006. P. 492–512.

несколько из них на раскоп и приспособить под наши нужды. Поскольку в одну вагонетку вмещается порядка 80 корзин (а в тачку – только три или четыре), долго уговаривать нас не пришлось.

И вот работа пошла. Именно благодаря докуфилю удалось сдвинуть огромные массы песка и высвободить из-под него 13 шахт, многие из которых содержали целые или мало потревоженные погребения. И к таким привычным для нас звукам, ассоциировавшимся с работой на раскопе – ударам фесами, крикам рабочих, прибавился новый, уютный, но, по российским меркам, совсем не археологический звук стука колёс поезда, когда полная вагонетка катится по рельсам, слегка подпрыгивая на стыках.

Узкоколейка с вагонетками на службе у российских археологов в Гизе

ТРИ КАРЛИКА

В двух самых восточных на данный момент шахтах Малого некрополя перед скальной гробницей Ченти I, получивших номера GE 52 и GE 60, в 2014 году были обнаружены человеческие останки, у которых были замечены странности – руки и ноги покойных были коротковаты для взрослого человека, а вот черепа и туловища – нормального размера. Прибывшие вскоре на раскоп антропологи подтвердили наше подозрение, что это два карлика.

Карлик из шахты GE 52 был частично потревожен, но всё равно оставался лежать в правильном анатомическом порядке, а погребение карлика в шахте GE 60 не имело следов внешнего вмешательства, хотя голова лежала не на своём месте. Дело в том, что под голову умершему был положен крупный необработанный камень – своеобразный «антивандальный» вариант подголовника – предмета, который древние египтяне использовали не только в погребальном обряде, но и при жизни как подушку во время сна. «Каменная подушка» имела слишком крутой наклон, вот череп и скатился, когда в процессе разложения от тела остались лишь кости.

Если погребение GE 52 было в основных чертах типично для Древнего царства (покойный лежал в полускорченной позе, на левом боку, головой на север на камне-подголовнике, в небольшой камере, в которую вела шахта глубиной немногим более 2,5 метров), то погребение GE 60 было устроено непосредственно в шахте, но ровно на одном уровне с погребением карлика-«соседа»! Квадратное пространство шахты вдоль восточной и западной стенок было обложено камнями, между которыми лежал скелет в «позе эмбриона», на левом боку, головой на север. Сверху на эти камни были положены плохо обработанные известняковые блоки, являвшиеся крышкой погребения.

Почему же карлика GE 60 не поместили в камеру? Её не вырубили, потому что спешили? А вот и нет. После тщательного изучения погребения и его выемки оказалось, что ниже шахта продолжается и достигает глубины почти 5 метров, и на юг от неё отходит небольшая погребальная камера, однако по своим габаритам вполне достаточная, чтобы вместить тело покойного. Только вот дно шахты и частично погребальной камеры провалилось... в погребальную камеру ещё одной шахты, устье которой мы пока не нашли (сейчас оно скрыто многометровыми наслоениями отвала восточнее шахт GE 52 и GE 60). Обрушение дна произошло ещё в древности, в процессе строительных работ, – это, очевидно, и послужило причиной устройства захоронения непосредственно в стволе шахты. А чтобы скала не обрушилась дальше, нужно было её засыпать чем-то малосыпучим и не

таким тяжёлым, как крупный щебень. Для этих целей древние строители использовали черепки керамики и даже целые сосуды – все 2,5 метра шахты GE 60 под погребением, а также погребальная камера заполнены такой керамической забутовкой! Уже и не знаешь, то ли это радость, то ли беда для керамиста... ведь черепки в процессе их выемки можно было исчислять не штуками, а кубометрами... Зато это позволило разобраться с установлением времени строительства шахты, совершения погребения в ней и её засыпки: если керамика из нижней части шахты и погребальной камеры относилась в основном к царствованию V и ранней VI династий, и даже присутствовали единичные фрагменты времени IV династии (а датировка идёт по самому позднему материалу), то в заполнении шахты выше погребения керамический материал VI династии доминировал, но присутствовали единичные фрагменты сосудов поздней VI династии. А это означает, что время создания захоронения надо отнести именно к поздней части VI династии.

В древних обществах к карликам относились особо, их всегда выделяли, карликов-рабов могли подносить в дар правителю. Исключением не стала и древнеегипетская цивилизация: известны карлики-сановники (самый знаменитый – придворный Сенеб, занимавший должность наставника царских сыновей и начальника карликов, ответственных за царское облачение), карлики-ювелиры, карлики-слуги, особым шиком у высшей знати считалось иметь карлика-дворецкого. Синдром карликовости (дварфизма) редок (в настоящее время от 1 до 4 человек на 10 тысяч, а в древности во много раз меньше), поэтому в обществах на таких людей всегда обращали внимание. А это значит, что найти погребение карлика в древнем некрополе – научная сенсация, а обнаружить пару расположенных рядом погребений – событие вообще из разряда фантастики. До этого момента в Египте было известно не более пяти случаев такого рода, относимых к интервалу III–I тыс. до н.э. Так, Захи Хавасс нашёл два потревоженных погребения карликов на Западном плато, после чего заявил, что только здесь и хоронили карликов в эпоху Древнего царства. Наша находка перечеркнула эту гипотезу.

У наших карликов из шахт GE 52 и GE 60 было много общего: погребения на одном уровне, мужской пол, возраст смерти в интервале от 40 до 49 лет, признаки значительных физических нагрузок на верхние конечности и плечевой пояс, а, следовательно, схожий род занятий (например, ювелирное ремесло). Вот только нет главного общего признака – родственных связей! «Как это определили антропологи?», – спросит уважаемый читатель. Оказывается, карликовость карликовости рознь. Существует множество разновидностей этого синдрома, связанного с мутацией генов, которая передаётся по наследству. И у наших карликов антропологами были выявлены разные варианты дварфизма, которые не могут быть у состоящих в родстве индивидов. Но вот намерение похоронить двух уникальных людей рядом просматривается совершенно определённо. Не случайно ли это было сделано в небольшом локальном кладбище, устроенном у гробницы, где на входе изображён третий карлик, ведущий быка? Об этом нам ещё предстоит думать.

МУЖЧИНА С ГАРПУНОМ И ЖЕНЩИНА С ЦВЕТКОМ

К северо-западу от шахт с карликами были раскопаны две других шахты, видимо, принадлежавшие одному семейному комплексу и потому получившие номера GE 59A-1 и GE 59A-2. В южной шахте GE 59A-1 погребальная камера была заложена кладкой из необработанных известняковых блоков, а внутри находилось погребение мужчины, умершего в интервале от 20 до 30 лет. Голова покоилась на необработанном камне-подголовнике, как и в погребениях карликов. Казалось, что погребального инвентаря у покойного нет, но когда стали расчищать кости левой руки, под ними оказался 9-сантиметровый продолговатый медный предмет с четырьмя остриями и двумя шипами по бокам – т.е. наконечник гарпуна, использовавшийся для рыбной ловли. Похожие орудия мы можем видеть на стенах древнеегипетских гробниц V и VI династий, показывающих

вельможу плывущим на тростниковой лодке сквозь заросли нильского мелководья. В руке у него гарпун, на который уже наколота пара окуней. Что это – любимое орудие, положенное рядом с умершим, или знак его профессии? А может, вообще абстрактное напоминание о том, что в Загробном мире он возродится к вечной жизни и будет наслаждаться рыбной ловлей и плаванием по реке?

Медный предмет присутствовал и в соседней шахте – северной (GE 59A-2), в которой оказалось на этот раз погребение женщины, перешагнувшей 50-летний рубеж, по логике, родственницы мужчины с гарпуном. Стена, блокирующая вход в погребальную камеру, была частично вскрыта древними грабителями, которые немного сдвинули тело и положили камень-подголовник на кости таза, придавив скелет. Зачем? Боялись, что покойная встанет и начёт мстить? А вот медный предмет, лежавший напротив лица умершей, воры не забрали. Это была небольшая подвеска диаметром 2,5 см, напоминающая то ли цветок с пятью лепестками, то ли черепашку. Медь настолько изъедена коррозией, что теперь понять трудно. Но мы знаем, что в древнеегипетских украшениях подвески делались и в виде черепашек, и в виде цветочных розеток, и не только из металлов, но и из фаянса и камней типа аметиста и сердолика.

Надо сказать, что следов повторного грабительского проникновения в погребение GE 59A-2 нет – это видно по отсутствию в заполнении шахты материала позже VI династии. А это значит, что и дама с цветком была ограблена вскоре после похорон. Похоже, не было порядка в стране в конце VI династии, не было...

ГЛАВА 7. ВСТРЕТИМСЯ НА РАССВЕТЕ У ПИРАМИД

ЕГИПЕТСКИЕ ЗЕМЛЕКОПЫ И ИХ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Землекоп – вторая профессия многих крестьян, живущих вблизи некрополей. Так исторически сложилось, что в качестве землекопов на археологических участках в нашей необъятной стране работают студенты или школьники. В Египте же и других восточных странах в качестве землекопов используют местных жителей, чаще всего крестьян (*феллахов*) из окрестных деревень. Это также является одним из условий египетской Службы древностей, дающей разрешение на проведение раскопок.

На нашем раскопе на восточной оконечности Восточного плато некрополя Гизы, где расположена череда гробниц, вырубленных в скальном массиве, условия работы далеко непростые: глубокие шахты, мрак, поднимающаяся почти невесомая пыль, маска на лице – те немногие трудности, с которыми приходится мириться ежедневно. Поэтому важна правильная, чёткая организация работ.

Группа египетских рабочих, как правило, работает под руководством одного *раиса* (бригадира или десятника) – также египтянина из той же деревни, но обладающего опытом и что, наверное, самое важное, пользующегося непререкаемым авторитетом у своих односельчан.

Многие жители таких деревень, как Саккара и Абусир, расположенных в 15 километрах к югу от Каира, приобщились к археологии уже давно, работая на раскопках с крупнейшими археологами XIX и XX веков – с Огюстом Мариеттом, Людвигом Борхардтом, Джеймсом Квибелом, Сесилом Фёрсом, Жаном-Филиппом Лауэром и многими другими. Ещё живы жители этих деревень, которые гордятся тем, что их отцы, будучи детьми, работали на раскопках под руководством британского египтолога Уолтера Брайана Эмери, начавшего раскопки в северной Саккаре в 1935 году²². Египетский археолог Мохаммед Закария Гонейм в своей книге «Потерянная пирамида» описывает, какими навыками должны обладать рабочие на раскопках, где, кроме опыта, они также должны отличаться безупречной честностью. «Любопытно, что за подобную работу обычно берутся целыми семьями – отцы, сыновья, дядья, племянники, двоюродные братья, и все они – умелые землекопы, помощники археолога... Несмотря на то, что эти люди работают за деньги по найму, их никак нельзя отнести к простым наёмным землекопам. Работа вызывает у них неподдельный интерес, и они с законной гордостью говорят об открытиях, сделанных ими под руководством знаменитых археологов...» – пишет Гонейм²³. Другой египетский археолог – Селим Хассан, описывая методику своей работы и указывая на первоочередную важность выбора, не просто опытного раиса, а которого, помимо всего, уважают и слушаются рабочие, отмечал, как важно правильно распределить рабочих на участке. Одни великолепно управляют с вагонеткой, другие любят махать киркой, а третьи способны аккуратно расчищать участок от *дебриза* (наносов песка и верхнего балластного слоя), не повредив при этом находящуюся по близости древнюю отштукатуренную поверхность.

Нам многократно приходилось менять раиса, чаще всего, по причине его неумения организовать рабочих. Так мы пришли к решению позвать к себе раиса из прославленной семьи Керети в деревне Абусир, чьи представители уже не одно поколение руководят землекопами на раскопках близ древнего города Мемфис. Керети приехал, мы обсудили с ним нашу задачу, цену, и работа пошла.

Керети ходил в непроницаемых чёрных очках, чётко и метко отдавая своим рабочим указания, где копать, так что начинало казаться, будто он видит землю насквозь, – так быстро появлялись один за другим объекты из-под песка. Его рабочие бегали. Корзина с

²² Подробнее о раскопках У.Б. Эмери см. его книгу, переведённую на русский язык: Эмери У.Б. *Архаический Египет*. СПб., 2001.

²³ Гонейм З. *Потерянная пирамида*. М., 1959. С. 34.

песком, не успев быть высыпанной в отвал, сразу же летела обратно. Когда рабочий на отвале прибежал за ней, она уже вновь была наполнена песком, и он бежал с ней снова. За первый рабочий день было сделано то, что мы не могли добиться от наших предыдущих рабочих за неделю. Но на следующий день Керети удвоил цену. Мы отказались от его услуг. Не по нашему это – сегодня одна цена, завтра другая. Да и по-восточному долго, шумно и утомительно торговаться мы не приучены, хотя отчётливо понимали, что его услуги хоть и дороги, но эффективны. Неделю спустя мы оказались в Абусире, и рядом с нами, на скорости, пронеслась красная спортивная машина, и за рулём был Керети. В итоге мы нашли другого раиса – Абдель-Наби, также из Абусира, с которым мы плодотворно проработали много лет. Как-то, посещая Абусир, мы встретили его. Абдель-Наби неспешно ехал на ослике по деревне, исполненный чувства собственного достоинства.

Деревенские жители заняты на полях практически круглый год, поскольку в Египте поливное земледелие. Каждый день похож на следующий, и так всю жизнь, отсюда неторопливость в работе – равномерное распределение усилий на протяжении всей жизни. Зачем что-то делать сегодня, если это можно сделать завтра? Классическая ситуация, когда один работает, а десять остальных делают вид, что ему помогают, но чаще всего, просто уговаривают его отдохнуть. Но если им поставить задачу, на решение которой обычно уходит день или два, и сказать, что после её выполнения они могут идти домой, то они её сделают, под песни и пляски, за полдня. Однажды руководитель нашей экспедиции спросила раиса: «Почему этот человек, сидящий под тентом, не работает?» Ответ был прост: «Он курит *шишу* (кальян)!» И действительно, один из рабочих весь день сидел под тентом и готовил чай для рабочих, не выпуская при этом изо рта трубку кальяна.

Основные инструменты современных землекопов – *фес* и *мактаф*. *Фес* – похожий на нашу тяпку для окучивания грядок, используется на раскопках вместо привычной нам лопаты, которая неэффективна в песчано-каменистом египетском грунте. *Мактаф* – корзина для ношения песка, которую ставят у ног, и фесом, по направлению к себе, загребают в неё грунт.

Поражает та видимая лёгкость, с которой местные рабочие управляются с массивными каменными блоками на раскопе, как в считанные минуты с многометровой глубины погребальных шахт поднимаются наверх массивные известняковые плиты, при этом используются не какие-то современные механизмы, а всего лишь верёвки да деревянные брусья, и слышны резкие командные возгласы. Увидев такое, легко представляешь себе древних египтян, также использовавших простейшие приспособления для переноски и поднятия каменных блоков при строительстве пирамид и храмов.

Нам так и не удалось приучить наших рабочих к важности контекста. Увидев находку в раскопе, выдёргивают её, как морковку с грядки, и бегут показывать нам со счастливыми, как у детей, лицами. В итоге рабочих всё время приходится контролировать, иначе у них проявляется неудержимое желание закопаться глубже или скорее дойти до входа в погребальную камеру, невзирая на непонятную им стратиграфию. У нас даже появилась шутка про одного из наших рабочих: «американцы используют бульдозер у себя на раскопе, но нам он не нужен, поскольку у нас есть Ахмед».

Многие деревенские жители в поисках дополнительного дохода, идут пограбить в некрополь. Рассказы об удачных находках туманят разум деревенских жителей подчас настолько, что они занимаются копательством даже в дневное время. Сложно сказать, насколько успешны такие подкопы, но плотно усеянные ямами окрестности деревень Абусир, Саккара и Дахшур выглядят жутко. Мы уже говорили, что и соседствующие с нами жители деревни Назлет эль-Самман грешат подобными делами.

Войтех Замаровский в своей книге «Их величества пирамиды» описывает, как были поражены первые исследователи пирамид тем, с какой меткостью древние рабочие рыли свои грабительские лазы в пирамидах, точно попадая в погребальную камеру, пройдя десятки метров в массиве пирамиды. «Когда в 1889 году Флиндерс Питри, пытаясь добраться до усыпальницы гробницы Аменемхета IV в Мазгуне, по примеру

древнеегипетских грабителей с помощью арабских рабочих начал копать туннель и после многих недель изнурительного труда он достиг цели, то обнаружил, что его опять опередили «эти чертовы парни, умевшие ограбить любую гробницу»²⁴, – пишет В. Замаровский. Скорее всего, первыми грабителями были сами строители гробниц и жрецы, которые знали местонахождение погребальной камеры и только дожидались подходящего момента, чтобы её вскрыть. Нередко, видя, как при желании, наши рабочие могут быстро и слаженно работать, мы понимали, что они в совершенстве владеют навыками древних грабителей. Бригада из нескольких человек может за одну ночь вымахать песок из погребальной шахты глубиной пару десятков метров, прорубить многометровый тоннель в скале, ведущий в погребальную камеру в некрополе, опустошить её содержимое и раствориться в утренних сумерках.

ВСЕ ВОПРОСЫ – К СТРАТИГРАФИИ

Как можно предположить по заполнению шахты, скрывает ли она ограбленную погребальную камеру или невскрытую? В этом нам помогает изучение стратиграфии во время раскопок шахты, т.е. изучение слоев, её заполняющих. Как это выглядит в Гизе? Сверху обычно идёт поздний слой конца XIX – первой половины XX века. Кому-то, возможно, это и покажется скучной «позднатиной», однако настоящие археологи фиксируют любой материал. Тем более что в этом верхнем слое (часто называемым балластом), мощностью обычно всего 20–40 см, попадаются порой любопытные вещицы: например, крохотный коробок от шведских спичек, сделанный из шпона, бусины, катушки от английских ниток, трамвайные билеты (да-да, когда-то к пирамидам ходил трамвай, и на нём ездили, кстати, Билибин и Шаляпин), а ещё фарфоровая подставка для яйца и кофейные чашки с маркировкой старейшего отеля у пирамид – Мена Хаус. Именно в этом отеле три джентльмена – Джордж Рейснер, Людвиг Борхардт и Эрнесто Скиапарелли, пользуясь цилиндром последнего с перемешанными в нём бумажками, разделили наиболее лакомые участки Гизы на концессии – американскую, немецкую и итальянскую. Восточное плато тогда досталось американцам. Они раскопали многое, но не всё, а скальный обрыв, где сегодня копаем мы, и вовсе не тронули, только отфотографировали. Кто бывал в Гизе в наши дни, наверное, с трудом представляет, как это можно приехать к пирамидам, разбить шатёр и позавтракать. А ведь именно так начиналось утро для многих европейских путешественников, решивших посетить пирамиды ещё в начале прошлого века. С такого завтрака к нам, вероятно, и закатилась эта подставка и чашки.

Кроме этого, у нас были и пули, и бутылки из-под виски, и иудейские медальоны, и японские ордена за боевые заслуги! Почти от каждого туриста или учёного, рабочего или погонщика верблюдов в Гизе что-то остаётся в песке. Запонка, пуговица, банка из-под колы. Что-то скатывалось и продолжает скатываться вниз – к русским. Мы не удивимся, если среди фрагментов античной керамики, которые порой попадают на раскопе, могли быть черепки от амфоры, из которой наливали Геродоту. И всё это верхний слой. Затем идёт более древнее заполнение шахты. Если шахту много раз раскапывали в различные эпохи, то она содержит перемешанный материал от эпохи строительства пирамид до нашего времени, а само заполнение в таком случае – это, обычно, тёмно-коричневая супесь с большим количеством органики. Такие шахты оставляют мало шансов найти нетронутое или мало потревоженное погребение.

Если же за верхним слоем идёт слой известнякового щебня и крошки, иногда с обломками сырцовых кирпичей, среди черепков глиняных сосудов попадают только фрагменты эпохи Древнего царства, а в заполнении нет человеческих костей, то жди интересного материала! Щебень и известняковая крошка – это отходы от строительства

²⁴ Замаровский В. *Их величества пирамиды*. М., 1986. С. 331.

шахты. Когда египтяне V–VI династий приносили своих покойных к пирамидам, их ждала недавно вырубленная шахта, рядом с которой, скорее всего, возвышалась белая куча известнякового щебня, выломанного во время подготовки погребения. После захоронения весь этот материал сбрасывался обратно, чтобы запечатать могилу. В общем, когда начинается белёсый слой из крошки и щебня, у всей экспедиции поднимается настроение.

АДСКИЙ ТРУД АРХЕОЛОГА

Среди шахт, раскопанных в сезоне 2014 года, есть шахта под номером GE 52 (мы про неё уже рассказывали, когда говорили о карликах). Она неглубокая, заполнена перемешанным материалом. Керамика в шахте в основном Древнего царства, но есть единичные фрагменты и поздней керамики I тыс. до н.э. (от Третьего Переходного периода до Римского времени). По заполнению стало ясно, что шахту со времён Древнего царства раскапывали хоть и не часто, но уж однажды точно. Поздний материал в заполнении всегда говорит о том, что надо готовиться к спасательным работам – собирать крупницы информации о человеке, чей покой был потревожен сотни или даже тысячи лет назад. Это не менее интересно и не менее важно, чем раскопки нетронутых погребений, хотя бы потому, что это последняя возможность вернуть такого человека в людскую память и вновь рассказать историю его жизни.

Погребальная камера в шахте GE 52 сохранилась прекрасно, а вот заклада не было: камера оказалась открыта, и в неё ссыпалось заполнение из шахты. Серая супесь, множество битой керамики, щебень, известняковая крошка... Что ждать в этом случае? И вдруг появились фрагменты дерева. Сначала мелкие, затем целые доски. А вскоре показались

Далеко внизу, в узком пространстве шахты, кипит работа – археолог расчищает и зарисовывает сложенную из камня стену, закрывающую вход в погребальную камеру

кости ноги, коленка. Уже по месту ноги в погребальной камере стало ясно, что скелет здесь не только есть, но и что он будет лежать в анатомически правильном порядке и в полускорченной позе. И точно! Скелет был завален камнями из рухнувшего заклада, но эти камни не сильно повредили кости, а это, между прочим, говорит о том, что первое ограбление произошло вскоре после похорон, когда кости были ещё достаточно крепкими, чтобы выдержать вес упавших камней. Увы, шахта GE 52 находится в середине склона, начинающегося от скальной гробницы Ченти I, и туда должно было попадать много воды во время

дождей (а в Египте дожди не такая уж большая редкость, ни сейчас, ни, тем более, в древности, когда климат был влажнее²⁵). Всё это отразилось на сохранности скелета – она отвратительна. Поспособствовало этому и констатированное антропологами заболевание индивида – остеопороз.

Многие археологи жалуются на плохую сохранность костяков, которые им приходится чистить: «У меня, мол, рисунок получился такой странный, и костей половины нет, потому что скелет плохо сохранился...» Но, серьезно, если есть ад для «расчищальщика

²⁵ Подробнее на эту тему см.: Прусаков Д.Б. *Природа и человек в древнем Египте*. М., 1999.

погребений», то один из его филиалов находится в шахте GE 52. И дерево, и кости разлетаются не то что от кисточки или воздуха из резиновой груши... От взгляда сурового они рассыпаются... А если не дай бог чихнешь – поднявшаяся туча пыли рассеет скелет, как мираж...

ТАКАЯ ВАЖНАЯ КЕРАМИКА

Когда люди впервые приезжают работать на раскопки, то очень часто они ожидают, что всего пара взмахов лопатой – и вот уже под ногами блестит меч Нибелунгов, маска Тутанхамона, или уж, на крайний случай, килик, покрытый затейливой росписью. Но проходит день за днём, а ничего из этого нет, только растёт отвал, да кучки черепков от разбитых керамических сосудов. И что это? Разве с этим можно как-то работать?

Ещё как можно и нужно! В реальности, керамика – именно так называют археологи сосуды из обожжённой глины, и целые, и разбитые – это настоящий «Клондайк» информации. Например, керамика позволяет судить об уровне технического развития археологической культуры: наличие посуды, сделанной на гончарном круге, свидетельствует об изобретении колеса и выделении гончарного дела в отдельный вид ремесла, т.е. фактически, о наличии производственной специализации. Когда керамику находят в могилах (т.е. как составляющую погребального инвентаря), то по её количеству и качеству можно судить о социальном статусе похороненного. Орнамент, сложность и разнообразие форм сосудов говорят об уровне развития художественного вкуса в обществе, ну а наличие привозных изделий – о торговых связях.

Кому-то работа керамиста покажется скучной, но если любить свой материал, то он ответит тебе взаимностью и станет настоящим «Клондайком» информации

Незаменима керамика как датирующий материал для археологических памятников, что особенно важно для тех комплексов, где отсутствуют другие возможности для определения времени их создания и функционирования (например, памятники письменности или монеты). Почему так? Дело в том, что форма сосудов постепенно меняется, и заметные изменения происходят через 50–100 лет. Казалось бы, это слишком широкий период для датировки в современном понимании, но учёные рады и такому инструменту для определения времени древних культур, ведь и анализы, полученные с использованием достижений точных наук, например, радиоуглеродный (С 14) или термолюминесцентный методы датирования, также дают погрешность, и она тем больше, чем древнее предмет.

Отдельный раздел археологии занимается изучением керамики и называется он керамология. Керамисты отбирают сосуды, похожие между собой, рассматривают изменения формы, происходившие с течением времени, выделяя типы, характерные для того или иного периода, анализируют составы гончарных глин, которые характерны для своего географического региона, выстраивая, тем самым, ареалы распространения керамических типов и констатируя общность или различие археологических культур, наличие между ними торговых связей. Они рассматривают особенности изготовления и обжига сосудов, нередко на деле проверяя, верны ли их догадки, ставя эксперименты, пытаясь слепить горшок и обжечь по тем технологиям, что использовались в древности.

Но керамику на раскопках стали брать и изучать далеко не сразу. Сперва многое выбрасывалось, а оставлялись лишь наиболее ценные артефакты – рельефы с надписями, статуи, украшения. Заслуга в том, что керамика стала рассматриваться как носитель древней информации, принадлежит английскому археологу конца XIX – первой половины XX века Флиндерсу Питри, за что его стали называть «Отцом горшков».

В настоящее время керамика, обнаруживаемая в ходе полевых исследований в Египте, используется для получения информации не меньше, чем в России. Многие погребения и в скальных гробницах, и в малых некрополях, найденные нами, датированы именно по керамическому материалу. Мы знаем, из чего ели и пили древние египтяне, а, следовательно, что было основной пищей: на археологических памятниках Египта III тыс. до н.э. больше всего находят пивных кувшинов и форм для выпечки хлебов-конусов, а это значит, что основой рациона питания были пиво и хлеб. Важно, что это подтверждается и другими источниками, например, изображениями в древнеегипетских гробницах, где часто можно видеть сцены пивоварения и хлебопечения с использованием сосудов, которые обнаруживают при раскопках.

Много информации даёт керамика по торговым связям. Так в гробнице Хафраанха, в его шахте была обнаружена разбитая амфора рубежа XXVI и XXV веков до н.э. с меткой гончара на плече, привезённая с вином из Леванта (видимо, из Библа). Такие же амфоры найдены в некоторых других гробницах Гизы, Саккары и Абусира, а это значит, что у египетской знати пользовалось популярностью финикийское вино. Эта любовь не прошла и спустя две тысячи лет – финикийские амфоры-«торпедо», изменившие свой облик, находят во многих местах Египта, исключением не стала и наша зона раскопок, предоставившая не только несколько фрагментов от таких предметов, но и имитацию, сделанную непосредственно в Египте. С какой целью изготавливались подобные сосуды? Египтянам понравилась иноземная форма, или предприимчивые торговцы выдавали в таких амфорах местное вино за импорт? Сейчас уже трудно сказать. Одно понятно, что египтяне в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. всюду делали подобные «имитации» хиосских, клазоменских, милетских и кипрских амфор.

Амфоры – это тара для перевозки и хранения различных продуктов – вина, оливкового масла, даже засоленной рыбы и рыбного соуса «гарум», но в Египет привозилась также и столовая посуда – в Поздний период и эллинистическое время (664–30 гг. до н.э.) краснолаковая и чернолаковая керамика из Аттики; в Римское время (30 г. до н.э. – 395 г. н.э.) – мегарские чаши, арретинская керамика-*сигиллата*, сосуды с декором «барботин», названным по имени кондитера Людовика XIV из-за характерных налёпов, по виду напоминающих украшения из крема на тортах и пирожных; в Византийское время (395–641 гг. до н.э.) – кипрская, тунисская и фокейская *сигиллата*. И всё это найдено на участке Российской экспедиции в Гизе, показывая, что на протяжении III тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Египет имел торговые связи с Восточным Средиземноморьем, Северной Африкой, Малой Азией, Балканами и Апенниннами.

Но эти связи не были односторонними. Продолговатые амфоры, изготовлявшиеся в Среднем Египте в IV–VIII веках н.э., отличительной чертой которых был тёмно-коричневый цвет глины со значительной примесью слюды, найдены не только по всему Египту, включая Гизу, но и, например, в Мероэ, Карфагене, Риме, Афинах, Константинополе, Истрии, на Кипре, и даже в Британии, Испании и Йемене. А краснолаковая столовая посуда и египетские изделия с декором «барботин», производимые в I–II веках н.э. в гончарных мастерских Асуана, распространялись как в северном направлении, достигая Александрии, так и в южном, где они найдены в городах и некрополях независимого от Египта Мероитского царства, включая его столицу – город Мероэ.

ЭПИГРАФИСТ: КАК ПРОЧИТАТЬ ИЕРОГЛИФЫ И НЕ УМЕРЕТЬ?

Все вы, наверное, слышали о легендарном «проклятии фараонов», которое настигает на крыльях смерти каждого, кто потревожит покой великих правителей древности... Всё это, конечно, сказки, хотя археология вообще, а в Египте особенно, – это весьма рискованное занятие. Древние погребальные камеры действительно порой содержат опасные грибки, размножающиеся на мумиях, погребальных дарах и в помёте летучих мышей; ветхие каменные конструкции и помещения, вырубленные в скале, часто неустойчивы и грозят обрушением; за их пределами археолога поджидают открытые многометровые шахты, оползни песчаного отвала, скатывающиеся из-под копыт лошадей и ослов камни, падающие сверху оброненные рабочими кирки, лопаты и *фесы*. У нас тоже были и содранные локти, и зажатые камнями руки, и синяки от камней, но тут уж ничего не поделаешь – работа такая. Но один человек на раскопе вынужден ежедневно сталкиваться не только с грибками и незакрытыми шахтами, но и с древними иероглифами, читая то, что уже тысячи лет никем не произносилось. Речь идет об эпиграфисте – человеке, который занимается изучением надписей на твердых материалах.

Работа у эпиграфиста непыльная в прямом смысле этого слова. Дело в том, что копирование надписей возможно только в спокойных условиях, когда вокруг не снуют рабочие и не сыпется песок: копируют в Египте обычно на ацетатную пленку, которая легко покрывается пылью и теряет прозрачность. Чтобы этого не допустить, эпиграфист вынужден работать в одиночку: либо подальше от рабочих, либо после их ухода.

Копирование рельефов и надписей – это технически сложный, но, одновременно, и весьма творческий процесс. Кто-то может спросить: а зачем делать прорисовки, если можно всё сфотографировать? Сфотографировать действительно не только можно, но и нужно каждый рельеф и надпись, найденные в гробнице. Однако фотография – это всегда интерпретация. При одном свете иероглиф имеет одну форму, а чуть поверните лампу – и вот перед глазами уже совершенно иная форма. Конечно, можно поставить фотоаппарат на штатив и, если позволяет пространство и расстояние до объекта съемки, что, кстати, не всегда случается, сделать множество фотографий с разным освещением. Однако проблема в том, что в бумажную публикацию получится пустить лишь одну, ну, две фотографии одной сцены или надписи, которые наверняка не дадут идеального понимания формы всех знаков или деталей изображений. А ведь это очень важно, так как особенности написания отдельных иероглифов позволяют исследователям зачастую датировать памятник. Пусть порой не очень точно, но датировать. То же самое относится и к деталям изображений: форма лодки, ножек стула, на котором сидит хозяин гробницы, его украшения, атрибуты или даже парик могут порой позволить отнести изображение не только к какой-то династии, но даже иногда к периоду правления вполне конкретного царя. Ведь мода на те же парики – она и в древности была модой, капризной и изменчивой, но которой представители знати старались следовать. Вместе с архитектурными особенностями гробницы и керамическим материалом эпиграфические (особенности написания отдельных знаков, слов и фраз) и иконографические (особенности изображения отдельных фигур и сцен) критерии служат важнейшим подспорьем в деле датирования того или иного памятника.

Кстати, не удивляйтесь, что рельефы и надписи в Египте обычно копирует один специалист. Это в нашей культуре, где основанная на алфавите письменность безнадежно оторвалась от наглядности, текст и изображение обычно воспринимаются как нечто не просто отдельное, а зачастую противоположное друг другу. Кто сегодня вспомнит, что буква А – альфа, алеф – это перевернутая голова быка? У нас есть художники, а есть каллиграфы, причем последних всё меньше. А египтяне жили в культуре, которую пронизывала иероглифика. Причём, если начать сравнивать египетскую иероглифику, скажем, с письменностью Древнего Китая, Шумера, индской цивилизации или майя, она окажется самой натуралистичной из них. Большое изображение хозяина гробницы, бога или царя, небесной коровы или маленького кузнечика – это всё тоже иероглифы. Нередко они точно

повторяют форму стандартных иероглифических знаков, что и не удивительно, ведь они починяются одним законам *написания*. А раз египтяне не разделяли текст и изображения, то у них не должно было быть и слова «художник». Так оно и было! И для скульпторов, и для живописцев, и для тех, кто создавал тексты, у египтян был один термин – *сеи* – «писец». Все они были писцами, все они – кто тростинкой, кто кисточкой, кто резцом – писали реальность. И это важно помнить любому человеку, работающему с египетскими памятниками. А ещё важно помнить другое. В пору повальной грамотности (или полуграмотности) мы привыкли относиться к тексту легко: записки, короткие сообщения в телефоне, напоминания на полях – всё это мы без сожаления в любой момент можем удалить или выкинуть. Очень редко сталкиваясь с настоящими эпиграфическими памятниками, мы отвыкли думать как авторы эпиграфических памятников. А это непросто – составить текст для мемориальной доски или какой-нибудь закладной плиты в фундамент нового здания. Здесь каждое слово, каждая буква должны быть продуманы, ведь этот текст создается надолго, а может, и для вечности. Египтяне думали именно так. На вырезание простого гробничного текста, какой-нибудь стандартной жертвенной формулы, уходило недели. В эпоху господства каменных орудий оформление гробницы требовало колоссальных трудозатрат. Поэтому тут почти ничего не было просто так, каждый иероглиф и его место в тексте были продуманы, каждая линия имела значение.

Как сохранить этот колоссальный объем информации? И что же делать, если форма так важна, а фотография – далеко не идеальный способ фиксации для рельефов и надписей? На помощь приходит прорисовка. Прорисовка – тоже интерпретация. Это схема, которая передает то, как эпиграфист видит надпись или изображение. Делая копию, специалист каждую минуту должен принимать сложные решения. Как повести линию, чтобы в двухмерном рисунке передать трёхмерный объем? Как не погрешить против истины и сохранить на кальке суть иероглифа, подчеркнув главное и опустив второстепенное? Как рассмотреть невидимое и найти границы знака, когда он почти уничтожен временем? И задачи эти всегда разные! Идеальных прорисовок не бывает уже хотя бы потому, что египетский мастер работал резцом, создававшим сложную трёхмерную линию, а эпиграфист работает карандашом.

Вот задача: четыре с половиной тысячи лет назад безымянный египетский скульптор изобразил мышцы на ногах и руках хозяина гробницы. Линии их плавные, очень живые. Как передать их в карандаше? Можно взяться за штриховку, можно взяться за акварель – и так порой делали – но всегда стоит задавать себе вопрос: а оправдано ли это? Сколько бесценного времени от короткого сезона уйдет на упражнения в акварельных набросках? А сколько уйдет на моделировку формы с помощью штриховки? Самое главное для эпиграфиста, как и для мастера археологического рисунка, – это передать максимальный объем информации о памятнике. Но это не значит, что гробницу следует превратить в художественную мастерскую и дни напролет писать иероглифическую надпись маслом, стараясь добиться эффекта присутствия. Хороший эпиграфист должен четко знать цену своему времени и точно представлять, какую информацию для будущих поколений сохранит фотография, какую информацию сохранит 3D-модель, а какую информацию должен донести он – специалист, который читает иероглифы и изображения – до людей, которые тоже будут их читать. Это всегда непросто.

Если рельеф сохранился хорошо, можно попробовать скопировать его по ортогональной фотографии (фотографии, сделанной под прямым углом к поверхности рельефа) или 3D-модели. Теоретически это должно занять меньше времени, но издержки часто не оправдывают себя. Копирование по фотографиям требует очень качественной техники, сложного дополнительного оборудования и нескольких человек, которые будут независимо сверять сделанные художником копии. Если речь идет о крупных храмах, такие издержки могут быть оправданы. В наших гробницах в Гизе рельефы и надписи редко хорошей сохранности, по площади они небольшие, а пространства для камеры внутри часовен очень мало. Поэтому мы обычно копируем вручную, и работа в этом случае

распадается на несколько этапов. Сначала надо прийти и познакомиться с изображением или надписью. Подумать, как лучше копировать, как поставить свет, как расположиться самому, какую кальку взять. Если сохранность хорошая и все основные линии достаточно чёткие, то лучше взять большие листы кальки, которые легко сканировать. Если сохранность не очень, то тогда к стене лучше крепить листы поменьше, так как их наверняка придется постоянно приподнимать в надежде увидеть чуть больше, чем это возможно через матовую поверхность пластика. Наконец, если сохранность очень плохая или рельеф раскрашен, то придется взять абсолютно прозрачный пластик или полиэтилен. Писать на такой поверхности получится только перманентным маркером, а сохранившиеся цвета копировать с помощью акрила, поэтому рука должна быть очень твердой. Цена ошибки при работе с пластиком неизмеримо больше, чем при копировании с помощью карандаша, который легко подправить ластиком. Твердость руки можно обеспечить только удобным положением. Если работать придется, скорчившись в три погибели, лучше делать выбор с пользой обычной кальки.

Когда материал подобран, делается набросок сцены или транскрипция надписи – это нужно для поиска аналогий и для формулирования вопросов на будущее. Понятна ли вся композиция? Понятны ли все фигуры? Понятны ли все слова? Понятны ли все знаки? Какие восстановления можно предложить, если в тексте или рельефе есть утраты?

Следующая пара дней в идеале должна пройти в библиотеке. В Каире есть замечательная библиотека Французского института восточной археологии (IFAO), где начальник экспедиции и эпиграфист порой засиживаются до ночи. Впрочем, теперь у каждого есть и неплохая электронная библиотека, которая позволяет быстро искать аналогии, не выезжая из Гизы.

Из письма в Москву:

«Весь выходной свой день проработал в библиотеке, но это тоже было увлекательно – много любопытного пробежал глазами, пока фотографировал новые статьи и книги. Потихоньку собираются аналогии, ведь надпись, в общем-то, стандартная, но вот «Праздник Хуфу», встречающийся в нижней строке жертвенной формулы – это диковина. Пока не могу найти других его упоминаний. Наверное, какой-то местный праздник гизехского некрополя был...»

Когда ночью остаёшься один в библиотеке и берёшь с огромного скрипучего стеллажа книгу, кажется, что песок с раскопов наших богатырей прошлого – Питри, Рейснера, Лауэра – сыпется прямо со страниц на пол. Сколько щебня было передвинуто, прежде чем были написаны эти книги и подготовлены иллюстрации к ним! Тонны песка грозят обрушиться с полок!.. Но ничего, мы ещё найдём этот праздник!

А за гигантским старым книжным шкафом засел котёнок и не вылезал, и всё кричал жалобно и настойчиво. И мы с французской археологиней и библиотекаршей-копткой устроили операцию по его спасению. Сначала долго котёнка искали (он всё время затихал, как только входили в его зал), потом пытались выманить его молоком, а затем услышали, как на первом этаже его зовет мать. Впустили черную каирскую кошку в библиотеку, и она вывела из-за шкафа такого же чёрного котёнка!»

19.11.2010

Сначала копируются те части надписей и изображений, которые понятны и хорошо видны. Это помогает лучше изучить памятник и сформулировать новые вопросы. Обычно к этому моменту у исследователя уже есть идеи о том, как следует восстанавливать лакуны и где искать стёртые временем иероглифы. Дальше начинается охота...

Поймать иероглиф или деталь изображения не так-то просто. Даже если знаешь, где они были и как выглядели. Время и люди могут нещадно уничтожить любые следы. Впрочем, порой их всё же можно найти. Например, резец, когда идёт по известняку, немного уплотняет камень под своей рабочей поверхностью. Даже спустя тысячелетия этот уплотнённый блестящий след можно порой разглядеть в свете фонаря. Или ещё одна

хитрость: даже если выпуклого знака не осталось, пока он существовал, по его границам должны были образовываться микротрещины. Иногда такие трещинки тоже можно увидеть. Если они складываются в знакомую форму какого-то знака, то можно считать, что вы победили – вы увидели невидимое! И никакая фотография не в состоянии этого передать! А вот росписи. Краска часто бесследно облетает, но если краситель был достаточно жидкий, то он должен был скапливаться по краям закрашенной области: поскольку воды здесь было больше, и высыхала она медленнее, краска по краям лучше впитывалась в грунт, что порой позволяло ей неплохо сохраняться в виде едва различимых линий толщиной с волос. Важно только увидеть эти контуры, и тогда древняя роспись вновь оживет!

В последние годы мы начали сочетать прорисовку и фотографии с фотограмметрией, которая позволяет из множества снимков строить 3D-модели рельефов и надписей. Точность таких моделей может быть очень высокой и зависит лишь от правильности выбранной методики и качества снимков. В богатых иностранных экспедициях эпиграфисты всё чаще пробуют использовать лазерные сканеры, точность которых также напрямую зависит от условий работы и правильности выбранной методики. Конечно, 3D-модели не смогут заменить ни прорисовок, ни качественных фотографий, просто потому, что у всех у них разные задачи. Но сканирование эпиграфических памятников должно стать привычным способом фиксации уже в ближайшие годы. В конце концов, очень редко, когда копию удастся сделать за один сезон. Всё равно в Москве появятся новые вопросы, проверить которые можно только вернувшись в Гизу... или по 3D-модели.

А потом начинается процесс перевода текстов и интерпретации изображений. Как правило, этим занимается всё тот же эпиграфист, ведь кому как не ему лучше всего знаком скопированный памятник? В итоге получается, что без знания иероглифики и большого количества сцен из аналогичных гробниц подступиться к копированию всерьёз очень сложно. Памятник хорошей сохранности теоретически может перерисовать и художник, но самое интересное – охота за иероглифами – это вотчина египтологов. И они это, в общем-то, заслужили многими часами в библиотеках и верностью своей мечте о том, чтобы читать голоса прошлого.

АРХИТЕКТОР НА РАСКОПЕ

Так сложилось, что среди крупнейших египтологов современности немало архитекторов по образованию. Француз Жан-Филипп Лауэр (1902–2001) приехал в Египет молодым человеком и остался там. 75 лет своей жизни он посвятил изучению и реконструкции пирамидного комплекса Джосера, и его работы показали, что древнейшая египетская пирамида имела шесть стадий строительства, а на первых этапах была традиционной для того времени формы в виде *мастабы*, но на четвертой фазе мастаба стала превращаться в ступенчатую пирамиду²⁶. Этот факт – один из наиважнейших в египтологии, проливает свет на зарождение пирамидальной формы царских усыпальниц. Другой архитектор Удран Лабрусс руководил французской археологической миссией в Саккаре на протяжении 20 лет (1988–2007). Когда просматриваешь его книги по пирамидному комплексу Пепи I, то понимаешь, что только архитектор мог разобраться во всей этой головоломке бесчисленного нагромождения форм, технологий и стадий строительства и не просто разобраться, но и наглядно подать это в публикации. Когда начались работы в комплексе Пепи I, приблизительно в 1969 году, погребальная камера представляла собой место, где как будто произошёл взрыв. Тысячи известняковых фрагментов с иероглифическими надписями – т.н. «Текстами пирамид» – загромождали погребальную камеру. Многотонные блоки, некогда перекрывавшие камеру, лежали сверху. Понадобились

²⁶ На русский язык переведена его книга: Лауэр Ж.-Ф. *Загадки египетских пирамид*. М., 1966.

годы, чтобы сперва их разобрать, а затем наново собрать этот гигантский древний пазл и установить обратно на стены.

При раскопках древних сооружений архитектура является первоосновой памятника, а уже потом на стенах гробницы или храма древними мастерами создавались изображения и надписи, устраивались погребения с инвентарём или без него. Соответственно, научной фиксации нужно подвергать все эти компоненты, не упуская ни одного из них. Любые находки, привязанные к архитектурным комплексам и археологическому контексту, в которых они были найдены, могут рассказать значительно больше, чем отдельно взятый артефакт, неизвестно где и при каких обстоятельствах найденный, которому только и остаётся роль молчаливого музейного экспоната.

На эту тему был случай. В свой первый полевой сезон архитектор российской экспедиции в Гизе изучал устройство дверей в древнеегипетских сооружениях. Расчищая вход в часовню одной из бесчисленных гизехских гробниц, под камнем-подпятником для двери он нашёл чудесную маленькую вотивную тарелочку и принёс экспедиционной керамистке, предвкушая её восторг. Первое, что спросила керамистка:

– Фотографию *in situ* (т.е. на месте обнаружения) сделал?

– Нет, а зачем? Я хотел посмотреть, и тебе показать, – ответил архитектор.

– Посмотрел, а теперь можешь выкинуть!

– Как же так? – смутился архитектор. – Ведь такая чудесная тарелочка!

Архитектор тогда на всю жизнь запомнил важность контекста. Нет контекста – грош цена находке. Но контекст важен не только для предметов погребального или культового инвентаря, но и для архитектуры. Сама форма архитектурного сооружения, например, поминальной часовни, может быть продиктована особенностями расположения гробницы по-соседству с другими гробницами. Например, вытянутая форма скальной гробницы Хуфухотепа, с длинным коридором, обусловлена тем, что она буквально «зажата» между двумя другими более ранними гробницами, и, не прорубив коридор, древние мастера попросту не смогли бы устроить данное погребальное сооружение. Внимательное изучение особенностей расположения и планировки соседствующих скальных гробниц может помочь разобраться в этапах их строительства. Например, расширение одной из комнат гробницы Персенеба привело к утоньшению стены и даже образованию отверстий в скале в соседнюю гробницу, после чего работы были остановлены, что даёт нам информацию о стадиях и очередности строительства каждой гробницы.

Фиксирование стратиграфии при расчистке древних архитектурных сооружений может немало рассказать про историю конкретной гробницы, и даже некрополя в целом. Например, при раскопках крупнейшей гробницы KV 5 в Долине царей американский египтолог Кент Викс изучал древнюю фауну и флору по костям животных и листьям, обнаруженным в древних помещениях: «Микроскопические фрагменты семян, зёрен, пыльцы и других частиц флоры могут рассказать о том, каким мог быть климат тысячи лет назад. Небольшие фрагменты костей животных, оставшиеся от жертвенных подношений в гробницу – мусор, на который ни один уважающий себя археолог прошлого даже не взглянул бы – может рассказать о том, что человек употреблял в пищу... Сравнение стратиграфии гробницы KV 5 с другими гробницами Долины царей позволяет реконструировать трёхтысячелетнюю историю климата и наводнений²⁷». И если сейчас в ряде случаев стратиграфический материал может мало что рассказать археологу, то в будущем данная информация сможет поведать специалистам больше. Для этого Кент Викс оставил нетронутыми некоторые участки грунта, заполнявшего гробницу, чтобы следующее поколение специалистов самостоятельно проанализировало содержимое многовековых наносов в гробнице. К сожалению, понимание важности стратиграфии среди специалистов в Египте встречается не всегда, например, в той же книге Кент Викс приводит фразу одного из

²⁷ Weeks K.R. *The Lost Tomb: The Greatest Discovery at the Valley of the Kings since Tutankhamen*. London, 1998. P. 104.

посетителей гробницы KV 5 во время археологических работ: «Зачем вы впустую тратите время и деньги, фиксируя мусор, когда вас будет ждать банкет, если вы найдёте надписи и предметы?»²⁸.

Архитектору на раскопе часто приходится сочетать роль геодезиста, художника и фотографа. Тахеометрическая съёмка сменяется архитектурно-археологическими обмерами и подробной документальной фотосъёмкой. Получается цельный комплекс работ по фиксации памятника. Тахеометрическая съёмка позволяет посадить архитектурные комплексы на генеральный план, определить пространственные координаты характерных точек, по которым изготавливаются масштабные ортогональные чертежи планов, фасадов, разрезов и деталей архитектурных объектов. На самом же деле основными инструментами архитектора на раскопе являются вовсе не тахеометр, теодолит, нивелир или лазерный дальномер, а как у древних египтян – отвес, угольник и уровень. Ничего с древних времен не поменялось, отвес всегда точен и удобен в использовании, небольшой уровень незаменим для обмеров в тесном крошечном пространстве погребальных шахт, куда теодолит на треноге не поставишь. Для «посадки» погребальной камеры на план с помощью двух отвесов на дно шахты проецируются (переносятся) две точки, к ним и привязывается планировка погребальной камеры.

Сам процесс архитектурно-археологических обмеров нередко позволяет обнаружить детали, на которые при обычном просмотре не обращаешь внимания. К примеру, в процессе обмеров западной стены гробничной часовни GE 48 обнаружился каким-то чудом сохранившийся крошечный фрагмент от полностью отсутствующей северной стены, некогда снесённой при расширении часовни, что помогло восстановить её первоначальные размеры. Или другой пример. В процессе создания чертежей шахтных погребений, в углах шахт были замечены небольшие каменные выступы, с виду выглядящие как строительные недорубки от небрежно проведённой работы, но последующее пристальное изучение и систематизация таких угловых выступов позволила доказать, что они относятся к строительным меткам, сознательно оставленным древними мастерами для фиксации объёмов выполненных работ на разных этапах строительства. Такие строительные метки помогли нам разобраться в последовательности строительства целого ряда погребальных сооружений, в предварительном планировании строительных работ и немного узнать о строительных нормах в Египте в III тыс. до н.э.

В процессе обмеров архитектор постоянно решает, какую информацию фиксировать, а какую пропустить, поскольку графический учёт всех нюансов (сколов, трещин, неровностей) сделает чертёж трудночитаемым. Информация, которая не идёт на чертёж, записывается в полевой дневник или, при необходимости, фотографируется. Также неправильно начинать обмеры, не понимая того, что рисуешь. Например, для того чтобы копировать рельефы, необходимо знать древнеегипетский язык, поскольку, не понимая того, что копируешь, хорошо скопировать нереально. Это касается не только эпиграфики или архитектуры, но и керамики, антропологии и вообще всего. Вот мы и пришли к тому, что современной египтологии необходимы гибридные специалисты. Есть и другая причина, по которой египтологам приходится осваивать сразу несколько специальностей. Не каждой экспедиции под силу содержать своего геодезиста или профессионального фотографа в течение нескольких месяцев полевого сезона, кроме того, далеко не каждый день нужны его услуги, и в какой день они понадобятся, сказать трудно. Так и получилось, что многие археологи, например, владеют основными навыками геодезиста, фотографа, художника, и даже... альпиниста.

Вот так и архитектору иногда приходится становиться реставратором. После завершения раскопок и полной фиксации памятников на участке наших работ в Гизе, в отношении ряда наиболее интересных гробниц – Ченти I, Ченти II и Персенеба – было принято решение об установке металлических дверей для предотвращения свободного

²⁸ Weeks K.R. *The Lost Tomb: The Greatest Discovery at the Valley of the Kings since Tutankhamen*. P. 103.

доступа внутрь помещений. Немалую роль в этом сыграла и египетская революция 2011 года, после которой, как мы уже писали, участились случаи проникновения грабителей в древние сооружения. Так как у скальной гробницы Ченти I восточная стена была почти полностью разрушена в результате землетрясений, это потребовало ещё и проведения работ по восстановлению стены. Похожая ситуация была и с гробницей Персенеба, у которой, кроме восточной стены, была сильно повреждена кровля, частично обрушавшаяся ещё в древности. Задача по сооружению перекрытия усложнялась тем, что не только опираться, но даже касаться существующего скального потолка было нежелательно, поскольку скала в этом месте изобиловала трещинами и больше напоминала рыхлые мартовские сугробы. Лучшим вариантом мог бы стать железобетонный потолок, который не только бы поддерживал потрескавшиеся остатки потолка, но и опирался бы только на те участки стен, которые не вызывали сомнений в своей прочности. Но египетская Служба древностей наотрез отказала в использовании железобетона. Тут и понадобился опыт архитектора. В итоге был сделан проект по перекрытию кровли из металлических профилей с последующим покрытием металлическими листами.

КОГДА АРХИТЕКТУРА ГОВОРИТ...

В Древнем Египте, начиная с V династии (XXV–XXIII века до н.э.), высокие должности стали занимать люди, не связанные кровным родством с царём, что повлекло за собой строительство гробниц (как наземных *мастаб*, так и скальных гробниц), не принадлежавших членам царской фамилии. Появление новых титулов и должностей среди чиновников привело к созданию гробниц разного размера и качества и, как следствие, к разнообразию в архитектуре погребальных сооружений. И такое разнообразие крайне усложнило установление времени создания подобных гробниц и выявление архитектурных критериев, которые могли быть характерны для отдельного исторического периода. Почти всем скальным гробницам Древнего царства присуща уникальность. Владельцы гробниц осознанно добавляли им индивидуальные черты, несмотря на то, что в каждое время существовал определённый набор архитектурных приемов.

Основными инструментами для датировки гробниц являются особенности настенных изображений в них (иконографический критерий), специфика написания иероглифических текстов (эпиграфический критерий и палеография), а также данные вещественных источников (различных предметов, украшений, орудий труда и, конечно же, керамики), выявленных в ходе археологических раскопок в гробничных часовнях, шахтах и погребальных камерах. Но, учитывая тот факт, что большинство гробниц, особенно в столичной области (т.е. в зоне некрополей Мемфиса – от Абу-Роаша на севере до Мейдума на юге), были ограблены ещё в древности, и многие – неоднократно, а целый ряд гробниц не имеет надписей и изображений, то едва ли не единственным критерием датирования остаётся архитектурная форма гробниц. В этом случае метод статистического анализа данных помогает найти устойчивые архитектурные признаки, выявить тенденции эволюционного изменения архитектуры, свойственные конкретному историческому периоду. Например, работы Селима Хассана и Найджела Страдвика по анализу «ложных дверей», являющихся ключевым местом в поминальных часовнях древнеегипетских гробниц, выявили признаки, по которым можно датировать погребальное сооружение²⁹. Так и исследования Питером Яноши т.н. «*Cemetery en Échelon*», расположенного к западу от пирамиды Хуфу, позволили по ориентации, взаимному расположению и размеру *мастаб*, форме и устройству

²⁹ Hassan S. *Excavations at Giza 1933–1934*. Vol. V. Cairo, 1944. P. 80–180. Strudwick N. *The Administration of Egypt in the Old Kingdom. The Highest Titles and their Holders*. London, 1985.

их подземных шахт разобраться в стадиях строительства и датировке³⁰. А американский египтолог Энн Мэйси Рос наглядно доказала на примере изучаемого ею «некрополя придворных слуг» (к западу от пирамиды Хуфу), что площади гробниц, размеры погребальных шахт и комнат-*сердабов*, где помещалась статуя умершего, а также тип конструкции сооружений имеют прямую корреляцию по времени³¹.

Как мы видим, в руках специалиста архитектурные детали сооружений могут стать надежным датирующим инструментом, а подчас и единственным. Между тем, в египтологии всё ещё остаются нерешёнными такие глобальные вопросы, как, например, причины возникновения пирамидальной формы царских усыпальниц, хотя для ответа на этот вопрос уже сделано немало. Так, изучение раннединастических мастаб в северной Саккаре британским археологом Уолтером Брайаном Эмери дало ключ к пониманию истоков появления царской гробницы в форме пирамиды, эволюционировавшей из ступенчатых мастаб времени I династии. Первоначально одна мастаба (S 3038) имела ступенчатую форму, и её можно рассматривать как прообраз будущей ступенчатой пирамиды Джосера. В свою очередь, изучение пирамидного комплекса Джосера в Саккаре Жаном-Филиппом Лауэром также дало понимание причин появления царской усыпальницы в форме пирамиды и наглядно показало поступательное развитие царских погребальных сооружений. Выше мы уже говорили, что первая пирамида в Египте – ступенчатая пирамида царя III династии Джосера, имела шесть стадий строительства, и только на финальной стадии она приобрела пирамидальную форму.

Архитектура является чётким свидетелем как расцвета, так и упадка государственности. Пик каменного строительства в Египте, пришедшийся на правление IV династии, совпадает с экономическим подъёмом в стране и укреплением царской власти. Некоторый упадок в пирамидном строительстве, начавшийся во времена V и VI династий, сопровождался заметным снижением качества строительства пирамид и смещением акцентов на царские поминальные храмы, роль которых в пирамидном комплексе возросла, что привело к увеличению их площадей и пышности.

Ослабление вертикали власти, постепенный распад государства к концу Древнего царства совпал с изменениями климата в северо-восточной Африке. Сильная и продолжительная засуха III тыс. до н.э., приведшая к экстремально низким разливам Нила, подорвала и до того некрепкую экономику Древнего царства. В Египте прекратили идти дожди, упал уровень грунтовых вод, дикие животные ушли из долины Нила и её окрестностей³². «Какие дожди в Египте?» – спросит уважаемый читатель. В действительности же, как доказывают сейчас палеоклиматические исследования, Египет эпохи III тыс. до н.э. выглядел не так, как сейчас. Его пирамиды и храмы, ныне вписанные в привычный нам рельеф безлюдной пустыни, располагались посреди саванны с травой и деревьями, а за пределами долины можно было встретить газелей, львов и других африканских животных. О том, что климат был влажнее, и осадки не были редкостью, красноречиво свидетельствует храмовая архитектура: фрагменты медных водосточных труб были найдены в поминальном храме царя Сахура в Абусире³³.

Во второй половине Древнего царства в египетской архитектуре заметно стремление уменьшить затраты на строительство. При возведении царских пирамидных комплексов, помимо значительного уменьшения габаритов сооружений и размера каменных блоков, всё чаще активно используется сырцовый кирпич. Эта тенденция продолжилась и в эпоху

³⁰ Jánosi P. Old Kingdom tombs and dating – problems and priorities. The Cemetery en *Échelon* at Giza // Bárta M. (ed.) *The Old Kingdom Art and Archaeology. Proceedings of the Conference held in Prague, May 31 – June 4, 2004*. Prague, 2006. P. 175–183.

³¹ Roth A.M. *Giza Mastabas*. Vol. 6. *A Cemetery of Palace Attendants*. Boston, 1995. P. 23–59.

³² Прусаков Д.Б. *Природа и человек в древнем Египте*. М., 1999. С. 193.

³³ Прусаков Д.Б. *Природа и человек в древнем Египте*. М., 1999. С. 105. Об устройстве крыш древнеегипетских храмов и их защите от дождей см.: Кларк С., Энгельбах Р. *Строительство и архитектура в Древнем Египте*. М., 2009. С. 196–205.

Среднего царства, когда царские пирамиды стали возводиться из плохо обработанных небольших каменных блоков, песка, щебня и сырцового кирпича, а снаружи покрываться каменной облицовкой так, что разница с пирамидами IV–V династии вряд ли была заметна. Однако, после того как в Средневековье качественная каменная облицовка с этих построек была содрана, обнажившаяся сердцевина пирамид стала разрушаться. В итоге от большинства сооружений конца Древнего и Среднего царств остались лишь выветренные развалины.

С какими только ухищрениями древних строителей для удешевления строительства погребения мы не сталкивались на нашем археологическом участке в некрополе Гизы. Вместо полноценных погребальных камер появляются камеры-ниши, куда буквально «втиснуты» тела умерших. Встречаются шахты, сужающиеся книзу. Возникают многокамерные погребения, когда в одной шахте на разных уровнях могут размещаться два и даже три места для погребения³⁴ (как, например, в гробнице Перинеджу). Часто можно видеть формальное соблюдение размеров: например, у погребальной камеры только одна сторона совпадает с изначально требуемым размером, а остальные меньше. Многие из этих случаев, как бы странно это не звучало, могут служить, хоть и не всегда надежным, но подчас единственным датирующим признаком, относящим сооружения к позднему Древнему царству.

СПОРТИВНЫЕ ШТАНЫ И ЧЁРНЫЙ СМОКИНГ

В 1984 американским археологом Марком Ленером был начат проект по комплексному изучению некрополя Гизы – Giza Plateau Mapping Project. Задачи проекта включали в себя составление точного плана некрополя, изучение геологии, реконструкцию этапов строительства некрополя, хода и методики возведения пирамид. Для удобства нанесения на план бесчисленного количества памятников была проведена кропотливая работа по установке более двух десятков реперных точек по всему некрополю и принята локальная система координат, в которой точкой отсчёта стала вершина пирамиды Хуфу, получившая условные координаты «Север 100.000 метров» и «Восток 500.000 метров». Точность построения сети реперных точек была таковой, что, если одно из трёх повторных измерений из одной точки отличалось от предыдущих, то вычисления проводились заново.

Таким образом, первое, с чего каждый сезон начинаются геодезические работы на участке Российской археологической экспедиции в Гизе – это привязка теодолита к локальной системе координат с помощью ближайших реперных точек. Но за год после предыдущего полевого сезона, после *хамсинов* – весенних песчаных бурь, свинцовые реперы, врезанные в скалах Гизы или блоках крупных мастаб на Восточном плато, засыпает так основательно, что их предстоит ещё долго откапывать.

Впервые годы работы Российской экспедиции в Гизе, когда её костяк только формировался, ей помогали иностранные специалисты из других миссий, уже обладавших богатейшим опытом работы в этой стране. До появления у экспедиции своего архитектора, все геодезические работы, связанные с архитектурными обмерами и «посадкой» найденных сооружений на план, выполнял Йозеф Дорнер – египтолог и геодезист из Австрийского археологического института в Каире, уже на тот момент имевший более чем двадцатилетний опыт работы в Египте.

На раскоп Йозеф приходил в рваной футболке и в вытянутых спортивных штанах, свободно общался на арабском языке с нашими рабочими, курил с ними кальян, сидя прямо на земле во время обеденных перерывов, и работал послевоенным швейцарским теодолитом фирмы «Вильд» с 400 градами вместо привычных для нас 360 градусов. На вопрос «зачем

³⁴ Подробнее об этом см.: Малых С.Е. Шахты с несколькими погребальными камерами: проблема функционирования Гизехского некрополя в эпоху Древнего царства // *Вестник древней истории*. 2014. №4. С. 3–19.

400 вместо 360?» ответ был один – качество, хотя как сотрудник Австрийского института, наверное, он мог себе позволить любой современный прибор. Спустя годы, наш экспедиционный архитектор проверил выполненные им измерения сперва старым добрым советским теодолитом 2Т2, отъюстированным в МИИГАиКе, а затем современным тахеометром. Измерения были безупречны! На расстоянии более ста метров полученные отметки разошлись с высотными значениями Дорнера всего на несколько миллиметров, причём, в данной ситуации, мы точно знали, чьим измерениям следует доверять больше.

В 2000 году в Российском культурном центре на улице Тахрир, в центре Каира, открылась выставка, посвящённая нашей экспедиции в Гизе, на которую мы пригласили Йозефа. Каково же было наше восхищение, когда мы увидели его в безупречно сидящем шикарном чёрном смокинге, а он, входя, расплылся в харизматичной улыбке и непринужденно поздоровался по-английски.

ЭТНОГРАФИЯ НА СЛУЖБЕ У АРХЕОЛОГИИ

Иногда, чтобы понять, почему древний керамический сосуд или медное долото выглядят именно так, а не иначе, необходимо понаблюдать за процессом изготовления схожих предметов или их бытового применения. И вот тогда на службу археологии приходит этнография – наука о народах, их образе жизни, материальной и духовной культуре.

Например, некоторое время мы не могли понять, почему у крупных керамических форм – чанов Позднего периода и продолговатых египетских амфор Византийского времени – на тулове имеются отпечатки верёвки. На орнамент не очень похоже, тогда зачем это делалось? Но, оказавшись однажды в гончарной мастерской в Ком Аушуме (в северо-восточной части Фаюма), ответ был найден! Оказывается, и сейчас современные гончары при изготовлении крупных форм накладывают 4–5 витков верёвки вокруг тулова, которая удерживает свежесформованный ещё пластичный сосуд от проседания и деформации. Затем, когда он высохнет в тени и будет готов к обжигу в печи, верёвку с него снимут.

Другой вопрос возник, когда мы обратили внимание на ровные донца шарообразных кувшинов и круглодонных чаш Древнего царства. Вроде бы видно, что они вылеплены вручную, без применения гончарного круга, но откуда такая симметричность? Приехав однажды на западную окраину Фаюмского оазиса, в деревушку Назла, жители которой занимаются гончарством, мы увидели, что мастер сидит перед округлой 40-сантиметровой ямой. Улыбнувшись, он невозмутимо засыпал в яму зерновой жмых и с размаха кинул туда кусок размячённой глины. Затем, взяв в руку предмет, отдаленно напоминающий толстую толкушку, гончар стал ударами распределять глину по стенкам ямы; в результате получилась симметричная круглодонная чаша, похожая

Гончар из египетской деревушки Назла делает шарообразный сосуд

на древние образцы. Оставалось лишь срезать край венчика, что он и сделал. Но это был ещё не весь «фокус». Взяв сгусток глины побольше, мастер сперва проделал с ним то же, что и в первый раз – сделал сферическую чашу, но более толстостенную. Затем в его руках возникла деревянная лопаточка, немного загнутая на конце, и ею гончар стал ударять по внешним краям «чаши-полуфабриката», при этом внутрь подставив свою руку. В результате двухминутной манипуляции чаша-сфера превратилась в шарообразный кувшин, к которому ловко был приделан небольшой венчик и пара ручек. И никакого гончарного круга! Обе техники в англоязычной литературе по египетской керамологии называются «paddle-and-ground» (т.е. «лопатка и земля») и «paddle-and-anvil» («лопатка и наковальня»), и обычно в таких книгах приводится изображение на остраконе (обломке известняка) времени Нового царства из Берлинского музея³⁵, где показаны два нубийских ребёнка, проводящих схожие действия с большим округлым сосудом. Но одно дело смотреть на этот остракон после увиденного в гончарной мастерской, когда понимаешь, что действия переданы очень жизненно, и совсем другое дело пытаться представить по статичному изображению процесс изготовления сосуда.

³⁵ Arnold Do., Bourriau J. *An Introduction to Ancient Egyptian Pottery*. Mainz am Rhein, 1993. P. 17–21, fig. 15.

ГЛАВА 8. МЫ ВСЕ ОСТАВЛЯЕМ СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ...

Художники Шампольона в гробнице Ченти I

Пирамиды... Вот уже тысячи лет эти гиганты прошлого привлекают к своему подножию поколения романтиков и дельцов, путешественников и авантюристов, ученых и художников, писателей и поэтов. И все они, вся эта нескончаемая череда людей от Геродота до Наполеона, от воинов Александра до австралийских пехотинцев времен Первой Мировой, оставили на песке Гизы свои следы. И сегодня у подножия пирамид то и дело всё ещё попадаются ручки римских амфор, пуговицы от французских мундиров и осколки бокалов начала XX века. В археологической летописи ничто не проходит бесследно.

Сегодня Гиза полна туристами, а с востока и запада древний некрополь обступает гигантский город. Но вряд ли среди современных археологов, работающих у пирамид – японцев, американцев, немцев, русских – есть хоть один человек, который бы не задумывался хоть раз о том, какой была Гиза тогда, пару веков назад, когда песок ещё скрывал гигантские масштабы знати, а с ними и все невероятные тайны некрополя. Каково это было жечь ночной костёр на огромной дюне, прямо у лица Великого Сфинкса, и представлять какие чудеса скрывают эти пески, оберегаемые древними джинами? Удивительно, но в наших гробницах сохранились свидетельства, позволяющие прикоснуться к тем героическим временам, когда египтология только делала свои самые первые шаги.

Когда мы впервые оказались в только что открытой гробнице Ченти I, наше внимание сразу привлекли замечательной сохранности рельефы и тексты. А затем мы увидели несколько надписей европейских путешественников, выбитых поверх рельефов. Дело обычное! Сколько таких надписей было найдено в гробнице Хафраанха! Но что это? Среди поздних надписей виднелись два небольших граффити – два текста курсивными иероглифами, выписанными чёрной краской. Одно граффито было оставлено на левом плече фигуры Ченти I, а второе – чуть восточнее. По стилистике они весьма напоминали надписи египетских путешественников, посещавших более древние памятники. Например, тем, кто был в Саккаре, наверняка знакомы граффити писцов Нового царства из пирамидного комплекса царя III династии Нечерихета (Джосера). Очень любопытная находка! Но заниматься этими граффити было некогда, и мы их оставили до лучших времен, предварительно предохранив от разрушения специальным составом.

Прошло несколько лет, и эпиграфист вспомнил про таинственные тексты. Были сделаны новые фотографии. Затем выяснилось, что граффити привлекли внимание и американцев, которые в 1930-х годах также отсняли наиболее сохранившуюся надпись. Тексты короткие, знаки не идеальные, но довольно чёткие, видны два царских картуша... Осталось дело за малым – перевести написанное! И тут наш эпиграфист впал в ступор: надписи не поддавались прочтению. Вроде бы всё было ясно: вот здесь картуши с одним и тем же именем и титул «царь», вот здесь два частных имени... Но вместе их сложить не получалось. И использованные знаки позволяли предположить, что граффити довольно поздние, возможно, птолемеевского времени. Но что это за имена? Имя царя читалось как К-р-л-с. Керелес? Что это за Керелес такой? Карлсон, что ли? А что же частные имена? Одно сохранилось плохо, но второе – это же форменное безобразие! Н-с-т-р – Нестор? Русские нашли у пирамид Нестора... Перед глазами эпиграфиста тут же возник образ бородатого старца, заканчивающего «Повесть временных лет», и длинная очередь из сторонников альтернативной истории, спешащих пожать его мужественную руку и поблагодарить за великое открытие.

Но эпиграфист не унывал и погрузился в справочники. Прошерстил египетские титулатуры Птолемея и римских императоров, индексы частных имен – ничего. «Царь Карлсон и Нестор были здесь...» – вот единственный вольный перевод, который он мог предложить. И почему у правителя титул «царь», а не обычный «царь Верхнего и Нижнего

Египта)? Лишь два года спустя пришло счастливое озарение: если ничего кроме Нестора не получается, значит, это и есть Нестор. Нестор л'От – художник и археолог, один из первых египтологов, посетивший Гизу вместе со знаменитым Жаном-Франсуа Шампольоном! А Керелес – это на самом деле Карл Х. Вот и цифра 10 после картуша стоит!

Карл Х Бурбон правил Францией с 1824 года. Именно при нём в Египет была снаряжена первая со времен Наполеона научная экспедиция – франко-тоscanская миссия во главе с Жаном-Франсуа Шампольоном и Ипполито Роселлини. С французской и тоscanской сторон в группе было по семь участников – художники, натуралисты, археологи. Нестор л'От был одновременно и художником, и археологом. В сентябре 1828 года они прибыли в Каир, а в начале октября экспедиция оказалась в Гизе. В своём письме домой Нестор сообщал, что отряд европейцев разбил лагерь у восточного края плато, на котором возвышались пирамиды, т.е. прямо напротив нашей концессии. Скальные гробницы стали первыми памятникам Древнего царства, которые посетили Нестор и его товарищи. А поскольку в экспедиции было более 30 человек, и места в палатках для всех не хватило, в лагере осталось жить лишь руководство, а остальные участники поселились в пустующих гробницах. Вполне вероятно, что гробница Ченти I стала домом для Нестора л'Ота и одного из его товарищей, чье имя было также выписано в граффито на плече Ченти: [...]р-т-н. Некто [...]ртен. В списке участников экспедиции есть лишь одно подходящее имя – это художник Франсуа-Эдуард Бертен, коллега Нестора.

С тех пор наш эпитафист горит желанием отыскать в набросках и акварелях Нестора л'Ота или его товарищей изображения нашей части некрополя. Ведь это были бы одни из самых ранних изобразительных источников, позволяющие судить о состоянии памятников в те далекие времена, а, может, и о наличии неизвестных гробниц. Пока мечта остаётся мечтой, но из тысяч египетских рисунков Нестора и его товарищей многие до сих пор не опубликованы, а потому надежда живёт.

Видимо, Нестор и Франсуа-Эдуард работали и жили вместе, что не удивительно. Постоянно общаясь с великим Шампольоном, одержимым расшифровкой древних текстов, они изучили основы иероглифики и решили в шутку оставить две надписи курсивными иероглифами. Кто их выполнил? Судя по всему, тот, кто назван по имени, а не по фамилии, т.е. Нестор. И, в конце концов, именно он был египтологом. Надо признать, что многие специалисты грешат такими шалостями и поныне. Засыпая раскоп, мы тоже порой оставляем в бутылках записки будущим археологам на египетском языке: «О живущие! Сделали мы дело благородное. Не копайте больше, нет здесь вещей всяких прекрасных. Взяли их мы, люди страны Руси. Если ненавидите вы смерть, то скажите: “1000 хлебов, пива и быков для людей страны Руси!” И тогда одарит вас Сфинкс дыханием жизни. Привет!»

МАРИЕТТ В ГРОБНИЦЕ ПЕРСЕНЕБА

Следующим выдающимся египтологом, посетившим нашу часть некрополя, стал Карл Рихард Лепсиус, чьи художники, как вам уже известно, скопировали рельефы и надписи в большинстве декорированных гробниц, входящих в зону российской концессии. Прусская экспедиция достигла Гизы в ноябре 1842 года, и в течение следующих шести месяцев специалисты под руководством Лепсиуса буквально прочесали столичные некрополи Абу-Роаша, Гизы, Абусира, Завьет эль-Ариана, Саккары и Дахшура, делая топографическую съёмку, составляя планы, копируя рельефы и тексты. Это была невероятная работа, масштабы которой очень сложно сегодня представить. Были описаны гробницы Хафраанха, Ченти II, Хуфухотепа, Неферсефехптаха, Ипи, Персенеба и ещё девять гробниц в северной части концессии. Но удивительным образом художникам Лепсиуса, как впоследствии и Огюсту Мариетту, оказалась недоступна гробница Ченти I с рельефами и статуями, которую за 14 лет до этого посетили художники Шампольона. Возможно, в гробнице в это время жили местные арабы, и они по какой-то причине не пустили европейцев внутрь.

В 1845 году умирает Нестор л'От, и его бумаги попадают в руки двоюродного брата – молодого человека по имени Огюст Мариетт. Разбирая письма сподвижника Шампольона, он буквально заболевает Египтом: «Египетская утка, – скажет Мариетт впоследствии, – крайне опасное создание: один удар клювом, и она поражает вас ядом; и вот вы уже египтолог на всю жизнь». Молодой человек начинает с жаром изучать иероглифику, коптский, сирийский и арамейский языки. В 1849 году он получает место рядового служащего в Лувре, а в 1850 году впервые отправляется в Египет с заданием приобрести в коллекцию музея собрание ранних христианских рукописей. Впрочем, коптский патриарх отказался от сотрудничества с молодым французом, и задание было провалено. Чтобы не возвращаться в Париж с пустыми руками, Мариетт решился попытать счастья в поиске древностей и пустил имеющиеся у него средства на раскопки сначала в Саккаре, где он открыл древнее кладбище священных быков – Серапеум, а затем и в Гизе, где нанятые им рабочие расчищали Сфинкса и обнаружили долинный храм Хафра (Хефрена). Успехи учёного привели к его быстрому карьерному росту и решили проблему финансирования раскопок, а спустя несколько лет Мариетт стал фактически придворным археологом вице-короля Саида-паши. Были времена, когда французский ученый копал сразу десятки памятников от Гизы до Асуана, а на работах были заняты до 7 тысяч человек! При этом сам Мариетт обычно находился либо в Гизе, либо в Саккаре, перепоручая раскопки в других местах своим европейским коллегам или египетским *раисам*.

Как уже известно, в свой первый визит в Египет Мариетт последовал примеру своего двоюродного брата и облюбовал для жилья в Гизе одну из скальных гробниц – гробницу Персенеба. Она расположена всего в нескольких десятках метров от часовни Ченти I, где бывал Нестор л'От. Если сегодня забраться в гробницу Персенеба, то выбор Мариетта покажется самым логичным. Гробница хорошо защищена от ветра, при этом обвалившийся потолок северной комнаты создал что-то вроде внутреннего двора, пропускающего большое количество света и свежего воздуха. Напротив находилась безымянная гробница (которой мы впоследствии дали номер GE 23), где жили слуги Мариетта. Гробница обращена к деревне, через которую осуществлялось снабжение рабочих, занятых на раскопках. Одновременно часовня Персенеба находится всего в нескольких минутах ходьбы от Сфинкса, а поднявшись на плато над гробницей, можно было сразу окинуть взглядом весь раскоп.

В 2013 году, после обнаружения уникальной росписи в южной комнате гробницы Персенеба, наша экспедиция восстановила стены и потолок северной комнаты, а также заделала проход между часовней Персенеба и соседней гробницей GE 23. Это было непростое решение, ведь, защищая роспись, рельефы и статуи от непогоды и вандалов, а также восстанавливая первоначальный облик часовни, мы одновременно разрушали ту планировку, в которой жил и работал один из величайших учёных, стоявший у истоков египетской Службы древностей.

Гробница Персенеба – один из наиболее красивых и необычных памятников на территории нашей концессии. Увы, к моменту нашего появления в Гизе там не осталось следов от обитателей XIX века, если не считать нескольких граффити, толстого слоя копоти на потолке и стенах южной комнаты, да обломка керамической трубки-оттоманки. Однако дух той удивительной поры там сохранился, и, оказываясь у могилы Мариетта в саду Египетского музея, некоторые из нас непременно передают привет великому французскому от его дома у пирамид.

ПИТРИ: КАК ФОТО С СОБАКОЙ СТАЛО ЛЕГЕНДОЙ ЕГИПЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Огюст Мариетт был современником Генриха Шлимана, и методы его раскопок в целом не сильно отличались от тех, что использовал первооткрыватель древней Трои. Незадолго до своей смерти в 1881 году Мариетт хлопотал о том, чтобы главой службы

древностей стал француз Гастон Масперо. Этим назначением Мариетт пытался сохранить лидерство Франции в развитии египтологии. Однако большинство египтологов к этому моменту были уже сыновьями туманного Альбиона. В декабре 1880 года, когда почти слепой Мариетт доживал свои последние дни в Каире, на египетскую землю ступил молодой и амбициозный англичанин, которому было суждено стать истинным основателем египетской археологии как науки. Им был 26-летний Уильям Мэтью Флиндерс Питри.

Ещё будучи восьмилетним мальчиком, Флиндерс услышал однажды рассказ своего старшего товарища о раскопках римской виллы на острове Уайт. По его словам, уже тогда он был поражён тем, как древние вещи вытаскивались без фиксации контекста. В тот день он заявил, что землю надо убирать постепенно, слой за слоем, чтобы увидеть всё то, что в ней скрыто, и понять, как оно лежало. Позднее Питри любил шутить, что не придумал, в общем-то, ничего нового и всю жизнь лишь развивал идеи восьмилетнего ребенка. Что ж, это доказывает, что уже тогда он был настоящим археологом в душе.

Питри прибыл в Египет, твердо намереваясь точно измерить пирамиды Гизы и выяснить, наконец, как была построена главная из них – пирамида Хуфу (Хеопса). Питри резонно полагал, что его работа принесёт ему известность, ведь теорий о строительстве пирамид существовало к этому времени уже множество, но ни одна из них не была основана на точных измерениях и описаниях, которых просто не существовало. Оказавшись на плато Гизы, молодой человек уже имел богатый опыт расчётов в триангуляции (так, ещё в возрасте 19 лет он провёл самые точные на тот момент измерения знаменитого Стоунхенджа). Дело оставалось за малым – измерить самые большие памятники, когда-либо созданные человеком.

Для выполнения этой задачи Питри буквально поселился в Гизе, пробыв там с декабря 1880 по май 1881 года. Когда пришла жара, Питри покинул плато у пирамид, чтобы вернуться туда в октябре того же года. На этот раз он жил в Гизе с некоторыми перерывами вплоть до апреля 1882 года. Будучи стеснён в финансовом плане, молодой исследователь искал недорогое жильё прямо у пирамид и в результате не нашёл ничего лучшего, как по примеру Мариетта занять скальную гробницу сразу к югу от процессионной дороги Хуфу, а точнее – три скальных гробницы, соединённые проломами. Надо сказать, что жильё это уже прежде использовалось другим европейским исследователем – британским инженером Вайнманом Диксоном, который тоже проводил измерения Великой пирамиды. Питри укрепил разболтавшуюся деревянную дверь, оставшуюся от Диксона, наладил полки и повесил в гробнице гамак. Своё оборудование, гардероб и припасы Питри разложил по поздним нишам, которые в обилии присутствовали в гробнице. Молодой англичанин был крайне доволен своим новым домом: «Ни одно место не обладает столь постоянной температурой в жару и в холод, как комната, вырубленная в твёрдой скале. В холодную погоду в ней будто горит костёр, а в жару она дарит приятную прохладу»³⁶.

Каждый день Питри закрывал свою деревянную дверь и поднимался на плато, чтобы продолжить построение триангуляции и обмеры. Триангуляция хорошо знакома геодезистам и архитекторам. Это один из методов создания сети опорных точек в избранной системе координат, который заключается в построении рядов или сетей примыкающих друг к другу треугольников. В своей книге о Гизе Питри подробно описал свой быт:

«Обычно рабочий день проходил следующим образом: зажигание бензиновой горелки (чайник вскипал, пока я умывался); затем завтрак, который одновременно превращался в приёмное время – я сидел с открытой дверью в гробницу, а мужчины и дети, проходившие мимо, заглядывали внутрь; нередко кто-нибудь из знакомых задерживался, чтобы поболтать, и тогда я в спешке варил для него несколько дополнительных чашек кофе на небольшой плите за дверью... После этого, примерно в 9 часов, я отправлялся заниматься триангуляцией или делать измерения, а Али³⁷ нёс мой инструмент. Если я работал над

³⁶ Petrie W.M.F. *Pyramids and Temples of Gizeh*. London, 1883. P. 3.

³⁷ Али Габри был главным помощником Питри, который очень ценил Али за его осведомлённость во всём, что происходило в Гизе с 1837 года, когда он нанялся в качестве носильщика корзин на раскоп к Говарду Вайсу

триангуляцией, то в обязанности Али входило держать зонтик, чтобы теодолит оставался в тени в течение всего дня. Если я занимался измерениями, то помощь мне обычно была не нужна, я и работал один... В потёмках я собирал свой инвентарь и паковался; триангуляционные знаки я нередко собирал уже при свете луны или в полной темноте. После того, как всё было доставлено в гробницу и сложено там, я отпускал Али домой. Часов в 6 или 7 я зажигал горелку и усаживался пересчитывать полученные значения. Ужин начинался, когда закипал чайник, и растягивался на час или два, так как я одновременно и готовил и ел. Поджаренные галеты, консервированные супы, помидоры (в Египте они превосходные), тапиока и шоколад – вот яства, которые, как выяснилось, оказались наиболее практичными и питательными... Затем, после мытья посуды (ведь арабским представлениям о чистоте нельзя доверять), я вновь усаживался за пересчёт, ведение документации и т.д., пока не наступала полночь. Раб Али, негр по имени Мохамед, и его племянник, маленький Мохамед, приходили обычно около 9 и располагались в соседней гробнице, чтобы спать как охранники, надёжно закрытые изнутри. Располагая светом от свечей, они подбадривали себя непередаваемыми мотивами, которые игрались на тростниковых дудках; нередко к их дуэту присоединялся Абдалла, деревенских сторож, который привык приходить на музыкальные вечера до начала своих ночных обходов»³⁸.

Впрочем, порой непредвиденные обстоятельства вносили в этот распорядок свои коррективы. Например, в оба своих приезда в Гизу Питри сталкивался с сильными весенними ветрами – хамсином – которые несли тучи песка. Песок, по словам Питри, забивался во всё – в нос, в глаза, в рот, даже в часы. Работать в таких условиях, конечно, за пределами гробницы или пирамиды было невозможно. Если требовались раскопки, то Питри выходил из гробницы уже на рассвете и поднимался на плато, чтобы расставить рабочих и дать им задание на день, и лишь затем возвращался домой, чтобы позавтракать. Если же предстояло работать внутри пирамиды, то исследователь нередко дожидался вечера, когда Гизу покидали туристы, которых англичанин откровенно недолюбливал, а затем начинал работу, которая продолжалась до полуночи или даже до следующего утра. Нередко Питри шокировал приезжих европейских дам своим розовым трико: исследователь привык раздеваться до нижнего белья во время жары, а также в часы работы внутри пирамиды Хуфу.

Во времена Питри для проведения раскопок уже требовалось специальное разрешение от Службы древностей – правило, введённое Мариеттом и неукоснительно соблюдающееся по сей день. В 1880 году Питри закончил триангуляцию своих опорных точек, и в 1881 году его основной задачей стало привязать к ним древние конструктивные элементы пирамиды. Но многие важные точки, включая углы, находились под песком или щебнем, и раскопки становились жизненно необходимыми, чтобы закончить работу. Чтобы ускорить процесс и избежать лишних формальностей, глава службы Масперо любезно предложил Питри копать по своему личному фирману. Англичанин нанял 20 человек и работал с ними в Гизе около 6 недель. Это были его первые раскопки в Египте!

Вернувшись в Англию, Питри тут же опубликовал результаты своего исследования в книге «Пирамиды и храмы Гизы», вышедшей в свет в 1883 году. Как и ожидалось, работа имела ошеломляющий успех. Своё удивление Гизой и уважение к её памятникам Питри красноречиво выразил в самом начале публикации: «Несмотря на свои размеры – меньше мили в поперечнике – небольшой участок пустынного плато напротив деревушки Гиза вполне заслуженно может называться самым удивительным участком земли в мире. Здесь можно увидеть самое начало архитектуры, самые невероятные здания из когда-либо построенных, самые точные из всех известных конструкций, лучшую в мире кладку и применение самых изобретательных инструментов... Нам непросто будет найти более удивительное сочетание памятников, чем гигантские массы пирамид, красноватые стены и столбы гранитных храмов, огромная голова сфинкса, сотни гробниц и прерывистые линии

(того самого, что использовал взрывчатые вещества при исследовании пирамид и смог таким образом попасть в погребальную камеру в пирамиде Менкаура).

³⁸ Petrie W.M.F. *Pyramids and Temples of Gizeh*. London, 1883. P. 3–4.

процессионных дорог, вымостки и стены, которые покрывают это древнейшее место человеческих трудов»³⁹.

Работы Питри в Гизе задали новые стандарты качества для всех последующих измерений в египетской археологии. Они оказались настолько точны, что египтологи продолжают ими пользоваться по сей день. И наш архитектор, по сути, продолжает дело Питри.

А все египтологи прекрасно знают фотографию босоногого Питри, непринужденно расположившегося в компании собаки у входа в свою квартиру в скальной гробнице на восточной окраине Гизы. Этот снимок стал настоящей иконой египетской археологии, символом того, что невозможных задач не бывает.

Сегодня скальные гробницы, в которых жил Питри (их часто объединяют под именем «гробница Питри»), находятся на территории российской концессии. Они были известны К.Р. Лепсиусу и имеют свои номера – LG 65, LG 66 и LG 67. Первая гробница принадлежала некоему [...]ху. Хозяин второй часовни неизвестен: на входе сохранились лишь небольшие фрагменты его фигуры, а также фигура его жены. Хозяином третьей был врач по имени Уа. В 2015 году мы расчистили две основные гробницы, где жил сам Питри, и в ходе подготовки к раскопкам сделали их планы и 3D-модели. Все деревянные детали, конечно, исчезли – нет ни двери, ни полка, которые приладил молодой «отец горшков» (так впоследствии прозвали Питри за его любовь к керамике, важность которой для датирования археологических слоёв он осознал одним из первых). Но углубления под полки остались, остались и ниши, в которых английский исследователь хранил свои припасы и оборудование, и даже, видимо, места для крепления гамака.

Мы пока ничего не знаем о том, что происходило в гробнице после того, как Питри покинул её в 1882 году. Всё ещё висящая веревка и слой помета на полу указывают на то, что здесь какое-то время держали мелкий рогатый скот. На поверхности одной из шахт был найден высушенный ветром трупик щенка. Кто знает, быть может, это потомок той самой собаки, что сфотографировалась вместе с Питри? Этих животных и сегодня много в Гизе, в этом отношении с XIX века здесь ничего не поменялось. И любопытно, что когда мы в 2015 году переместились работать в северную часть концессии, где располагается «гробница Питри», к нам тут же приблудилась дружелюбная и очень ласковая собака по имени Буси. Она стала нашим другом и даже символом сезона. Совпадение было настолько удивительным, что, уезжая, мы не могли не сделать одного снимка – фотографии нашего архитектора вместе с Буси у входа в «гробницу Питри».

В ближайшие годы мы намерены исследовать скальные часовни, где жил знаменитый англичанин, чтобы как можно больше узнать о тех людях, которые были там похоронены, и о самом Питри, а может и об Али, который видел, как взрывают пирамиды, о его рабе Мохамеде и племяннике Мохамеде маленьком. Все они стали частью большой легенды о египетской археологии.

ВОДОНОС ИБРАГИМ И ДРУГИЕ

В ходе повествования мы уже несколько раз говорили о том, что скальные гробницы, высеченные в эпоху Древнего царства, поменяли своё назначение в I–II тыс. н.э. – они были заселены, вместо мест захоронения став жилищами. Практически во всех гробницах, независимо от того, имеются внутри рельефные изображения или нет, присутствует толстый слой копоти на потолке (как в гробницах Ченти I и Хафраанха), или ещё и на стенах (в гробницах Персенеба, Перинеджу, Ипи, Хуфухотепа, GE 17 и GE 49). Жителей несколько не смущало первоначальное назначение помещений, они вбивали в стены гвозди, закладывали

³⁹ Petrie W.M.F. *Pyramids and Temples of Gizeh*. London, 1883. P. 1.

входные проёмы или наоборот, делали отверстия, вставляя в них оконные рамы. Часть всего этого сохранилась и до нашего времени.

Некоторые гробничные шахты (особенно в гробнице GE 17) использовались как свалки бытовых отходов: они содержали огромное число костей животных и битую керамику Римского, Византийского и Арабского периодов, среди них некоторое число привозных сосудов. Жили здесь и позже: благодаря записям К.Р. Лепсиуса мы даже знаем имя одного из гробничных обитателей – «водоноса Ибрагима», занявшего гробницу Ипи; и надо сказать, мусульманское население достаточно терпимо относилось к рельефным изображениям – по крайней мере, в наших гробницах нет повреждений человеческих фигур, которые можно наблюдать на некоторых других древнеегипетских памятниках, например, в храме Рамсеса III в Мединет-Абу (западные Фивы). Хотя, справедливости ради, надо пояснить, что изображения царя и богов в храме в Мединет-Абу были испорчены христианами-коптами, которые приспособили языческий храм для своих молебнов.

Но наиболее «отличилась» в этом отношении гробница Ченти II, имевшая два скальных помещения и пять погребальных шахт. В ближнем ко входу помещении (размерами всего 4,5 x 1,6 м) в ходе расчистки был обнаружен большой очаг, сложенный из разноразмерных сырцовых кирпичей, по-видимому, взятых из древних сооружений (если бы кирпичи были сделаны специально для очага, они были бы одинаковыми). Очаг имел форму подковы (1,5 x 1,3 м) и сохранился на высоту трёх кирпичей. Внутри оказалось множество керамических черепков, главным образом от большой жаровни и винных амфор Римского времени. Жаровня по своему размеру вполне соответствовала поверхности печи, что даёт нам возможность предположить, что первоначально она располагалась сверху – тем самым получалась большая поверхность для приготовления пищи, под которой оставалось место для огня и дров. Следы копоти на жаровне тоже это подтверждают.

Вот так одно из помещений гробницы Ченти II было превращено в кухню, а его стены были покрыты грубой штукатуркой на основе ила и соломы. Этот слой полностью скрыл рельеф на западной стене, выполненный в виде ряда «ложных дверей». В другом помещении этой гробницы – западном – стены также были выровнены жителями, так что первоначальное оформление в виде «ложных дверей» с имитацией свёрнутой циновки над ними (т.н. «барабаном») не было заметно. Когда для съёмки архитектурного плана гробницы Ченти II в 2011 году понадобилось высвободить из-под поздней обмазки оригинальные рельефы, то рядом с таким вот «барабаном» «ложной двери» была сделана неожиданная находка.

ЯПОНСКИЙ ОРДЕН И ИУДЕЙСКИЙ МЕДАЛЬОН

Итак, в слое поздней штукатурки, покрывавшей рельеф северной стены западного помещения скальной гробницы Ченти II, оказалась замурованной серебряная подвеска с обрывком медной цепочки. На небольшом кругляшке диаметром 2,7 см, напоминавшем монетку, с одной стороны была надпись на иврите, а с другой – гексограмма. Видимо, такой медальон мог носить человек, исповедовавший иудаизм. Всё бы ничего, если бы не место находки – арабская страна Египет, имеющая крайне сложные отношения с Израилем, особенно из-за арабо-израильского конфликта, Шестидневной войны 1967 года и современных событий между Израилем и Палестиной.

Когда администрация археологического памятника Гиза узнала о находке, тут же на раскоп явилась делегация, возглавляемая директором Гизы. Подобного ажиотажа не было никогда: ни при обнаружении погребения ювелира с инвентарём, ни когда были найдены редкие сосуды-канопы в гробнице Хуфухотепа. А вот маленький иудейский медальон вызвал неожиданную реакцию.

Группа инспекторов и дирекции тщетно пыталась уместиться в двух небольших помещениях гробницы Ченти II, каждый считал своим долгом ткнуть пальцем или поскрести

ногтём место находки в стене, при этом высказывая свою версию того, как медальон мог попасть в древнеегипетскую гробницу. Поднялись неопишущие шум и гвалт, которые, наверное, древний памятник не переживал ни разу. Похоже, заподозрив во всём этом действия внешней разведки соседней страны, расстроенные египтяне удалились к себе в здание администрации, попутно предупредив, чтобы в конце археологического сезона иудейский медальон был сдан в специализированное хранилище Гизы.

Японский орден и иудейский медальон, найденные на восточной оконечности Гизехского некрополя в 2011 году

Надо сказать, что днём ранее на нашем раскопе, рядом с другой скальной гробницей Ченти I, была сделана не менее примечательная находка, которая, однако, не произвела на египтян впечатления. В погребальной камере шахты GE 27, полностью ограбленной и заполненной перемешанным разновременным слоем, лежал 4-сантиметровый металлический позеленевший предмет, отдалённо напоминающий многолучевую звезду. Ушко сверху свидетельствовало, что его подвешивали, как медальон или медаль.

После очистки предмет всё больше стал напоминать какой-то знак отличия или награду: по центру оказались видимы перекрещивающиеся щиты и мечи, а сверху находилось изображение птицы с распростёртыми крыльями. В довершение ко всему на некоторых лучах звезды сохранились остатки красной и желтовато-белой эмали.

Поиски в литературе и на электронных сайтах по фалеристике дали результат: предмет оказался знаком ордена «Золотого коршуна», учреждённого в Японии в 1890 году и упразднённого в 1947 году⁴⁰. «Кинси Кунсё» (Орден Золотого сокола или коршуна) являлся наиболее почётной военной наградой Японии, которой награждались офицеры и солдаты, проявившие уникальную храбрость и отвагу в бою. За всю историю его существования только один человек, не бывший японцем, получил этот орден. Им был американский генерал Дуглас МакАртур, 2 сентября 1945 года на борту линкора «Миссури» принявший капитуляцию Японии и в этом же году представленный к награде Орденом «Золотого коршуна».

Японский орден имел семь степеней, и у первых пяти был не только собственно орден, но и его знак, обычно носившийся на шейной ленте. И орден, и знак изготовлялись из позолоченного серебра, а эмалевое покрытие наносилось только на награды первых пяти степеней. На аверсе многолучевой звезды изображались два скрещенных самурайских щита, а поверх них – мечи в ножнах. На щитах также находились алебарды и конская сбруя, а на знамёнах – японские геральдические знаки «Мицутомоз».

Наш знак ордена, несмотря на то, что эмаль и позолота практически не сохранилась, можно отнести к IV или V степени, которыми награждались младшие и старшие офицеры японской армии. Вообще же за более чем полувековую историю существования Ордена

⁴⁰ Розанов О.Н. *Япония: История в наградах*. М., 2001. С. 94–97.

Золотого коршуна им были награждены 1 067 492 человека, но большинство – орденами VI и VII степеней. К сожалению, на реверсе нашей находки номеров не сохранилось, поэтому невозможно определить личность человека, кто получил эту награду, как невозможно понять, какими же путями этот орден из «страны восходящего солнца» оказался в «стране пирамид» – был ли он утерян владельцем, или уже коллекционером, теперь мы вряд ли узнаем...

РУССКИЕ ТУРИСТЫ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

За годы работ в Гизе мы привыкли видеть множество соотечественников, бродящих вокруг пирамид, сфинкса и древних гробниц. Обычно они стройными рядами выгружались из огромных разноцветных автобусов, буквально исходящих холодным воздухом работающих на полную мощность кондиционеров. Но довольно скоро африканская жара и жгучее солнце делали своё дело, потоки туристов теряли свою организованность, распадаясь на отдельные кучки, ведомые гидами и осаждаемые местными продавцами сувениров, погонщиками верблюдов, лошадей и ослов. Походили, посмотрели, прокатились на верблюде, сделали традиционную фотографию «я и пирамида», и сели обратно в автобус. Но не все русские туристы таковы.

Однажды спокойное течение обычного рабочего дня на раскопе было нарушено сперва вызовом в администрацию Гизы нашего инспектора от египетского Высшего совета по делам древностей, а затем и одного из сотрудников экспедиции. Все терялись в догадках, что случилось, и, тем более, зачем им понадобился русский археолог?

А дело было вот в чём. Пара благообразных русских мужчин была замечена археологической охраной Гизы за тем, как они накладывали некую ярко-розовую пластичную массу на гранитные блоки облицовки, лежащие у подножия пирамиды царя Хефрена. Подоспевшая туристическая полиция задержала странных личностей на месте их действий, и на подмогу вызвала администрацию Гизы, кавалькадой блестящих автомобилей прилетевшую к пирамиде. Тщетно египтяне пытались понять, что делали русские туристы, несмотря на то, что один из них достаточно бойко говорил на арабском языке. Для этого и вызвали одного из нас, чтобы служить банальным независимым переводчиком.

На вопрос, что же именно господа делали, они сообщили, что с помощью пластиковой массы пытались взять слепки поверхностей гранитных блоков, чтобы доказать, что те распилены с использованием развитых технологий, которыми не могли обладать древние люди, а, следовательно, что пирамиды построены представителями иных рас или даже внесемных цивилизаций. При этом любознательные граждане никак не хотели признать того факта, что своими действиями – а именно нанесением липкой массы кислотного цвета – они могли нанести вред древнему памятнику. И всё обиженно апеллировали к земляку-археологу, мол, объясните арабам, что мы лишь хотим получить в своё распоряжение факты, тщательно скрываемые и египтянами, и представителями академической науки. Но, как говорится, нашла коса на камень, т.к. именно к представителю той самой «академической науки, погрязшей в заблуждениях и штампах», они и обращались. На закономерный вопрос о том, на какую бы реакцию данные господа рассчитывали бы, если бы проделали это же со стеной Золотых Ворот во Владимире, туристы возмущённо замолчали.

Бесконечное разбирательство, сперва у подножия пирамиды Хефрена, а затем и в здании администрации Гизы, длилось полдня: писались объяснительные, тут же переводившиеся с русского на английский, а далее на арабский, просматривались многочисленные карты памяти с фотографиями, оказавшиеся у туристов в каком-то невероятном количестве. Русский археолог с грустью понял, что поработать на раскопе ему не удастся, так же как не удастся «обратить в свою академическую веру» заблудших русских граждан, но спустя ещё час он был отпущен с миром на раскоп.

Вернувшийся только на следующее утро египетский инспектор сообщил, что туристов продержали в администрации до вечера, конфисковав у них пластичную массу, карты памяти и кисточку, и выписав им вполне символический штраф и уведомление о запрете посещения археологических памятников Египта. А ещё спустя неделю во «всемирной паутине» вскользь проскочила информация, что «российских туристов задержали за фотосъёмку у пирамид Гизы», сопровождаемая возмущёнными комментариями обывателей, осуждающими действия египетских властей...

ЗАЛЕЗТЬ НА ВЕРШИНУ ПИРАМИДЫ

Однажды, идя по Гизе после окончания рабочего дня, мы столкнулись с *гафиром* (охранником) некрополя. Тот сперва поздоровался, потом хитро подмигнул и шёпотом спросил, не хотим ли мы ночью залезть на пирамиду Хуфу, всего-то за сотню фунтов. Как известно, в настоящее время любые официальные восхождения на пирамиды Гизы (впрочем, как и на другие египетские пирамиды) запрещены. И если охрана других пирамидных некрополей смотрит на это сквозь пальцы, то туристической полиции в Гизе разрешается открыть огонь по таким горе-скалолазам. Лишь в исключительных случаях египетская Служба древностей давала разрешение на такой подъём, причём не для удовлетворения любопытства, а для проведения научных изысканий, например, американскому египтологу и геодезисту Марку Ленеру для установления реперной точки на вершине пирамиды в ходе реализации его проекта Giza Plateau Mapping Project. А без особого разрешения от египетских чиновников такие «путешествия» к вершине пирамиды могут закончиться плачевно, вплоть до запрета въезда в страну, а для археолога – ещё и лишением лицензии на археологическую деятельность в Египте.

Вот и мы, услышав такое вот противозаконное предложение гафира, сперва оторопели, а потом дружно засмеялись. Мы тщетно пытались объяснить незадачливому охраннику, что для археолога залезть на вершину пирамиды – далеко не самое главное. Главное – изучить, понять, сохранить и увеличить наши знания об одной из древнейших цивилизаций на Земле.

ЧАСТЬ II
ЕГИПЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

ГЛАВА 1. АРХЕОЛОГИЯ СРЕДИ ПАЛЬМ: НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ В ДОЛИНЕ НИЛА

XIX и XX века стали золотым временем египетской археологии. Сотни рабочих с корзинами на головах, вереницей тянущиеся от пирамид и древних храмов, или десятки вагонеток, поднимающие невообразимую пыль, – так выглядели раскопы в ту далекую пору. Именно тогда были сделаны наиболее поражающие воображение находки: гробницы, статуи, саркофаги и мумии, золотые сокровища и бесчисленные папирусы – всё то, с чем ассоциируется Древний Египет сегодня. Однако информации из этих находок было извлечено сравнительно немного, гораздо меньше, чем позволили бы современные методы исследования. Несмотря на то, что пески Египта вот уже более 200 лет раскапываются авантюристами и учёными, нам всё ещё известна лишь малая толика тех богатств, что в них сокрыты. Время великих находок закончилось, но на смену ему пришло время великих открытий. Что представляет собой египетская археология в начале XXI века? Какие вызовы перед ней стоят? Какие задачи она решает? Ответить на эти вопросы поможет рассказ о раскопках наших коллег. Упор будет сделан, конечно, на эпоху Древнего царства, но не обойдём мы вниманием и важнейшие открытия, связанные с памятниками других эпох.

ТАЙНЫ СТОЛИЧНЫХ НЕКРОПОЛЕЙ

Гиза – лишь один из столичных некрополей, созданных в первой половине III тыс. до н.э. в районе древнего Мемфиса, хотя и наиболее изученный из всех. Открытия американской экспедиции под руководством Марка Ленера, египетских специалистов из Службы древностей и нашей экспедиции в последние два десятилетия подтверждают важность Гизы, доказывая, что её пески всё ещё скрывают множество загадок. Однако большинство открытий, связанных с эпохой Древнего царства, сегодня делается всё же за пределами Гизы, в менее изученных некрополях к северу и, особенно, к югу от Великих пирамид.

ПИРАМИДА НА ГОРЕ И ДРЕВНЯЯ ЛОДКА

Самым необычным, пожалуй, является некрополь в Абу-Роаше, расположенный в 7 километрах к северу от Гизы. Здесь строил свою пирамиду преемник Хуфу Джедефра (или Раджедеф, как иногда читают его имя). Чтобы попасть к пирамиде, необходимо взобраться на высокое безжизненное плато, с которого открывается прекрасный вид на Дельту и пирамиды Гизы. А внизу под горой проходит вечно гудящая высоковольтная линия электропередач, по которой электричество из Асуана, созданное ценой уничтожения памятников Нижней Нубии, течёт в Александрию. И везде ветер... постоянный северный ветер, пронизывающий до костей...

Пирамида была известна европейским исследователям ещё до Карла Рихарда Лепсиуса. После прусской экспедиции Абу-Роаш исследовали Флиндерс Питри, Эмиль Шассина, Пьер Лако, однако результаты этих работ так никогда и не были опубликованы, если не считать кратких отчётов. Даже после исследований Пьера Монте, а также Вито Мараджолито и Челесте Амброджио Ринальди, множество ключевых вопросов оставались без ответов. Являлась ли конструкция из сырцового кирпича, найденная к востоку от пирамиды, поминальным храмом? Каково было назначение небольшой пирамиды у юго-западного угла главной пирамиды? И основной вопрос: была ли царская пирамида достроена?

После недавней публикации результатов последних археологических исследований, проводившихся в пирамидном комплексе Джедефра франко-швейцарской экспедицией под руководством Мишеля Валлоджиа в 1994–2007 годах⁴¹, можно говорить о том, что пирамида царя, видимо, всё же была завершена. Культ правителя также определённо поддерживался примерно 150 лет: об этом говорят и фрагменты порядка 120 статуй Джедефра, найденные в углублении для священной ладьи недалеко от пирамиды, и известные титулы жрецов его поминального культа, и раскопки самого поминального храма и прилегающих к нему хозяйственных построек к востоку от пирамиды, и многометровые скопления миниатюрной вотивной керамики, использовавшейся в культовых действиях⁴². Пирамида-спутница, видимо, изначально задумывалась как ритуальная, однако затем была приспособлена под погребение царицы.

Сегодня от пирамиды Джедефра осталась лишь огромная платформа и вырубленный в скале коридор, ведущий к погребальной камере. Всё вместе это оставляет неизгладимое впечатление: гигантская рукотворная дыра в горе посреди пустыни! Но такому состоянию памятника не следует удивляться, ведь пирамида превратилась в каменоломни ещё во времена Нового царства, а затем уничтожалась на протяжении сотен лет вплоть до римского времени, когда ей, судя по всему, был нанесён наибольший урон. В эпоху раннего христианства неподалёку существовал коптский монастырь, и разрушение пирамиды продолжалось.

Но пирамида на горе – не единственный памятник в Абу-Роаше. Если посмотреть на спутниковый снимок, то к востоку, северу и северо-западу от пирамиды можно увидеть множество занесенных песком прямоугольных конструкций и чёрных дыр в земле – это погребения древнеегипетской знати и гробницы греко-римского времени. С 2001 года французские археологи вернулись к изучению некрополя, расположенного в 1,5 километрах к востоку от царского погребального комплекса. Сперва предполагалось, что кладбище это относится ко второй половине Древнего царства, а вовсе не создавалось одновременно с пирамидой. С 1922 по 1924 годы северную часть этого некрополя исследовал Фернан Биссон де ля Рок, а на юге пробные раскопки в 1931 году проводил Шарль Куентц, результаты исследований которого остались неопубликованными.

В ходе современных работ были выявлены около сорока мастаб, а также бесчисленные шахты и другие объекты. Результаты первых раскопок оказались неожиданными: вместо некрополя второй половины Древнего царства перед исследователями оказался некрополь IV династии, где были погребены приближённые царя, в том числе царские сыновья⁴³. Подобный царский некрополь времен Снофру известен в Дахшуре, а от времен Хуфу аналогичный комплекс сохранился в Гизе. Что же получается? Царский некрополь времен Хуфу находится в Гизе. Приближённые царя Хафра также строили свои мастабы в Гизе, они нам хорошо известны. А французские археологи открыли недостающее звено в эволюции мастаб знати, укладывающееся в период между правлениями Хуфу и Хафра, – мастабы времен Джедефра. Неудивительно, что теперь египтологи с нетерпением ждут новых вестей из Абу-Роаша.

А пока одни французы исследовали гробницы IV династии, другие французы в сотрудничестве с Университетом Маккуори (Сидней) проводили исследование раннединастического некрополя, расположенного тут же, в Абу-Роаше, но ещё чуть восточнее. И в 2012 году они нашли одну из древнейших в Египте деревянных лодок. Случилось это следующим образом. Руководитель проекта Янн Тристан изучал отчёт копавшего здесь в 1914 году Пьера Монте и обратил внимание на странную вещь: знаменитый египтолог писал, что к северу от одной из сырцовых мастаб обнаружил

⁴¹ Valloggia M. *Abou Rawash I. Le complexe funéraire royal de Rêdjedef*. Le Caire, 2011.

⁴² Marchand S., Baud M. La céramique miniature d'Abou Rawash. Un dépôt à l'entrée des enclos orientaux // *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 1996. Vol. 96. P. 255–288.

⁴³ Baud M., Moeller N. A fourth Dynasty Royal Necropolis at Abu Rawash // *Egyptian Archaeology. The Bulletin of the Egyptian Exploration Society*. 2006. Vol. 28. P. 16–18.

деревянный пол. Это показалась исследователю странным, ведь прежде около мастаб деревянных полов не находили, да и от чего этот пол? Информацию необходимо было проверить. Так, спустя почти столетие, французы вновь копали у мастабы под номером М 06. Интуиция не обманула современного археолога, и его команда обнаружила деревянную ладью длиной в шесть метров, обложенную сырцовыми кирпичами. Судя по всему, она принадлежала знатному сановнику, жившему во времена царя Дена, то есть примерно в середине XXX в. до н.э.⁴⁴

Это не первая находка такого рода, но, возможно, наиболее древняя; и точно наиболее задокументированная и изученная⁴⁵. Раннединастические погребения лодок были раскопаны в Саккаре и Хелуане, однако подробных данных о них нет⁴⁶. В 1991 году американская экспедиция под руководством Дэвида О'Коннора обнаружила в Абидосе на юге Египта ещё двенадцать погребённых лодок, обложенных сырцовыми кирпичами, причём сырцовые конструкции имели длину от 19 до 26 метров. Хотя сырцовые «саркофаги» с лодками были обнаружены вблизи гробницы Хасехемуи, последнего царя II династии, учёные предполагают, что тщательно подготовленные к посмертному плаванию своего хозяина ладьи должны относиться к одной из близлежащих мастаб I династии и не связаны с более поздним комплексом царя II династии.

Собственно говоря, в 1991 году американцы вскрыли лишь одну из сырцовых конструкций, обнаружив там ладью с плоским дном. В 2000 году сырцовые конструкции над лодками были вновь расчищены, в результате чего удалось обнаружить ещё два похожих захоронения. На сегодняшний момент лишь одна из ладей исследована – та, что была впервые вскрыта в 1991 году по причине сильных разрушений внешней сырцовой оболочки и обнажения дерева. Саккарские и абидосские ладьи были значительно длиннее лодки, обнаруженной в Абу-Роаше, но это и не удивительно, ведь в Раннединастический период Саккара и Абидос были главными некрополями страны⁴⁷. Так, единственная раскопанная ладья в Абидосе была около 23 метров в длину и вмещала около 30 гребцов.

В отношении других ладей американцы приняли решение пока не проводить раскопок, сохранив древние суда до появления новых технологий, которые бы позволили извлечь из памятников максимум информации. Вероятно, это правильное решение, и хочется надеяться, что абидосские лодки не постигнет судьба второй солнечной ладьи Хуфу. Обнаруженная в 1954 году вместе с первой ладьёй⁴⁸, она оставалась запечатанной до 1987 года, когда в перекрытии помещения с кораблём по инициативе Американского Национального Географического Общества было просверлено отверстие для камеры, снявшей разобранное судно. Затем отверстие было заделано. В 2012 году специалисты из Университета Васэда (Токио), поддержанные крупным грантом от японского правительства, взялись за подъём и реставрацию корабля. Но тут выяснилось, что в камеру регулярно попадала вода из соседнего музея, где выставлялась первая ладья, в результате чего древнее дерево сильно пострадало. Сегодня работы по консервации и подъёму ладьи продолжаются. Из-за плохого состояния дерева японским специалистам пока удалось переместить в лабораторию только около половины деревянных деталей. Сложенные когда-то в 13 слоёв, их поднимают, соблюдая древнюю последовательность, слой за слоём. Перед разбором каждый слой сканируется с помощью лазерного сканера для получения 3D-модели. Затем

⁴⁴ Tristant Y. et al. «Barques sur le Nil...» Le mastaba M06 d'Abou Rawach et sa barque funéraire (Ire dynastie, règne de Den): découverte de la plus ancienne embarcation égyptienne actuellement conserve en Égypte // *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 2014. Vol. 114.2. P. 563–588.

⁴⁵ Каждый этап разборки ладьи сопровождался построением 3D-моделей, созданных с помощью метода фотограмметрии. Полученные модели и тщательное изучение конструктивных деталей позволили затем предложить 3D-реконструкцию древней лодки.

⁴⁶ Эмери У.Б. *Архаический Египет*. СПб., 2001. С. 152, 155, рис. 78, илл. 18.

⁴⁷ Ward Ch.A. *Sacred and Secular: Ancient Egyptian Ships and Boats*. Philadelphia, 2000. P. 39-41, 43. Ward Ch.A. Sewn Planked Boats from Early Dynastic Abydos, Egypt // Beltrame C. (ed.) *Boats, Ships and Shipyards. Proceeding of the Ninth International Symposium on Boat and Ship Archaeology, Venice 2000*. Oxford, 2003. P. 19–23.

⁴⁸ О первой ладье см.: Дженкинс Н. *Ладья под пирамидой (царская ладья фараона Хеопса)*. М., 1986.

каждая деталь многократно фотографируется, зарисовывается на месте, обмеряется и пропитывается защитным составом. После подъёма деталь повторно сканируют, на этот раз отдельно от остальных, и отправляют в лабораторию, где она попадает в руки к реставраторам.

Уже сегодня ясно, что вторая ладья отличается по конструкции от первой. Например, там гораздо больше вёсел, причём вёсла эти имеют вполне человеческий размер, а не изготавливались для гигантов, как вёсла первой ладьи. Учёные полагают, что если первая ладья, возможно, была церемониальной, то вторая вполне могла ходить по Нилу. Осталось добраться до нижних слоёв и проверить, есть ли на корпусе судна следы от водорослей или моллюсков, а также есть ли там паруса. После подъёма ладьи участники проекта надеются собрать корабль из 3D-моделей отдельных частей, и только удостоверившись в результате и определившись с порядком сборки, они повторят эту процедуру на практике с реальными деталями. Египетские инспекторы улыбаются, глядя на то, как молчаливо и кропотливо трудятся их коллеги: «Только японцы, – говорят они, – способны на такую адскую работу».

МЕСТО, ГДЕ РОДИЛАСЬ АРХИТЕКТУРА

Саккара – гигантский некрополь, протянувшийся почти на семь километров от южного Абусира до Дахшура. Здесь хоронили людей на протяжении всей древнеегипетской истории. И здесь же были выстроены древнейшие крупные каменные конструкции в истории человечества – стены загадочного двора Гиср эль-Мудир и пирамида Нечерихета (Джосера).

Сегодня, после революции 2011 года и последовавших затем терактов, Саккара обезлюдела. Там, где десятки погонщиков верблюдов, ослов и лошадей зазывали к себе туристов, теперь пусто и гуляет ветер. Лавки торговцев исчезли, и древние развалины вновь наполнила тишина. Теперь случается, что, придя к открытию музея под открытым небом, вы можете никого не встретить – ни охранников, ни инспекторов, ни продавцов на кассах. И затем в одиночестве бродишь среди пирамид, храмов и гробниц, слушая лишь шёпот песка под ногами, скрип деревянных лесов, покрывших пирамиду Джосера, да редких птиц. Если бы вы не были на Земле, можно было бы подумать, что вы на Марсе, шагаете среди заброшенного марсианского города.

Но работы археологов в Саккаре никогда не прекращались. Раскапываемый вот уже 150 лет некрополь продолжает каждый сезон дарить интересные, а порой и удивительные открытия. Темп неспешной археологической жизни здесь сегодня задают поляки, французы и египтяне. Но пески Саккары также ежегодно встречают или до недавнего времени встречали голландскую, шотландскую, британскую, японскую, немецкую, американскую, австралийскую, итальянскую, латвийскую экспедиции и многие другие коллективы учёных. Всех этих людей тянет к себе непередаваемая магия места, где родилась архитектура.

МЕРЕФНЕБЕФ: ГРОБНИЦА ПОД МУМИЯМИ

Польская археологическая миссия, организованная на базе Центра средиземноморской археологии Варшавского университета, начала свою работу к западу от пирамиды Джосера в 1987 году. Во главе экспедиции встал Карол Мышливец, который продолжает руководить раскопками по сей день. До поляков мало кто рассматривал территории к западу от древнейшей пирамиды в качестве перспективного участка для работ. Некоторые специалисты даже полагали, что здесь находится гигантская свалка щебня и песка, образовавшаяся в результате строительства царских комплексов.

В свой первый сезон поляки провели геофизическое обследование территории концессии и заложили несколько шурфов, надеясь найти следы гробниц Древнего царства. Пробные раскопки показали, что выбранный участок содержит памятники множества эпох,

от начала III тыс. до н.э. до византийского времени. Анализируя первые результаты, учёные заключили, что в будущем их могут ждать многочисленные шахты Древнего царства, ведущие в подземные погребальные камеры, а также мумии Птолемеевского времени, зарытые прямо в песок. Особый интерес представлял шурф, разбитый всего в 100 метрах к западу от пирамиды Джосера. Там обнаружилась грубая массивная стена, шедшая с севера на юг параллельно царскому комплексу. Её верхняя часть, выстроенная из сырца, была почти полностью разрушена уже в древности. Среди песка и щебня, окружавших стену, попадались голубовато-зелёные фаянсовые изразцы, очень похожие на те, что использовались строителями при оформлении некоторых подземных помещений в комплексе Джосера. Эти изразцы, несмотря на наличие большого количества керамики второй половины Древнего царства, заставили археологов предположить, что стена могла относиться к III династии.

Увы, за первыми раскопками наступил длительный перерыв. Лишь в 1996 году экспедицию удалось возобновить уже как совместный польско-египетский проект. Основное внимание в тот сезон, конечно, уделялось таинственной стене. Археологи расширили шурф 1987 года и стали прослеживать стену в южном направлении. Каково же было их удивление, когда выяснилось, что стена поворачивает под прямым углом на восток, в направлении пирамиды Джосера. Стало понятно, что обнаруженная конструкция, скорее всего, окружала внутренний двор одной из гробниц. Но кому она принадлежала? И к какому периоду относилась?

Для ответа на этот вопрос археологам необходимо было теперь продвигаться на восток, по направлению к пирамиде, но сделать это было непросто. Во-первых, к востоку мощность накопленного песка и щебня значительно увеличивалась. А во-вторых, верхние слои над конструкциями Древнего царства были полны поздними погребениями греко-римского времени, которые необходимо было раскопать и тщательно задокументировать. Это были и просто тела, завернутые в циновки и закопанные в песок, – за две тысячи лет они, конечно, превратились в скелеты, – и мумии, помещённые в ямы, и весьма богатые погребения. Последние представляли собой мумии, покрытые картонажем с цветными росписями и позолотой. Такие мумии обычно помещали в деревянные гробы. Впрочем, не все. Так, в ходе раскопок была обнаружена нетронутая мумия девочки, покрытая прекрасным картонажем. Она лежала в скальном углублении, вырубленном по форме тела. А один гроб был керамическим и также выполнен в форме человеческого тела с хорошо проработанным лицом. Тогда археологи ещё не знали, что только за первые 10 лет раскопок они обнаружат и изучат более 400 погребений главным образом птолемеевского и римского времени, хотя некоторые были более ранними, относящимися в конце Древнего царства и Первому Переходному периоду. Этот массовый материал позволил исследователям значительно продвинуться в изучении облика и образа жизни населения мемфисского региона, особенно в греко-римский период⁴⁹.

Раскопки следующего сезона показали, что исследуемая конструкция относится к эпохе Древнего царства. Весь двор был завален большим количеством щебня и сырцовых кирпичей, которые явно упали откуда-то сверху. Впоследствии выяснилось, что это были остатки стены, выстроенной чуть выше, над вырубленной в скале часовней. Мощный кирпичный завал был как бы запечатан: сверху лежал плотный слой ила. Скальный пол раскопанного двора был покрыт тонким слоем глины, на котором отчётливо виднелись следы прокаливания от многочисленных костров. Видимо, эти костры были связаны с ритуальными церемониями, проводившимися перед гробницей.

Медленно продвигаясь на восток, польские археологи методично расчищали завалы кирпичей и камней. Вдруг внезапно часть щебня обвалилась и перед ними предстала выровненная скала, а на ней большие врезанные иероглифы. Несколько минут работы, и стало ясно, что это архитрав перед долгожданной часовней. Надпись была стандартного содержания, и археологи были уверены, что в конце они найдут основной титул и имя

⁴⁹ Myśliwiec K. (ed.) *Saqqara III. The Upper Necropolis*. Parts I–II. Warsaw, 2008.

хозяина гробницы. Но в самый последний момент, когда до полной расчистки надписи оставалось совсем немного, поднялся ураганный ветер, и пустыня мгновенно превратилась во вздыбленное море песка и пыли. Ветер сорвал тент, под которым хранилось оборудование, и унёс его в сторону пирамиды Джосера. За тентом туда же отправилась полевая документация. Карол Мышливец, который во время той злосчастной бури был вынужден водить по раскопу группу коллег и высокопоставленных чиновников, любит говорить, что в тот день их экспедицию испытывало на прочность проклятие фараонов.

На следующее утро ветер утих, и исследователи смогли войти в часовню. Надписи при входе, а их было расчищено теперь множество, сообщали, что гробница принадлежала «визирию», второму лицу в государстве, который имел три имени: великое имя – Мерепнебеф («Любит он господина своего»), обыденное имя – Фефи (стандартное имя для VI династии, когда даже царей звали Тети и Пепи), а ещё имя Унисанх («Да живет Унис!»). Унис – это последний царь V династии. Если Мерепнебеф родился в его правление, то служить он должен был при первых царях VI династии.

На трёх именах странности не заканчивались. Удивляло, например, количество жен: их у Мерепнебефа было четыре! И отношения в семье визирия, видимо, были непростыми. Уже при входе в часовню можно было встретить сбитые изображения сыновей Мерепнебефа – всех, кроме одного, также носившего имя Фефи. Этот самый Фефи Младший не постеснялся оставить в гробнице отца свой собственный рельеф, изображающий его с женой.

Внутри часовни сохранились превосходные рельефные изображения, покрытые росписями: фигуры Мерепнебефа и его жен, дароносцы, бытовые сцены и сцена охоты в тростниках – красочный мир из жизни Египта эпохи пирамид! Но оформление часовни Мерепнебефа так и не было никогда закончено. Его саркофаг также не был завершён и в момент обнаружения оказался пустым. Где-то в конце Древнего царства выстроенная над скальной часовней мастаба, постоянно подмываемая дождевыми водами, в том числе стекавшими с пирамиды Джосера, обрушилась. Родственники не стали расчищать вход в великолепную часовню, а предпочли наоборот покрыть развал слоем ила, запечатав, таким образом, часовню на тысячи лет. Однако культ визирия не прекратился. В восточной стене мастабы, прямо напротив шахты, ведущей в погребальную камеру, была вырублена ниша, и в ней устроена ещё одна, гораздо более скромная, но выполнявшая всё те же задачи часовенка. В ней были и архитрав, и «ложная дверь», и алтарь. К моменту раскопок эта конструкция, державшаяся на сырце, полностью развалилась⁵⁰.

К востоку от мастабы археологи дошли до окружной стены комплекса Джосера. Пространство между стеной и гробницей Мерепнебефа было заполнено многочисленными сырцовыми мастабами и скальными гробницами конца Древнего царства или времени Первого Переходного периода. Лишь одна из раскопанных здесь гробниц могла относиться к ранней IV династии. Все остальные были выстроены при VI династии или позднее и принадлежали представителям среднего и низшего слоёв египетского чиновничества – хранителям различных помещений, казначеям, певцам, жрецам и жрицам, начальникам небольших хозяйств, инспекторам, дворцовым служащим и т.д. От большинства сырцовых мастаб сохранились в основном только подземные части. В результате кропотливой работы археологам удалось реконструировать сложную историю развития этой части некрополя, которая повествует о том, как египтяне, регулярно перестраивавшие данный участок, боролись с разрушавшей их усилия природой. Общая же тенденция заключалась в том, что к концу VI династии недостаток погребённых к западу от пирамиды Джосера людей быстро снижался, что приводило к ухудшению качества гробничных конструкций и постоянному желанию чиновников как-то приспособить под свои нужды более ранние мастабы. В большинстве погребальных камер были найдены скелеты, которые, лежали в простых тростниковых гробах. Однако были и погребения в каменных саркофагах, и в деревянных гробах. Одно из тел по существовавшей в Древнем царстве традиции было покрыто гипсом,

⁵⁰ Myśliwiec K. et al. *Saqqara I. The Tomb of Merefnebef*. Warsaw, 2004.

который сохранил черты лица погребённого⁵¹. Некоторые погребальные камеры оказались непо потревоженными. Собранный поляками материал по архитектуре, погребальным ритуалам и поминальному культу имеет множество аналогий с материалом из наших гробниц в Гизе.

«КАЗНАЧЕЙ БОГА» ИЗ ВАДИ ХАММАМАТ

За годы раскопок в Саккаре польским археологам удалось сделать и множество других открытий. Рядом с гробницей Мерепнебефа в том же 1997 году была обнаружена не менее интересная гробница Нианхнефертума, обыденное имя которого было Теми. Нианхнефертум был служителем при пирамидах Униса и Тети в Саккаре, а среди множества других его обязанностей был надзор за царскими хозяйствами. К работам внутри его гробницы археологи приступили лишь в 2003 году, после полного изучения комплекса Мерепнебефа. Вновь, как и в случае с предыдущей гробницей, над скальной часовней Нианхнефертума были обнаружены мощные слои песка и щебня, скрывавшие поздние погребения. В частности, в ходе раскопок были найдены мумии двух девушек с богатым инвентарём: великолепно расписанный деревянный ящик для каноп, картонажи с тонкими росписями и позолотой, и расписанная деревянная статуэтка Птаха-Сокара-Осириса – главного покровителя саккарского некрополя в греко-римское время.

В самой гробнице учёных ожидали расписанные рельефы, поражающие своими красками. Здесь были изображения Нианхнефертума, его жены Сешесешет и их многочисленных детей, сцена загробного пира и процессии дароносцев, музыканты и танцоры, а также богато оформленные, вполне в вычурном стиле VI династии, «ложные двери»⁵².

Ещё одна любопытная находка последних лет – это обнаружение гробницы «казначей бога» Ихи, который до этого был известен лишь по надписи из Вади Хаммамат, где он побывал в правление царя Пепи I. На самом деле это один из очень редких случаев, когда нам удастся идентифицировать чиновника, оставившего надпись за пределами Египта, с хозяином какого-либо погребения. Титул «казначей бога», который носил Ихи, принадлежал чиновникам, которые по долгу службы много путешествовали, выполняя различные царские поручения. Среди «казначеев бога» было много глав древнеегипетских экспедиций за материалами, особенно в конце Древнего царства. В 2002 году польские археологи нашли «ложную дверь» Ихи⁵³, которая дополнила наши знания о его титулах и титулах его сына Ихи Младшего, также, кстати, побывавшего в Вади Хаммамат. Стало ясно, что на каком-то этапе своей карьеры «казначей бога» Ихи был служителем в пирамидных комплексах царей Тети и Пепи I в Саккаре. Данное обстоятельство позволяет предположить, что добытый в Вади Хаммамат под присмотром Ихи ценный камень предназначался для пирамидного комплекса Пепи I. И действительно, проведённое недавно петрографическое исследование саркофага Пепи I, который прежде считался базальтовым, показало, что на самом деле памятник выполнен из граувакки, доставленной из Восточной пустыни⁵⁴.

⁵¹ Myśliwiec K., Kuraszkiewicz K.O. *Saqqara V. Old Kingdom Structures Between the Step Pyramid Complex and the Dry Moat*. Parts 1–2. Warsaw, 2013.

⁵² Myśliwiec K., Kuraszkiewicz K.O. *Saqqara IV. The Funerary Complex of Nyankhnefertem*. Warsaw, 2010.

⁵³ Kuraszkiewicz K.O. *Saqqara 2002: Inscriptions // Polish Archaeology in the Mediterranean. Reports*. 2003. Vol. XIV. P. 133–140.

⁵⁴ Klemm R. Von, Klemm D.D. *Stones and Quarries in Ancient Egypt*. London, 2008. P. 301–302.

Но, пожалуй, одним из самых интересных памятников, изучаемых поляками, является так называемый «сухой ров» («Dry Moat»), западный участок которого входит в польскую концессию. Речь идёт о гигантском канале, который якобы опоясывает внешнюю стену комплекса Джосера. Предположение о существовании канала было выдвинуто Набилем Селимом в 1985 году после анализа аэрофотосъёмки начала XX века и сравнения её с планами Карла Рихарда Лепсиуса и Жака де Моргана. С тех пор споры о назначении «сухого рва» не утихают. Дело в основном в том, что предполагаемые размеры канала настолько велики, что его вырубка должна была потребовать не меньше человеческих и материальных затрат, чем строительство самой пирамиды и прилегающих к ней конструкций. А в это непросто поверить.

В 1999 году в одной из исследуемых шахт археологи обнаружили резкое сужение, будто бы древние мастера в последний момент пытались обойти какой-то более ранний памятник, вырубленный поблизости. Однако внесение экстренных поправок не помогло. Стена между шахтой и неизвестной пустотой оказалась настолько тонкой, что там всё равно образовался пролом. Пролететь в него не было возможности, но осмотр показал, что за стеной расположен длинный коридор. В 2000 году Карол Мышливец решил попытаться найти вход в этот таинственный тоннель, а заодно проверить гипотезу о существовании «сухого рва», ведь раскопки как раз должны были прийти на то место, где проходит канал. В результате поляки выяснили, что на месте раскопа скала действительно резко уходит вниз, образуя что-то вроде ступени, которая могла быть восточной стеной древней траншеи. Скала активно использовалась для устройства погребений, которые вырубались там при VI династии. Был найден и вход в таинственный коридор.

Он оказался заполнен на высоту примерно одного метра различными естественными отложениями – смытыми в коридор щебнем и глиной, а также песком, который надувал ветер. Большое количество керамики второй половины VI династии и стратиграфия заполнения говорили о том, что коридор, видимо, не тревожили с конца Древнего царства. Лишь во времена Среднего царства он, возможно, оказался на какое-то время вновь открыт. Планомерная расчистка тоннеля шла своим ходом и не давала каких-то особенно интересных результатов. В конце 22-метрового коридора находилась камера, забитая всё теми же наносами. Рутинная работа продолжалась до тех самых пор, пока у юго-восточной стены камеры археологи вдруг неожиданно не обнаружили... большой деревянный гарпун в деревянном же футляре. Великолепное орудие длиной 2,6 метра было украшено рельефными изображениями змей и лежало на слое керамики примерно в 20–25 сантиметрах над полом. Сверху футляр был завален толстым слоем глины и щебня, явно смытым сюда в результате наводнения, вызванного мощным дождём⁵⁵.

Сегодня любой желающий может увидеть найденный поляками гарпун в экспозиции Музея Имхотепа в Саккаре и разглядеть в полутьме стремительных змей, вырезанных по его сторонам. Предназначение его остается загадкой. Любопытно, кстати, что длина гарпуна составляет ровно 1/10 часть от длины коридора и камеры, где он был найден. Складывается впечатление, что коридор вырубался специально под этот гарпун, но кто до такого додумался и зачем? С похожими гарпунами египтяне охотились на гиппопотамов. Сцены такой охоты нередко встречаются в гробницах Древнего царства; возможно, они символизировали победу над силами хаоса, которые олицетворял зверь из нильских глубин. Но кому он принадлежал: чиновнику или царю? И почему его спрятали в стене гигантского канала? На эти вопросы пока нет ответа.

А что же «сухой ров», спросите вы? Георадарные исследования, проведённые на территории польской концессии в 2012 году, подтвердили существование обширной

⁵⁵ Myśliwiec K. West Saqqara. Excavations 2000 // *Polish Archaeology in the Mediterranean. Reports*. 2000. Vol. XII. P. 111–119. Kuraszkiwicz K.O. Remarks on Corridor 1 // *Polish Archaeology in the Mediterranean. Reports*. 2000. Vol. XII. P. 133–137.

аномалии шириной порядка 40 метров, которая тянется параллельно комплексу Джосера с севера на юг. Средняя глубина канала составляет 6-7 метров, но не является постоянной, поскольку дно траншеи постепенно понижается с востока на запад. Авторы исследования полагают, что «сухой ров» изначально мог быть каменоломней, где добывали камень для строительства царского пирамидного комплекса. Однако это вовсе не исключает и его символического значения, которое предполагают некоторые исследователи⁵⁶.

Георадарные исследования тесно связаны с усилиями польской экспедиции по изучению палеоландшафта и палеоклимата Саккары в III тыс. до н.э. и их влияния на культурные ландшафты, созданные человеком. Обычно такой междисциплинарный подход к исследованию памятников принято называть геоархеологией. И это направление набирает всё большую популярность среди специалистов, работающих в Египте.

ШОТЛАНДЦЫ С ГЕОРАДАРОМ

Наиболее масштабные георадарные и магнитометрические⁵⁷ исследования в Саккаре проводят сегодня шотландцы. Это единственная шотландская экспедиция в Египте, и она работает в некрополе с 1990 года. Основная задача проекта – создание общей карты некрополя на основе бесконтактных методов исследования. Такая карта, безусловно, стала бы бесценным подспорьем для любого археолога, работающего или начинающего работать в Саккаре. На протяжении 20 лет проектом руководил Ян Матъесон, а после его безвременной кончины начальником экспедиции стал Кэмпбел Прайс. За многие километры, пройденные с магнитометрами и георадарами, шотландским специалистам удалось сделать немало важных открытий. В первой половине 1990-х годов они обследовали гигантскую (примерно 350 x 650 метров) загадочную конструкцию к юго-западу от пирамиды Джосера, известную среди египтологов под названием Гиср эль-Мудир («Двор начальника»). До работ шотландцев многие учёные считали её остатками пирамидного комплекса неизвестного царя III династии. Во время георадарных исследований и сопутствующих раскопок удалось выяснить некоторые ранее неизвестные характеристики этой конструкции. Так, мощность внешних стен оказалась равна 15–17 метрам. Один из участков стены был раскопан. В этом месте она сохранилась на высоту 5 метров, а в основании была найдена керамика поздней II или ранней III династии. Таким образом, исследования позволили установить, что стены Гиср эль-Мудир, чем бы этот комплекс ни являлся в действительности, могут быть древнее пирамиды Джосера.

В 2005–2006 годах шотландские специалисты проводили исследования на севере Саккары, выявив десятки структур, которые без труда можно определить как мастабы Раннединастического периода и Древнего царства. Две из них отличаются особенно крупными размерами, достигая 70 метров в длину, и могли принадлежать высокопоставленным сановникам ранней части Древнего царства. Ян Матъесон, конечно, мечтал найти гробницу Имхотепа, легендарного зодчего, выстроившего пирамиду царя Джосера. Однако проверить это предположение помогут только раскопки.

В 2009 году, работая к югу от процессионной дороги Униса, участники проекта обнаружили несколько неизвестных ранее гробниц Нового царства. Наконец, многие открытия команды связаны с памятниками Позднего периода и греко-римского времени. Так, исследователи смогли вновь обнаружить ведущую к Серапеуму аллею сфинксов, которую в далёком 1850 году раскопал молодой Огюст Мариетт, и которая затем бесследно исчезла под песками (большинство сфинксов были перед этим вывезены). К северу и югу от дороги

⁵⁶ Welc F. et al. Western Section of the 'Dry Moat' Channel Surrounding Step Pyramid Complex in Saqqara in the Light of Ground-penetrating Radar Prospection // *Archaeological Prospection*. 2015. Vol. 22.4. P. 293–305.

⁵⁷ В отличие от георадара, который улавливает с помощью приёмника отражённый электромагнитный импульс или радиоволны, магнитометр измеряет характеристики магнитного поля и магнитные свойства различных объектов.

удалось выявить множество конструкций, напоминающих храмы. В будущем шотландские исследователи планируют сосредоточиться на более подробном изучении данного участка.

СТРАНА ЗОЛОТА И СЛОНОВОЙ КОСТИ

Недалеко от уютного Нубийского музея в Асуане, на высоком холме над Нилом, есть странное кафе, среди посетителей которого вы редко увидите египтян-арабов. Здесь подают ароматный чай со специями, а с кухни доносятся тягучие и почему-то до боли знакомые мотивы песен какой-то давно забытой родины. Здесь невозможно оторвать свой взгляд от южной части горизонта, откуда мирно несёт свои воды великая река. Здесь, в нубийском кафе над Нилом, или среди скал Элефантины для многих египтологов начинается Африка.

Первые контакты Египта с Нубией начались задолго до создания централизованного египетского государства. При первых династиях египтяне постепенно закрепляются в Нижней Нубии, где силой, где уговорами добиваясь покорности местных племен, а в начале Древнего царства зримым символом египетского господства становятся выросшие как по волшебству крепостные стены Бухена и цитадель на Элефантине.

Для египтян Нубия была воротами в Африку, жестоким соперником и желанной добычей. Природные богатства Нубии в древности были очень велики. Обычно считается, что основным источником египетского золота в III тыс. до н.э. были рудники в египетской Восточной пустыне. Однако и нубийские залежи золота определённо были известны египтянам эпохи строительства Великих пирамид. Некоторые золотые месторождения Нубии разрабатывались, по крайней мере, с начала III тыс. до н.э., хотя нам неизвестно, какова была этническая принадлежность тех людей, что там трудились. Были ли это египетские отряды или местные племена? Поскольку полноценных археологических исследований на ранних нубийских золотых месторождениях пока не проводилось, этот вопрос остаётся без ответа. В качестве «страны золота» Нубия впервые упоминается в египетских источниках в конце V династии, как раз когда египтяне, теснимые новыми пришлыми племенами так называемой группы С, были вынуждены постепенно прекратить прямую эксплуатацию земель к югу от 1-го порога Нила и вернуться более гибкой тактике кнута и пряника.

Другим ценным металлом, добывавшимся в Нубии, была медь. Крепость Бухен, основанная в нескольких километрах ниже 2-го порога царём Снофру или другим более ранним египетским правителем, контролировала, судя по всему, торговые пути на юг, в Донголу, и являлась одновременно важным центром выплавки меди. Медная руда, найденная в Бухене, имела большое процентное содержание золота, поэтому её источник, видимо, располагался где-то неподалеку, чуть выше по течению. В эпоху Древнего царства медную руду могли также добывать в районе Вади-Аллаки. Кубан и Элефантина, видимо, также являлись важными центрами выплавки меди из нубийской руды.

Кроме того, Нубия была важным источником поделочных камней и единственным источником гнейса, который высоко ценился как материал для каменных сосудов и царских статуй. А ещё, конечно же, земли к югу от 1-го порога славились престижными товарами, которые производились как в нильской долине, так и доставлялись из глубинных районов Африки: слоновой костью, ценными породами дерева, страусовыми перьями и яйцами, шкурами гепардов и пантер, благовониями и дикими зверями.

КРЕПОСТЬ, ВОЗВЫШАЮЩАЯСЯ НАД АФРИКОЙ

Естественной границей Египта на юге являются живописные скалы 1-го порога, о которые разбиваются, покрываясь пеной, голубые воды Нила. Египтяне считали, что здесь бьёт подземный источник, питающий полноводный Нил; здесь же начиналась и их земля. Неподалеку от порога расположен большой остров Элефантина. Основанное здесь египетское поселение на протяжении тысяч лет было важнейшим аванпостом сначала египетской, а затем средиземноморской цивилизации. Из-за коренных различий в климате и географии⁵⁸, египетский и нубийский культурные ареалы, пересекавшиеся в районе 1-го порога, представляли весьма зависимые друг от друга и одновременно экономически непохожие регионы. Их взаимному обогащению служила традиционная контактная зона в районе Элефантины.

С 1969 года на острове ведут раскопки специалисты из каирской секции Немецкого археологического института (DAIK) и Швейцарского института по исследованию египетской архитектуры и археологии. Уникальность Элефантины заключается в том, что это раннее поселение практически не застроено современными домами и, располагаясь на высоком гранитном острове, на протяжении всей своей истории было надёжно защищено от нильских разливов. Добавьте сюда сухой климат, и вы получите свободное для исследования поселение эпохи строительства пирамид с редкой для Египта сохранностью ранних слоёв и органических материалов. Так, например, Элефантина известна как одно из немногих мест, где регулярно находят папирусы.

История жизни человека на острове началась, судя по всему, в V тыс. до н.э. когда его сезонно навещали неолитические поселенцы. Постоянный же населенный пункт существовал на Элефантине уже, по крайней мере, с середины IV тыс. до н.э. Этот период ещё предстоит досконально изучить, однако и сейчас можно утверждать, что к этому времени Элефантина уже была важной контактной зоной: археологические материалы показывают сочетание в наиболее ранних слоях поселения предметов и архитектурных традиций как египтян, так и нубийцев.

Нубийские земли к югу от 1-го порога, заселённые представителями так называемой археологической группы А, явно извлекали выгоду от торговли с Египтом. Однако в самом начале III тыс. до н.э. это благоденствие прекратилось. Видимо, молодое централизованное египетское государство нанесло сокрушительный удар по Нижней Нубии. Дезорганизованное нубийское население не могло оказать действенного сопротивления, и на протяжении следующих нескольких сотен лет египтяне успешно предотвращали появление между 1-м и 2-м порогами любых местных политических образований.

На рубеже II и III династий, когда у египтян вроде бы не было соперников в регионе, на Элефантине вдруг возводится мощная квадратная крепость со стороной 52,4 метра (100 локтей). Исследователи до сих пор спорят о причинах этого строительства, однако следует помнить, что и внутри самого Египта в это время существовало, судя по изображениям, множество хорошо укрепленных крепостей. Было ли их существование связано с активностью центральной администрации по укреплению единства страны или же египетской нильской долине угрожали какие-то неизвестные мобильные группы врагов? Этого не известно. Однако любопытно, что в период существования крепости все поселения в радиусе 20 километров от Элефантины оказываются заброшенными. Видимо, жившие там люди, а это были и египтяне, и нубийцы, по каким-то причинам предпочли переместиться к стенам нового форта или, наоборот, покинуть его окрестности. В это время присутствие на Элефантине нубийцев было весьма заметным, о чём говорит большое количество нубийской керамики в слоях II–III династий. Не менее любопытно, что появившиеся стены не защищали местное святилище богини Сатет, существовавшее ещё с конца IV тыс. до н.э. Не говорит ли

⁵⁸ В Нубии было не только жарче, но и количество плодородных земель в узкой Нильской долине там было несоизмеримо меньшим.

это о том, что план крепости был типовым и разработан далеко от Элефантины? Если так, то строительство крепости должно было проводиться по инициативе центральной администрации и не учитывало местные особенности культового ландшафта⁵⁹.

Примерно тогда же в археологических слоях Элефантины фиксируется резкое появление большого количества оттисков различных печатей. Это означает, что в XXIX–XXVIII вв. до н.э. на Элефантине часто распечатывали всевозможные мешки, ларцы и письма. Но как интерпретировать эти находки? Если опечатывание происходило за пределами Элефантины, то массовое появление взломанных пломб может говорить о налаживании централизованного снабжения крепости и о существовании активного документооборота с каким-то другим центром или центрами, в том числе с резиденцией на севере. Однако запечатывать емкости и письма могли и на территории самой Элефантины. В этом случае наличие печатей говорит лишь о внезапном распространении данной практики среди жителей города⁶⁰.

Примерно в середине XXVII в. до н.э. в южной части острова возводится небольшая ступенчатая пирамида высотой почти 15 метров. К ней примыкал хозяйственный комплекс, который, судя по всему, находился в управлении центральной администрации. Он до сих пор полностью не раскопан, однако очевидно, что пирамида и прилегающие к ней конструкции являлись зримым свидетельством вмешательства царской администрации в дела региона. Элефантинская пирамида была одной из так называемых «провинциальных пирамид». На сегодня их известно семь, причём пирамида в Элефантине – самая южная. Споры о предназначении этих памятников ведутся до сих пор. Точно известно, что «провинциальные пирамиды» никогда не предназначались для погребения, хотя с некоторыми из них позднее были связаны могилы (как это было, например, в случае с пирамидой в Эдфу, раскопанной в 2010–2013 годах; у её подножия американские исследователи нашли детские погребения). Видимо, «провинциальные пирамиды» были зримым символом присутствия царя на периферии и важным идеологическим элементом. Дело в том, что раннее египетское государство, судя по всему, вовсе не было очень уж устойчивым. Для сохранения единства страны нужны были инструменты обеспечения лояльности местных элит центральной администрации. Одним из таких инструментов было создание общего для всей египетской долины Нила монументального ландшафта, в котором пирамиды должны были играть ключевую роль. Считается, что «провинциальные пирамиды» строились на рубеже III и IV династий, в царствование Хуни и Снофру. А при Хуфу, т.е. примерно через 50 лет после возведения, они, похоже, были заброшены. Вероятно, строитель Великой пирамиды чувствовал достаточную прочность своего положения и уже не видел смысла в поддержании культа в небольших пирамидах Верхнего Египта.

Одновременно со строительством пирамиды и прилегающего к ней хозяйственного комплекса происходила перестройка небольшого храма Сатет, богини доброго разлива. Древнее святилище, устроенное в естественном навале гигантских гранитных камней, было богато украшено зелёновато-голубыми фаянсовыми плитками⁶¹, напоминавшими плитки в подземных камерах комплекса Нечерихета (Джосера) в Саккаре. Добавим сюда благоустройство речных берегов с помощью дамб, и мы получим масштабный план развития Элефантины и всей области 1-го порога, явно разработанный там, где имелись значительные людские, технологические и материальные ресурсы. Таким центром, судя по всему, могла быть только царская резиденция на севере. В Элефантине и области 1-го порога цари стремились контролировать не только существовавшую там контактную зону, но и – с помощью местных культов – нильские разливы, обеспечивавшие основной источник дохода центральной администрации.

⁵⁹ Raue D. From the History of Elephantine: Eventful Times on the Nile // Morenz D., Höveler-Müller M., Hawary A. (eds.) *Zwischen den Welten. Grabfunde von Ägyptens Südgrenze*. Leidorf, 2011. S. 32.

⁶⁰ Raue D. From the History of Elephantine: Eventful Times on the Nile. S. 33.

⁶¹ Rummel U. (ed.) *Meeting the Past. 100 Years in Egypt. German Archaeological Institute Cairo 1907-2007. Catalogue*. Cairo, 2007. P. 9–12.

В конце V династии Элефантина становится резиденцией крупных государственных чиновников. Данное обстоятельство совпало – и, видимо, неслучайно – с изменением внутривосточной ситуации в Нижней Нубии: с приходом новых кочевников, племён так называемой группы С⁶², период долгого египетского доминирования в землях к югу от 1-го порога подошёл к концу. На территории Нижней Нубии стали формироваться местные княжества, и египтяне были вынуждены оставить свой основной опорный пункт – крепость Бухен. Теперь центром всей экспедиционной инфраструктуры в регионе стала Элефантина.

Новые чиновники явно были чужаками, занимались в основном обеспечением государственных экспедиций в Нубию и не проявляли большого почтения к памятникам своих предшественников. Можно предположить, что их регулярно меняла царская администрация, и поэтому, как подметил Дитрих Рауэ⁶³, многие годы изучающий Элефантину и её окрестности, пришельцы не очень-то интересовались проблемой формирования и развития в среде местных элит какой-то общей культурной памяти.

Ситуация начинает меняться при Пепи II, в конце Древнего царства. В это время местной элите удаётся создать сообщество, заинтересованное в поддержании общей памяти о своих наиболее выдающихся представителях. Некоторых лидеров Элефантины начинают даже почитать как местных заступников, а культ одного из них, Хекайба, не только пережил трудные времена Первого Переходного периода, но и продолжал процветать в эпоху Среднего царства. Очень похожие процессы, кстати, развивались примерно в то же самое время в ещё одной важной контактной зоне – в оазисе Дахла. Можно предположить, что на фоне постепенного нарастания кризисных явлений внутри централизованного египетского государства, в небольших сообществах экспедиционных участников, сформировавшихся на окраинах египетской цивилизации, стало быстро развиваться местное самосознание. При этом, в отличие от других регионов внутри страны, развитие самосознания не привело на Элефантине к появлению сепаратистских настроений. Напротив, правители Элефантины были самым тесным образом связаны с царским двором. Между царским двором и экспедиционными лидерами I верхнеегипетского нома устанавливаются особые отношения. Да, представителей местной элиты теперь хоронили в некрополе Куббет эль-Хава, прямо напротив Элефантины, а не в столичном некрополе. Но при этом многие будущие экспедиционные лидеры – например, Пепинахт Хекайб, Сабни (сын Меху), Сабни (сын Хекайба), Хуиуенхнум – начинали свою карьеру в царских пирамидных комплексах близ Мемфиса и лишь затем возвращались на Элефантину. Складывается впечатление, что после «практики» в столице их больше заботило выполнение царских заданий, нежели дела родной области. По крайней мере, официально, ведь информацию мы черпаем из автобиографических текстов, а они могли отражать не столько объективную, сколько идеальную реальность.

После вторжения племён группы С египтянам пришлось иметь дело в Нубии с различными политическими образованиями: Вават, Ирчет, Сачу и Иам в нильской долине, а также племена меджаев предположительно в Восточной пустыне. Новая политическая и этническая реальность заставила египтян перейти от прямого доминирования в Нижней Нубии к активной экспедиционной деятельности, подкреплённой более или менее регулярными военными походами. Царские надписи, выбитые во второй половине Древнего царства в районе 1-го порога, отражают личный интерес египетских правителей к Элефантине как важнейшему логистическому и административному центру на южных рубежах своего государства. Некоторые из них могли даже посещать город на острове, как это, например, сделал Меренра I. Центральная администрация участвовала в дальнейших перестройках храма Сатет, где, кстати, мог быть учреждён и царский культ.

В это время I верхнеегипетский ном начал поставлять экспедиционных лидеров для самых разнообразных царских миссий: военных кампаний в Нубии, торговых экспедиций в

⁶² Между группами А и С Дж. Рейснер помешал археологические культуры группы В, однако впоследствии исследователи отказались от выделения этого промежуточного звена.

⁶³ Raue D. Who was who in Elephantine of the third millennium BC? // *British Museum Studies in Ancient Egypt and Sudan*. 2008. Vol. 9. P. 8.

Западную пустыню, Библ и Пунт, экспедиций за сырьём на рудники и в каменоломни Восточной пустыни, спасательных экспедиций к побережью Красного моря. Отправляясь за тысячи километров от родного острова, жители Элефантины демонстрировали очень высокий уровень мобильности, который, в целом, не был характерен для провинциальных элит позднего Древнего царства и встречался обычно только в тех номах, где царская власть искала особой поддержки местных правящих кругов, как, например, в Эдфу. К концу Древнего царства экспедиционные участники, жившие на Элефантине, сформировали очень тесное сообщество, скреплённое родственными связями и отношениями патроната. И, хотя в нём постоянно происходила внутренняя борьба, элиты Элефантины сохраняли известную сплочённость, которая объяснялась их особым местом в древнеегипетском обществе той эпохи.

Судя по всему, многие жители Элефантины были отважными людьми, привыкшими брать на себя ответственность и смотреть в лицо опасностям. Это были настоящие «аргонавты пустынь». Их образы сохранили стены гробниц в некрополе Куббет эль-Хава, и сегодня каждый из вас, оказавшись в Асуане, всё ещё может заглянуть в лицо людям, стоявшим на страже египетской цивилизации у её дальних рубежей.

НЕЗАЖИВАЮЩАЯ РАНА

При слове Нубия у археологов непременно всплывает в голове давняя трагедия, когда в результате последовательного строительства двух плотин в Асуане в 1902 и в 1960-х годах вся нильская долина Нижней Нубии и устья прилегающих вадии были затоплены. Под водой исчезли древние крепости, храмы, нубийские поселения и некрополи, наскальные надписи и рисунки. Создание искусственного озера Насер стало трагедией нубийского народа, от которой он так и не оправился. Сегодня нубийская археология находится в странном состоянии. С одной стороны, памятники Нижней Нубии, где шло интенсивное взаимодействие египтян и местных жителей, оказались недоступны для исследования. Наиболее выдающиеся из них раскапывались в первой половине XX века, в основном со времен Джорджа Рейснера, или в ходе международной кампании ЮНЕСКО по спасению памятников Нубии. Однако существующие отчёты, как и применявшиеся тогда методики, порой очень несовершенны, а перепроверить информацию уже нельзя. Как нельзя исследовать сотни более мелких, но не менее значимых для понимания прошлого памятников – небольших стоянок, поселений, каменоломен, некрополей, которые ушли под воду вообще без какого-либо описания. Поиск новых памятников тоже оказался невозможен. А то, что существующая археологическая карта Нижней Нубии далека от совершенства, показывают современные исследования на севере Судана, где ежегодно находят десятки, а в ходе спасательных кампаний и сотни ранее неизвестных памятников.

С другой стороны, пустынные области Нижней Нубии не были затоплены водами озера, и сегодня там можно вести раскопки, используя современные методики. Речь идёт в основном о неолитических стоянках и торговых путях, но без изучения на должном уровне соответствующих памятников в долине мы рискуем получить искажённую картину древней действительности.

Наконец, нубийская археология активно развивается на территории Судана. Здесь тоже строят свои плотины и затопливают древние памятники, но масштабы пока несравнимы с трагедией 1960-х годов. На севере Судана работают многочисленные экспедиции, однако опять же, без возвращения к памятникам Нижней Нубии на новом уровне последних достижений в области методики археологических раскопок имеющаяся картина оказывается ущербной. Например, в 80 километрах к югу от современной египетско-суданской границы по счастливой случайности частично сохранилась крепость Уронарти, основные слои которой относятся к Среднему царству. С 2011 года там ведут раскопки специалисты из Австрии и США. Уронарти была одним из многочисленных египетских фортов, которые

возвели или обновили цари XII династии для контроля за нубийскими территориями. Это были символы египетского могущества в регионе и ровно так к ним, как правило, и подходили ранние исследователи, искавшие, прежде всего, информацию о египетском присутствии, но не о сложной природе взаимодействия египетского и нубийского населения. Современные раскопки в Уронарти ставят своей задачей методичное и кропотливое изучение не только самого форта, но и прилегающих к нему территорий с целью выяснения действительного характера жизни в крепости, где были найдены следы нубийского присутствия, её административного, политического, экономического и культурного значения. Уронарти может стать интересным примером изучения на локальном уровне такого сложного исторического явления как египетский колониализм эпохи Среднего царства, которое не могло быть простым и прямолинейным. Скорее всего, это был сложный и динамичный комплекс долгосрочных взаимодействий и краткосрочных контактов с местным населением, истинную природу которого ещё только предстоит установить⁶⁴. Но, опять же, без соответствующего изучения других египетских крепостей, оказавшихся под водой, данные по Уронарти, увы, окажутся вне широкого исторического контекста. Где-то в глубине души у каждого египтолога есть незаживающая рана – это трагедия погибшей Нубии.

⁶⁴ Bestock L., Knoblauch Ch. Revisiting Middle Kingdom Interactions in Nubia: the Uronarti Regional Archaeological Project // *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2014. Vol. 6.4. P. 32–35.

ГЛАВА 2. АРХЕОЛОГИЯ МИРАЖЕЙ: НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ В ПУСТЫНЯХ

СТРАНА, КОТОРУЮ МОЖНО ОХВАТИТЬ ОДНИМ ВЗГЛЯДОМ

Если выйти в ясную погоду из наших гробниц в Гизе и взобраться на плато, то перед вами откроется вид, по-настоящему захватывающий дух. Позади будут пирамиды и гробницы знати, обозначающие границу мира живых и мира мертвых. Прямо под ногами будут лепиться друг к другу деревенские лачуги, которые незаметно переходят в гигантский город и небоскребы центрального Каира. Направо – изумрудная полоса из миллионов финиковых пальм – это нильская долина. Налево – зелёное море с островами домов – это Дельта. А прямо, сразу за небоскребами, горы Мукаттама и опять безжизненная пустыня. Это и есть весь Египет, страна, которую можно окинуть одним взглядом. Как справедливо заметил в одной из своих статей Дэвид Джефрис, «очень немногие представители древних цивилизаций были столь же осведомлены об окружающем их ландшафте, как жители Долины Нила»⁶⁵. Уникальная география Египта должна была породить крайне своеобразное мироощущение, пронизанное пониманием своей самобытности и самой тесной связи с родными берегами.

Долгое время было принято считать, что, в отличие, скажем, от географически открытых Месопотамии или Сирии, своеобразный культурный ландшафт Египта, защищённый естественными стенами из пустынь и гор, способствовал формированию самодостаточной и во многих отношениях изолированной цивилизации. Конечно, учёные не могли не признавать, что чужеземные этнические группы проникали в Египте на протяжении всей его истории, принося с собой новые идеи, технологии, опыт и участвуя в экономическом и политическом развитии страны. Но такое влияние в основном прослеживалось лишь в относительно поздние периоды существования древнеегипетского государства, считалось малозначительным или уж точно не решающим в развитии культурного облика египетской цивилизации⁶⁶. Однако новейшие исследования показывают, что египтяне вовсе не ощущали себя изолированными от остального мира, а пронизанные древними караванными путями пространства пустынь, которые в начале III тыс. до н.э., кстати, даже не были ещё пустынями, не столько разъединяли, сколько соединяли жителей долины с их кочевыми и полукочевыми соседями.

Конечно, официальные царские тексты, особенно со времен Среднего царства, нередко упоминают «границы», которые были «расширены», «отодвинуты» или «укреплены». Однако представление о «границах» как рубеже, за которым заканчивается политическая власть египетского царя, возможно, принадлежало преимущественно к сферам официальной идеологии и самоощущения элит⁶⁷. Письменные источники позволяют заключить, что для верхушки египетского общества мир делился на две части – «Черную землю», под которой мыслился собственно Египет с его плодородными пашнями и благодатным климатом, и «пустыни» – огромные чужеродные пространства, окружавшие нильскую долину. Соотношение и борьба этих двух стихий теоретически должны были определять всю жизнь древнеегипетского общества. Выход в пустыню, где сила и власть египетского царя, особенно с Первого Переходного периода, считались ограниченными, должен был восприниматься как выход в космос.

⁶⁵ Jeffreys D. *Regionality, Cultural and Cultic Landscapes* // Wendrich W. (ed.) *Egyptian Archaeology*. Singapore, 2010. P. 102.

⁶⁶ Schneider T. *Foreign Egypt: Egyptology and the Concept of Cultural Appropriation* // *Egypt and the Levant*. 2003. Vol. 13. P. 155.

⁶⁷ Schneider T. *Foreigners in Egypt. Archaeological Evidence and Cultural Context* // Wendrich W. (ed.) *Egyptian Archaeology*. Singapore, 2010. P. 146–148.

Пустыня являлась древней прародиной жителей нильской долины, и память об этом продолжала жить, она хранила в себе несметные природные богатства, но она же была и постоянным источником опасности. Это обстоятельство выразилось в сложном и очень противоречивом отношении египтян к окружающим их территориям. В реальности люди, жившие по египетскому пограничью, да и простые жители долины, регулярно сталкивавшиеся с прибывавшими из пустыни группами чужеземцев или пастушескими племенами, занявшими неудобья в устьях вади и на окраине песков и болот, наверняка воспринимали границу с пустыней как нечто очень проницаемое.

Граница была не столько пределом египетской цивилизации, сколько сложной контактной зоной, где оседлые египтяне и подвижные группы жителей пустынь и полупустынных окраин обменивались опытом, торговали, сотрудничали в деле эксплуатации природных богатств и воевали. Ливийские племена с запада и северо-запада, азиаты с северо-востока и нубийцы с юга и востока постоянно проникали в долину в качестве торговцев, наёмников, пленников или поселенцев⁶⁸. Это был сложный и крайне любопытный мир, где бок о бок жили пастухи, охотники, крестьяне и горожане⁶⁹, а над всем этим возвышались громады пирамид.

Покрытая мощными отложениями ила, египетская долина Нила, как и древняя Месопотамия, была бедна полезными ископаемыми. Это если не считать, конечно, что, в отличие от жителей Месопотамии, у египтян под боком был, хотя бы, строительный камень (известняк, кварцит, песчаник и гранит), причём в избытке. Все остальные материалы, необходимые для возведения храмов и гробниц или удовлетворения спроса элит на престижные товары, а это, прежде всего, металлы, самоцветы, дерево, слоновая кость и благовония, древним египтянами приходилось добывать за пределами нильской долины. Благо области, окружавшие Египет, были весьма разнообразны и скрывали в своих недрах почти все материалы, необходимые для поступательного развития древнеегипетской цивилизации на протяжении тысяч лет вплоть до начала железного века. А вот железа прилегающие пустыни практически не скрывали, что не в последнюю очередь стало причиной упадка древнеегипетской цивилизации.

Для добычи ценных материалов египтяне снаряжали за пределы долины Нила многочисленные экспедиции. До недавнего времени мы черпали знания о них в основном из текстов, найденных как в долине, так и, прежде всего, за её пределами, где их оставляли на стенах и скалах сами участники предприятий. Тексты эти сообщали о гигантских отрядах, численность которых могла достигать десятков тысяч человек. Исследователи рисовали эпические картины: облака пыли, поднимающиеся из-под ног тысяч людей, целых армий, которые по воле фараонов направлялись в пустыни на поиски гигантских блоки для царских саркофагов и статуй, золота и меди. Однако недавние археологические открытия заставляют усомниться в их объективности. Долгое время пустынные области почти не привлекали внимания археологов, ведь в долине работать не только легче, но и, как казалось, перспективнее. Пустынная археология требует значительных затрат: машины, топливо, завоз воды и еды, полевые генераторы, палатки – каждый человек обходится очень дорого. Однако сегодня в египетских пустынях работают десятки небольших экспедиций, которые взяли за эти затраты. Почему? С одной стороны, современная политика Министерства по делам древностей Египта поощряет исследование областей за пределами нильской долины, легко выдавая концессии на новые памятники. А, с другой стороны, специалисты, работающие

⁶⁸ Schneider T. *Ausländer in Ägypten während des Mittleren Reiches und der Hyksoszeit*. Teil 1: *Die ausländischen Könige*. Wiesbaden, 1998. S. 7–30. Sowada K.N. *Egypt in the Eastern Mediterranean During the Old Kingdom: An Archaeological Perspective*. Fribourg, 2009. P. 200–202. Seidlmayer S.J. Nubier im ägyptischen Kontext im Alten und Mittleren Reich // *Difference and Integration*. 2001. Vol. 1.2. P. 89–113.

⁶⁹ Moreno García J.C. La gestion des aires marginales: *phw*, *gs*, *tnw*, *sh*t au IIIe millénaire // Woods A., McFarlane A., Binder S. (ed.) *Egyptian Culture and Society. Studies in Honour of Naguib Kanawati*. Vol. 2. Le Caire, 2010. P. 49–69. Moreno García J. C. Limits of Pharaonic Administration: Patronage, Informal Authorities, ‘invisible’ elites and mobile populations // Bárta M., Küllmer H. (ed.) *Diachronic Trends in Ancient Egyptian History: Studies Dedicated to the Memory of Eva Pardey*. Prague, 2013. P. 96–99.

сегодня в пустынях, прекрасно понимают, что оказались на совершенно неисследованной территории и находятся теперь в авангарде египтологической науки. Пустыни сегодня – один из главных поставщиков самых интересных археологических открытий на территории Египта.

КАМЕНОЛОМНИ, РУДНИКИ И КАРАВАННЫЕ ПУТИ СРЕДИ ВЫСОХШИХ РЕК

Области к востоку от нильской долины принято называть Восточной пустыней. Многие наши соотечественники видели её из окон своих отелей в Хургаде, во время сафари или по пути с красноморского побережья на экскурсии в Луксор или Каир. При этом мало кто знает, что суровые скалы по берегам древних вади Восточной пустыни скрывают многочисленные сокровища. Древние речные долины были удобными транспортными артериями, по которым тысячи лет перемещались люди, товары и идеи. Сегодня во многих вади можно найти удивительные наскальные рисунки, экспедиционные надписи, остатки поселений рудокопов и каменщиков, занесённые песком древние колодцы, храмы и путевые станции, развалины римских башен и небольших фортов. Земли эти были богаты самыми различными полезными ископаемыми, но особый интерес для египтян представляли золото, медь, граувакка и шифер, серпентин и розовый гранит, галенит, шедший на изготовление знаменитой египетской черной краски для глаз, и поделочные камни.

Самой значительной пустынной долиной, сыгравшей заметную роль в египетской истории, не только экономической, но также политической и культурной, можно считать Вади Хаммамат — широкое вади, протянувшееся через всю Восточную пустыню от Коптоса (современный Кифт) до порта эль-Кусейр. Эта долина обеспечивала кратчайший путь между Нилом и побережьем Красного моря, который в этом месте составляет всего около 160 километров. В самом Вади Хаммамат добывали в основном ценные породы камня, однако менее крупные долины к северу и югу скрывали месторождения золота и самоцветов. В древности путь через Вади Хаммамат активно использовался, свидетельством чему служат более 500 наскальных надписей, созданных в период с III тыс. до н.э. до римского времени⁷⁰. И это только опубликованные письменные памятники без учёта сотен наскальных изображений (петроглифов); ещё около 250 надписей сейчас обрабатываются и ожидают своей публикации⁷¹. Многие из найденных граффити принадлежат торговцам и военным, следовавшим по вади к Нилу или Красному морю, но большинство текстов фараоновского времени, судя по всему, всё же связано с добычей в этом регионе камня и золота.

Граувакка из Вади Хаммамат, наряду с асуанским гранитом и нубийским гнейсом, была одной из самых используемых в Египте ценных пород камня. Например, уже на рубеже IV и III тыс. до н.э., в додинастический и раннединастический периоды, из неё изготавливали каменные сосуды и палетки – пластины, использовавшиеся для растирания красок. Именно из граувакки выполнена вотивная палетка Нармера – один из самых знаменитых египетских памятников и настоящий символ архаического Египта. Из граувакки с начала египетской государственности (т.е. в эпоху Раннего царства) изготавливали царские статуи, а с Древнего царства — саркофаги. Долговечность этой породы, возможность тонкой шлифовки, а также зеленоватый оттенок, имевший в древнеегипетской культуре множество положительных

⁷⁰ Первые копии отдельных надписей из Вади Хаммамат были сделаны участниками экспедиции Карла Рихарда Лепсиуса, с которыми мы уже неоднократно сталкивались на страницах этой книги. А вот следующим европейским исследователем, работавшим в вади, стал наш соотечественник – Владимир Семёнович Голенищев.

⁷¹ Gasse A. Découvertes récentes au Ouadi Hammamat // *Göttinger Miszellen*. 1987. Bd. 101. S. 87. Gasse A. Amény, un porte-parole sous le règne de Sésostris Ier // *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 1988. Vol. 88. P. 83-90. Gasse A. The Wadi Hammamat, the Road to Punt // Kitchen K., Goelet O., Obsomer C. (ed.) *The Festschrift Volume: A Collection of Studies Presented to Professor Abdel Monem Abdel Haleem Sayed: By his European and American Colleagues and Friends on the Occasion of his 80th Birthday*. Alexandria, 2006. P. 293–312.

значений (зелёный – это цвет возрождения, молодости, свежести), сделали граувакку весьма популярным материалом.

Археология Вади Хаммамат исследована пока крайне незначительно. Отчёты исследователей, собиравших эпиграфический материал, полны упоминаний следов древних построек, сложенных из необработанных камней, древних отвалов отработанного материала, каменных орудий или брошенных блоков, даже погребений, однако датировка этих памятников, как правило, неизвестна. Собственно говоря, первый комплексный проект по изучению каменоломен фараоновского времени в Восточной пустыне стартовал лишь несколько лет назад: в 2011 году группа исследователей во главе с Яном Шоу начала работу в Вади Хаммамат. Результаты продолжающегося проекта пока не опубликованы, однако известно, что исследователи сделали основной упор в своей работе на изучении культурного ландшафта, формировавшегося в вади на протяжении нескольких тысяч лет, обнаружили новые надписи и изображения, а в интерпретации археологического материала основной своей задачей учёные видят выяснение социальной структуры древнеегипетских экспедиционных отрядов и реконструкцию созданных здесь производственных цепочек.

Проект обещает принести интересные результаты, ведь Ян Шоу и специалисты его группы уже имеют богатый опыт интерпретации сложного эпиграфического и археологического материала из рудников и каменоломен. Так, предыдущим проектом исследователей было изучение древних каменоломен Хатнуба.

МЕСТО, ГДЕ ДОБЫВАЛИ СОЛНЕЧНЫЙ КАМЕНЬ

Сегодня Хатнуб, что в переводе с египетского означает «Обитель золота», – это название группы каменоломен, расположенных на восточном берегу Нила в 17–18 километрах к юго-востоку от Телль эль-Амарны, знаменитой столицы фараона-еретика Эхнатона. В древности в этих каменоломнях добывался травертин. Читателям этот камень больше известен под именем алебастра, хотя в литературе используются также названия кальцит и «египетский алебастр». Это очень красивая мягкая порода янтарного или молочного цвета. Пожалуй, самые известные изделия из травертина – вазы, сосуды и канопы – происходят из гробницы Тутанхамона. Попадая на солнце, недавно обработанный травертин будто светится изнутри. За это своё качество, а также за податливость в работе травертин высоко ценился древнеегипетскими мастерами. Археологический материал и иероглифические надписи говорят о том, что разработка месторождений травертина велась в Хатнубе со времен IV династии вплоть до римского периода. Однако в действительности местные выходы ценного камня, видимо, начали осваивать гораздо раньше⁷². Так, под знаменитой пирамидой Джосера в Саккаре были найдены раннединастические травертиновые сосуды, на которых указывалось, что они были сделаны из хатнубского камня.

Хатнубские разработки были открыты и впервые обследованы в 1891 году Перси Ньюберри и Говардом Картером, который спустя десятилетия прославится благодаря обнаружению гробницы Тутанхамона. Другой знаменитый английский исследователь, о котором шла речь в первой части книги, сэр Уильям Флиндерс Питри, разделил все выявленные на территории Хатнуба каменоломни на три группы, обозначив их как каменоломни «Р», «R» и «Т». В каменоломнях «Р» и «Т» были обнаружены многочисленные граффити эпохи Древнего, Среднего царств и Первого Переходного периода (так принято называть эпоху смут между Древним и Средним царствами), выполненные в основном краской прямо на стенах древних разработок. К концу 1920-х годов все найденные надписи были опубликованы.

⁷² Shaw I. *Hatnub: Quarrying Travertine in Ancient Egypt*. London, 2010.

На протяжении пяти сезонов с 1985 по 1994 годы в каменоломнях работала экспедиция под руководством Яна Шоу, благодаря которой каменоломни, прилегающие к ним постройки и пути к Нилу были тщательно задокументированы. Самыми большими разработками в Хатнубе были каменоломни «Р». Древние подземные галереи со временем обвалились, образовав огромный овальный колодец длиной около 70 метров, шириной около 50 метров и глубиной до 15 метров. Было замечено, что обвал, судя по всему, произошёл довольно рано, где-то между IV и VI династиями, так как по верх рухнувшего свода была найдена надпись VI династии. Вполне возможно, что под гигантским слоем обрушения сокрыты гораздо более ранние надписи, которые ещё только предстоит обнаружить. Пока же самые ценные находки были сделаны к юго-востоку от каменоломен, где расположились остатки поселения, возведённого на рукотворном холме, сложенном из отходов каменоломни. Изученные конструкции – всего их было выявлено 29 – сложены из грубого камня; они сохранились на несколько рядов кладки и состоят, как правило, из нескольких комнат, число которых варьируется от 2 до 9. Керамический материал позволяет отнести момент основания поселения к ранней части Древнего царства, хотя люди продолжали использовать его и позднее, на протяжении всего времени разработки каменоломен вплоть до эпохи Нового царства. Ещё около 470 различных древних конструкций разбросаны в окрестностях каменоломен на площади в несколько квадратных километров. Некоторые из них, судя по расположению, могли быть сторожевыми пунктами, другие — складами, но большинство построек, вероятно, использовались как временные жилища. Если компактное поселение, возможно, служило местом пребывания руководителей и администрации рабочих отрядов, а также наиболее опытных мастеров, то разбросанные в окрестностях скромные хижины могли быть укрытиями для основной массы рабочих. Кроме того, была исследована рукотворная дорога, созданная египтянами для транспортировки крупных травертиновых блоков к долине Нила. Это оказалось сложное инженерное сооружение, сочетавшее участки расчищенной от камней пустынной поверхности с пандусами и насыпями для преодоления вад.

С 2012 года в Хатнубе работает группа исследователей из Французского института восточной археологии и Ливерпульского университета. Главной сенсацией в первый же сезон стало обнаружение практически всех ранее опубликованных надписей, которые прежде считались утерянными, а также более 60 новых надписей и изображений. Любопытно, что, помимо традиционных методов копирования и обработки эпиграфического материала, исследователи использовали для обнаружения новых надписей опыт коллег, занимающихся поиском наскальных рисунков, – обработку цифровых фотографий различными фильтрами в специально разработанных для этого приложениях. По словам участников проекта, это позволило выявить изображения и надписи, которые невооруженному глазу были практически не видны.

Восточная пустыня только начинает раскрывать свои тайны. Сотни древних рудников, каменоломен и поселений остаются нераскопанными, пустынные вад и пещеры ещё хранят неизвестные рисунки и надписи, а вдоль древних путей наверняка ждут своего часа забытые склады с провиантом. Новые материалы позволяют гораздо лучше понять, как функционировала сложная и разветвлённая инфраструктура, созданная египтянами за пределами Египта для торговли, военных кампаний и добычи материалов за тысячи лет до рождения Римской империи.

ПОЛУОСТРОВ БОГИНИ ХАТХОР: НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ НА СИНАЕ И НЕ ТОЛЬКО

Главными сырьевыми товарами современного мира являются нефть и газ. За них ведутся войны, вокруг их месторождений создаются и рушатся государства. А какое сырьё играло столь же большую роль в III тыс. до н.э.? Это медь. Контроль над источниками меди автоматически означал доступ к новейшим технологиям, экономическому процветанию и

военным успехам. В эпоху Древнего царства египтяне широко использовали медь для производства инструментов, оружия, сосудов, статуй, музыкальных инструментов, украшений. Медь ценилась очень высоко. Например, на строительных площадках существовали писцы, которые вели учёт сточенных медных орудий и отвечали за их своевременную замену. Без медных пил, зубил, долот, тёсел не был бы возможен ни один крупный строительный проект Древнего царства, не говоря уже о возведении пирамид, на строительные площадки которых должны были поставляться колоссальные объёмы меди. Эксперименты с медными беззубыми пилами и трубчатыми свёрлами показали, что на стачивание только одного 1 кубического сантиметра розового асуанского гранита при использовании абразива в виде кварцевого песка уходит в среднем 250 грамм меди⁷³. Возможно, впрочем, не вся она исчезала бесследно. Теоретически египтяне могли собирать отработанный абразив и после промывки извлекать из него частички меди для повторной переплавки.

В наших гробницах мы тоже постоянно находим следы медных зубил и точильные камни со следами медных окислов. В заполнении шахт Древнего царства регулярно встречаются небольшие окислившиеся фрагменты меди – следы стачивания медных орудий. Кстати, однажды наш архитектор обратил внимание, что, наткнувшись на жилу твердого камня, египетские мастера почему-то часто старательно её обходили, из-за чего стены и потолки часовен, а также шахт и погребальных камер нередко выходили неровными. Возможно, ответ очень прост: египтяне экономили медные орудия и не хотели попусту их стачивать о твердый камень.

Доступные египтянам источники меди находились в Восточной пустыне, на Синае, а также в Нубии. Вполне возможно, что египетское государство уже в раннединастическую эпоху начало отправлять собственные экспедиции на Синай за медью и бирюзой, покровительницей которых считалась богиня Хатхор. Археологических подтверждений этому пока не найдено, а вот изображения и имена царей I династии на Синае были обнаружены в 2008 году⁷⁴. Вполне возможно, что египтяне в это время много воевали на полуострове, стремясь обеспечить надёжный контроль над медными рудниками. Не исключено, что именно этим объясняется прекращение жизни на многих синайских поселениях в конце II династии.

Свидетельства египетского присутствия на Синае в эпоху Древнего царства – надписи, керамика, остатки построек – концентрируются в двух районах – Вади Магара и Вади Хариг. Тексты из Вади Магара упоминают в качестве цели египетских экспедиций исключительно бирюзу, однако археологические свидетельства недвусмысленно говорят о существовании на полуострове египетских медеплавильных производств⁷⁵. Добыча меди на Синае в эпоху Древнего царства подтверждается титулами некоторых участников экспедиций – например, «инспектор медных дел мастеров» и «писец меди».

Во времена строительства пирамиды Хуфу на побережье Красного моря в районе Вади эль-Джарф, примерно в 220 километрах к северу от Хургады, функционировала якорная стоянка и существовала сложная портовая инфраструктура, созданная для доставки в Египет синайской меди. Судя по всему, порт и поселение при нём были частью гораздо более сложной и разветвлённой инфраструктурной сети, протянувшейся в разные концы египетской ойкумены с целью обеспечения непрерывных поставок различных материалов в

⁷³ Stocks D.A. *Experiments in Egyptian Archaeology. Stoneworking Technology in Ancient Egypt*. London, New York, 2003. P. 133.

⁷⁴ Tallet P., Moustafa R.I. Trois bas-reliefs de l'époque thinite au Ouadi el-Humur: aux origines de l'exploitation du Sud-Sinaï par les égyptiens // *Revue d'égyptologie*. 2008. Vol. 59. P. 155-174. Tallet P., Laisney D. Iry-Hor et Narmer au Sud-Sinaï (Ouadi 'Ameyra). Un complément à la chronologie des expéditions minières égyptiennes // *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 2012. Vol. 112. P. 381-398.

⁷⁵ Mumford G.D. Tell Ras Budran (Site 345): Defining Egypt's Eastern Frontier and Mining Operations in South Sinai during the Late Old Kingdom (Early EB IV/MB I) // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research in Jerusalem and Baghdad*. 2006. Vol. 342. P. 33, 37.

столичные царские мастерские и в Гизу, где был начат один из самых амбициозных строительных проектов в истории человечества.

Развалины в устье Вади эль-Джарф были впервые обнаружены Джоном Гарднером Уилкинсоном ещё в 1832 году. Затем они вновь были найдены и описаны двумя французскими любителями древностей, которые обследовали развалины в 1954 и 1956 годах. Разразившийся вскоре Суэцкий кризис вынудил их прекратить свои изыскания. В 2008 году воспоминания участников тех событий были опубликованы, после чего Вади эль-Джарф привлекло внимание Пьера Талле, выдающегося исследователя северного Красноморья. Его, в частности, заинтересовали описания подземных галерей, которые очень напоминали скальные конструкции, найденные им незадолго до этого близ древнего порта в Айн-Сохне. В 2011 году в Вади эль-Джарф начались планомерные археологические исследования, которые привели к поистине сенсационным открытиям.

К настоящему времени исследователям удалось обнаружить в устье вади около 30 древних галерей, часть из которых уже удалось полностью раскопать. Галереи были складами, в которых хранились кувшины с провизией и деревянные детали кораблей. Неподалеку находится поселение, исследовать которое ещё только предстоит. Судя по всему, поселение и галереи были перевалочным пунктом для экспедиций, шедших к морю из нильской долины через Вади эль-Джарф. Примерно в 5 километрах от галерей, на берегу Красного моря, был исследован древний пирс. Под водой в районе пирса исследователям удалось обнаружить более 20 каменных якорей. Рядом с пирсом раскопано крупное здание, где были сложены ещё около 100 каменных якорей. Между галереями и портовыми сооружениями расположено пока неисследованное здание площадью 60 x 30 метров. На данный момент это самая крупная египетская постройка Древнего царства, найденная в Восточной пустыне, но её назначение не установлено.

Однако открытием, по-настоящему прославившим Вади эль-Джарф, стало обнаружение в 2013 году самых древних из известных на сегодня папирусов. Сотни папирусных фрагментов, некоторые из них длиной до 80 сантиметров, были найдены прямо у входа в первые две галереи. Среди обнаруженных документов наибольшей важностью обладает личный журнал некоего Мерера, который, будучи «инспектором», руководил группой примерно в 200 рабочих, занятых на строительстве пирамиды Хуфу! Удивительно, но журнал Мерера, похоже, ничего не сообщает о том, чем он занимался на берегу Красного моря. Зато в таблицах журнала содержится подробный учёт работ, связанных с транспортировкой каменных блоков из каменоломен Туры к строительной площадке в Гизе. Согласно журналу, на доставку партии блоков к подножию пирамиды уходило 4 дня. За день до прибытия в Гизу блоки регулярно оказывались в некоем центре под названием «Озеро Хуфу» или «Порт озера Хуфу». Это место находилось в ведении «начальника всех работ царя» Анххафа – знаменитого сановника, чья монументальная мастаба расположена недалеко от наших гробниц в Гизе. Судя по всему, блоки, доставленные Мерером, использовались для облицовки пирамиды Хуфу; те самые, что впоследствии были сняты и пошли на строительство средневекового Каира. Найденный рядом с журналом дневник Мерера датируется 27 годом правления Хуфу. Это последний известный год царствования знаменитого фараона, поэтому можно предположить, что журнал описывает финальную стадию строительства пирамиды.

Эта же дата позволяет предположить, что делал Мерер в Вади эль-Джарф, а также почему он выбросил здесь свой журнал. Дело в том, что входы в найденные галереи были закрыты гигантскими блоками из местного известняка, которые по размерам похожи на блоки, использованные при строительстве пирамиды. Судя по всему, на финальном этапе строительства пирамиды в Гизе или вскоре после её завершения Мерер был отправлен в Вади эль-Джарф, чтобы законсервировать порт и всю его инфраструктуру до момента реализации будущих строительных проектов. Мерер прекрасно знал, как обращаться с крупными блоками, поэтому входы в галереи были запечатаны профессионально: блоки спускали по слою жидкой глины, а оставшиеся щели заделали прочным раствором. Это

должно было предохранить галереи от попадания воды. Закончив работу, Мерер распродался с журналом и дневником: они были больше не нужны, ведь строительство пирамиды было завершено, а связанная с ним инфраструктура свёрнута⁷⁶.

Тщательно законсервированный порт Хуфу, расположенный всего в 50 километрах от синайского берега, так и не возобновил свою работу. Основную нагрузку по доставке меди для будущих пирамид, видимо, принял на себя более северный порт в районе Айн-Сохна, где были обнаружены печати с картушами Хафра и Ниусерра, а также граффито времен Джедкара-Исеси. Хотя расстояние от Айн-Сохны до синайских рудников по морю было значительно больше, однако сама стоянка находилась гораздо ближе к столице, что и предопределило её устойчивое существование и в эпоху Среднего царства. Галереи, порт и медеплавильные производства Среднего царства, найденные в Айн-Сохне – ещё одно важнейшее открытие египетско-французской команды под руководством Махмуда Абд эль-Рафика и Пьера Талле⁷⁷.

В конце Древнего царства на западном побережье южного Синая, прямо напротив Вади эль-Джарф и неподалеку от основных рудников, был выстроен форт Телль Рас-Будран. Необычная для египетской архитектурной традиции круглая крепость имела в диаметре 44 метра. Сохранившиеся стены поднимаются на высоту 3,5 метров, расширяясь к основанию до 7,5 метров. По расчётам исследователей, форт мог вмещать 25–30 солдат⁷⁸. Неподалёку от крепости находилась удобная якорная стоянка для кораблей, функционировавшая, видимо, уже во времена Хуфу, когда на противоположном берегу существовал порт.

Появление форта в Телль Рас-Будран было связано, очевидно, с усилением давления местных племён на египетские границы и рудники. Похоже, экологический кризис, охвативший в XXIII веке до н.э. регион Восточного Средиземноморья, вынуждал синайские племена действовать более решительно. К концу Древнего царства египтяне были вынуждены прекратить эксплуатацию синайских рудников; в то же самое время азиаты проникают и оседают в Дельте. Поражённый экономическим и политическим кризисом, Египет, судя по имеющимся пока данным, примерно на 300 лет потерял способность организовывать крупные экспедиции на Синай.

ТОРГОВЦЫ, ЧИНОВНИКИ И ВОИНЫ В МИРЕ БЕСКРАЙНИХ ПЕСКОВ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В ЗАПАДНОЙ ПУСТЫНЕ

Египетская Западная пустыня славится своими неземными ландшафтами, которые сложены белыми скалами и песчаными дюнами. Но, в отличие от Восточной пустыни, области к западу от нильской долины бедны полезными ископаемыми. Древним египтянам были известны месторождения гипса в Умм эль-Саван, базальта в Видан эль-Фарас и натрона в Вади Натрун, которые разрабатывались по крайней мере с раннединастического времени. Но единственным местом в египетской Западной пустыне, где обнаружены экспедиционные надписи Древнего царства, является оазис Дахла, на окраине которого египтяне добывали глинозёмы для производства красок.

Стратегическая важность Западной пустыни состояла не столько в полезных ископаемых, сколько в доступе к оазисам и торговым путям на юг. В последние два десятилетия Западная пустыня стала привлекать к себе всё более пристальное внимание

⁷⁶ Tallet P., Marouard G. The Harbor of Khufu on the Red Sea Coast at Wadi al-Jarf, Egypt // *Near Eastern Archaeology*. 2014. Vol. 77.1. P. 4–14.

⁷⁷ Tallet P., Abd el-Raziq M., Castel G., Ghica V. *Les inscriptions d'Ayn Soukhna*. Le Caire, 2002. Abd el-Raziq M., Castel G., Tallet P., Fluzin P. *Ayn Soukhna II. Les ateliers métallurgiques du Moyen Empire*. Le Caire, 2011.

⁷⁸ Mumford G.D. Tell Ras Budran (Site 345): Defining Egypt's Eastern Frontier and Mining Operations in South Sinai during the Late Old Kingdom (Early EB IV/MB I) // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research in Jerusalem and Baghdad*. 2006. Vol. 342. P. 13–67.

археологов и эпиграфистов. Новые открытия неожиданно пролили свет на сложную инфраструктуру, созданную древними египтянами в этих неприветливых, но безумно красивых землях ещё в III тыс. до н.э.

Оазисы Западной пустыни стали интересовать египтян ещё во времена становления первого централизованного государства. Видимо, ресурсы, оказавшиеся в руках египетских правителей, позволяли рассчитывать на получение контроля над этими территориями. Примерно тогда же, видимо, начал активно использоваться основной торговый путь из нильской долины на запад. Начинаясь где-то в районе современного Арманта в Среднем Египте, он шел к оазисам Харга и Дахла. К началу Древнего царства климатические условия в египетской Западной пустыне напоминали уже современные, однако приток артезианских вод в оазисы мог сохраняться на прежнем уровне в течение всей VI династии, что облегчало рытьё колодцев, необходимых вдоль караванных путей. Продолжавшиеся время от времени дожди также делали жизнь населения нынешней пустыни несколько менее сложной⁷⁹.

Центром египетского проникновения в регион, очевидно, стал оазис Дахла. При IV и V династиях египтяне уже прочно обосновались здесь, защитив южные и восточные рубежи оазиса с помощью сторожевых постов. Таких укрепленных пунктов к настоящему времени известно уже более десятка⁸⁰. Изображения солдат на скалах вблизи раскопанных укреплений и отдельные оттиски печатей, найденные при раскопках, свидетельствуют о том, что эти наблюдательные пункты были частью разветвлённой и хорошо снабжаемой военной инфраструктуры, призванной защитить египетские поселения в оазисе от неожиданного нападения.

Недавно в 60 километрах к юго-западу от оазиса Дахла был обнаружен экспедиционный лагерь с надписями эпохи Древнего царства. Эта находка доказывает, что пустынные территории за пределами оазиса были освоены египтянами уже при IV династии⁸¹. Важно отметить, что основная часть керамики, найденная в лагере, была местного производства.

Обнаруженный лагерь расположен всего в нескольких километрах от знаменитого Абу-Балласского пути, шедшего далеко на юг. Вдоль этого пути, правда, пока не найдены предметы раннего Древнего царства⁸². Можно предположить, что египтяне времени строительства Великих пирамид знали о существовании Абу-Балласского пути, но не использовали или почти не использовали его, удовлетворяя внутренний спрос на престижные товары южных стран благодаря торговле через крепости в Бухене и на Элефантине.

В конце V династии у восточной границы оазиса Дахла, близ современной деревушки Балат, египтяне основали поселение Айн-Асиль. Остатки этого поселения были впервые обнаружены в 1947 году. С 1977 года там ведёт работы регулярная французская экспедиция, которая выяснила, что Айн-Асиль был важным административным, производственным и логистическим центром, жизнь в котором не прерывалась даже в эпоху Первого Переходного периода. В конце Древнего царства здесь сложилось любопытное сообщество со своими местными культами и, вероятно, своеобразным мироощущением. Живя на опасном пограничье в эпоху, когда давление со стороны кочевых племен, вероятно, начинало усиливаться, эти египтяне должны были трепетно относиться к своей далекой родине, но одновременно наверняка ощущали самую тесную связь с пустыней и людьми, которые там жили.

⁷⁹ Butzer K.W. Climatic History // Bard K.A. (ed.) *Encyclopedia of the Archaeology of Ancient Egypt*. London – New York, 1999. P. 230. Hassan F.A. Paleoclimate, Food and Culture Change in Africa: An Overview // Hassan F.A. (ed.) *Droughts, Food and Culture*. New York, 2002. P. 11–26.

⁸⁰ Riemer H. von et al. Zwei pharaonische Wüstenstationen südwestlich von Dachla // *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Institut, Abteilung Kairo*. 2005. Bd. 61. S. 291–350.

⁸¹ Wagner G., Heller K. Chufu 01/01 – a Pharaonic Outpost in the Western Desert of Egypt // Kabaciński J., Chłodnicki M., Kobusiewicz M. (eds.) *Prehistory of Northeastern Africa. New Ideas and Discoveries*. Poznań, 2012.

⁸² Förster F. With Donkeys, Jars and Water Bags into the Libyan Desert: The Abu Ballas Trail in the Late Old Kingdom / First Intermediate Period // *British Museum Studies in Ancient Egypt and Sudan*. 2007. Vol. 7. P. 1–36.

Если оазис Дахла был сердцем египетского влияния в регионе, то древние торговые пути являлись чем-то вроде артерий, по которым это влияние распространялось дальше. Одним из самых важных караванных маршрутов был Абу-Баллаский путь.

Начиная с открытия в 1917 году древних складов сосудов в местечке Абу-Баллас к юго-западу от Дахлы, учёные занимались поиском путей, связывавших Западную пустыню с нильской долиной и Суданом. Однако исследования эти не носили систематического характера и не имели успеха до тех самых пор, пока в 1999 году немецкий путешественник и отважный исследователь пустыни Карло Бергманн, привыкший в одиночку пересекать пески, не обнаружил сразу несколько археологических памятников с керамикой различных эпох. Открытие Бергманна позволило установить направление древнего пути, соединявшего Айн-Асиль с плато Гильф Кебир и далее, возможно, с Гебель Увейнат, где несколько лет назад была обнаружена иероглифическая надпись XI династии, упоминающая доставку благовоний из нубийской страны Иам⁸³. На сегодняшний день вдоль Абу-Балласского пути обнаружено уже порядка 30 древних промежуточных станций, большинство которых, видимо, были основаны ещё в конце Древнего царства или в эпоху Первого Переходного периода. Караваны гружёных товарами ослов могли покрыть по этой дороге расстояние от Дахлы до Гильф Кебира примерно за две недели. И, хотя соответствующих археологических свидетельств пока не обнаружено, кажется вполне вероятным, что 400-километровый путь продолжался дальше на юг, достигая территории Судана, Южной Ливии или Чада⁸⁴.

ЗА ГНЕЙСОМ В САВАННУ

Основным источником египетских текстов в Нубии за пределами нильской долины являются гнейсовые каменоломни Гебель эль-Аср и аметистовые рудники в Вади эль-Худи. Месторождение в Гебель эль-Аср расположено в 65 километрах к северо-западу от Абу-Симбела, знаменитого скальными храмами фараона Рамсеса II. В регионе обнаружены несколько каменоломен разного времени — от позднего додинастического периода до эпохи Среднего царства.

Гнейс — очень красивая порода. И очень прочная. Когда оказываешься в Каирском музее или в Музее Имхотепа в Саккаре и видишь великолепно выточенные гнейсовые сосуды, на тебя нападает ступор. Совершенная работа, на которую уходили годы кропотливого труда. А ведь эти годы отдавали люди, жившие совсем немного по современным меркам — всего 25–35 лет. Поэтому каждый сосуд будто имеет какую-то жизненную силу внутри. Изготовление каменных сосудов стало одним из первых занятий, для которого требовались специализированные мастера. Не случайно идеограммой, обозначающей «ремесло» и «ремесленника», в египетском письме стало изображение приспособления для сверления каменного сосуда. Прикоснуться в отшлифованной поверхности гнейсового сосуда было давней мечтой нашего экспедиционного архитектора, для которого такие изделия являются символом непревзойденного мастерства и верности проверенным технологиям (ведь каменные сосуды древние египтяне начали изготавливать еще в Бадарийский период, более 6 тысяч лет назад, и продолжали делать их вплоть до конца своей истории). Счастливая встреча случилась неожиданно: прогуливаясь как-то по Саккаре, он буквально наткнулся на фрагмент гнейсового сосуда, лежавшего среди разбитой керамики на одном из отвалов. В тот день мы все смогли прикоснуться к кусочку жизни древнего мастера.

⁸³ Clayton J., De Trafford A., Borda M. A Hieroglyphic Inscription Found at Jebel Uweinat mentioning Yam and Tekhebet // *Sahara*. 2008. Vol. 19. P. 129–134.

⁸⁴ Förster F. et al. Tracing Linear Structures: Remote Sensing, Landscape Classification and the Archaeology of Desert Roads in the Eastern Sahara / Möhlig et al. (eds.) *Towards Interdisciplinarity. Experiences of the Long-Term ACACIA Project*. Köln, 2010. P. 60.

Почти весь древнеегипетский гнейс, судя по всему, добывался именно в Гебель эль-Аср. Камень здесь встречается двух видов: темный серо-голубой гнейс со светлыми прожилками, использовавшийся в основном для изготовления царских статуй, и его более светлая разновидность с черными вкраплениями, которая шла, как правило, на изготовление каменных сосудов. Обе разновидности гнейса добывали в каменоломнях, начиная с позднего Додинастического периода и вплоть до конца V династии, а затем во времена XII династии. Также здесь разрабатывались месторождения сердолика и других разновидностей халцедона, который в эпоху Среднего царства вообще стал основным объектом добычи в регионе.

Древние каменоломни Гебель эль-Аср были обнаружены в 1932 году, когда заблудившийся во время песчаной бури военный патруль случайно наткнулся на несколько стел. На следующий год место осмотрел куратор Египетского музея Реджинальд Энгельбах. Он тут же вывез в Каир несколько памятников, а в 1938 году организовал разведывательную экспедицию в Гебель эль-Аср, которая и обнаружила основные известные сейчас стелы с надписями и их фрагменты.

С 1997 года до начала 2000-х с некоторыми перерывами в Гебель эль-Аср работал ещё один разведывательный отряд. Он выявил значительные разрушения на месте древних разработок, причинённые строительством современной асфальтовой дороги из Тошки в Гебель Увейнат. В настоящее время работы по консервации и исследованию каменоломен и рудников Гебель эль-Аср продолжаются международной группой специалистов из Великобритании, Норвегии и Египта. К 2008 году им удалось описать 41 крупную каменоломню, более 600 мелких разработок и ещё 166 древних памятников – поселения, стоянки, укрытия, производственные центры, колодцы и пандусы, разбросанные на территории в 12 квадратных километров⁸⁵. Все выявленные каменоломни можно разделить на два типа: каменоломни, где добывались крупные блоки для статуй, и каменоломни, где добывался гнейс для каменных сосудов.

Крупные фрагменты извлекались следующим образом: вокруг будущего блока с помощью гнейсовых, гранитных или базальтовых орудий вырубалась глубокая траншея. Туда закладывался горючий материал и устраивался костер. Когда внешняя поверхность камня достаточно нагревалась, на нее лили воду, в результате чего порода трескалась, и блок отделялся от материнской породы. На этом испытание огнём не заканчивалось. Извлечённый блок вновь подвергался нагреванию и быстрому охлаждению. Это делалось для того, чтобы уже в каменоломнях убедиться в отсутствии внутренних трещин и избавиться от внешних слоёв, подвергшихся эрозии. Очищенные таким образом блоки обрабатывались на месте с помощью каменных рубил различной величины до состояния грубой заготовки будущей статуи или сосуда. В случае необходимости использовали и медные орудия⁸⁶. Так египтяне значительно уменьшали вес транспортируемого к Нилу материала.

В районе каменоломен Гебель эль-Аср были найдены два поселения Древнего царства. Первое состоит из простейших каменных конструкций, сложенных из грубого камня и сохранившихся на высоту лишь одного ряда кладки. Скорее всего, это были основания легких укрытий — шалашей или палаток. Самая крупная постройка, овальная конструкция примерно 7 x 6 метров, а также ряд других исследованных «домов» явно использовались для производства пищи, в частности хлеба и пива. Источником воды, вероятно, был неглубокий колодец, обнаруженный тут же. Второе поселение состоит из конструкций, стены которых сохранились на высоту до трёх рядов кладки. Ещё одно здание из четырёх комнат имеет стены, возвышающиеся на высоту до семи рядов камней. Заметная издалека, эта группа построек, быть может, служила местом пребывания руководства

⁸⁵ Shaw I., Bloxam E., Heldal T., Storemyr P. Quarrying and Landscape at Gebel al-Asr in the Old and Middle Kingdoms / Raffaele F., Nuzzolo M., Incordino I. (eds.) *Recent Discoveries and Latest Researches in Egyptology. Proceedings of the First Neapolitan Congress of Egyptology, Naples, June 18th–20th 2008*. Wiesbaden, 2010. P. 293–312.

⁸⁶ Во время обследования района каменоломен были найдены медное зубило и два точильных камня из местного песчаника, сохранившие следы медных окислов.

экспедиционных отрядов, а также использовалась для хранения и распределения запасов и инвентаря. Керамический материал свидетельствует о длительной истории использования этого поселения, которое функционировало с Раннединастического периода до конца V династии, а затем вновь использовалось во времена Среднего царства⁸⁷.

Сегодня очень сложно определить истинное назначение большинства обнаруженных построек, если не считать, конечно, пекарни и колодца на первом поселении. Некоторые из них могли использоваться как укрытия от жары и ветра для экспедиционной администрации, другие – как склады или мастерские для рабочих. При этом ни одно раскопанное помещение не содержало материалов, которые бы недвусмысленно говорили о его жилом характере. Это наводит на мысль о том, что большинство рабочих ночевали в простых шалашах, тентах или на лежанках, следы которых очень сложно или вообще невозможно обнаружить теперь. Сравнительно небольшое количество собранной керамики и других предметов, найденных внутри и вокруг выявленных построек, говорит о том, что численность работавших здесь отрядов была невелика. Это, кстати, согласуется с данными из каменоломен, ведь гнейс с помощью нагревания и охлаждения должны были добывать небольшие, но очень хорошо обученные группы рабочих⁸⁸. А вот к моменту транспортировки блоков в каменоломни могли прибывать дополнительные подкрепления.

Производство хлеба и пива на месте, а также использование костров при ломке крупных блоков — все это говорит о том, что древний климат в районе Гебель эль-Аср значительно отличался от современного. Глубина изученных колодцев обычно не превышает всего одного метра, а это подтверждает предположение о том, что в первой половине III тыс. до н.э. каменоломни были окружены саванной с высоким уровнем грунтовых вод. Она была богата деревом для костров, травой для вьючных животных и дичью для людей. Кстати, именно иссушение климата в конце Древнего царства могло стать одной из основных причин сокращения объёмов добычи гнейса, а затем и прекращения работ на каменоломнях. Во времена Среднего царства египтяне разрабатывали в Гебель эль-Аср уже в основном сердолик, добыча и транспортировка которого не была столь сложной в условиях изменившегося климата, напоминавшего уже современный⁸⁹.

Добытые в каменоломнях блоки перемещались к одному из пяти пандусов, сложенных также из гнейса. Пандусы помогали погрузить блоки на транспортное средство, облик которого до сих пор неизвестен: сохранились лишь искусственные колеи у пандусов. Возможно, для транспортировки ценного камня использовали деревянные платформы на салазках.

Месторождения Гебель эль-Аср с долиной Нила связывала дорога – расчищенная от камней полоска пустыни длиной около 80 километров. Она выходила к реке где-то в районе современной Западной Тушки. Это самый протяжённый из известных нам сегодня путей, подготовленных египтянами во времена строительства пирамид. Вдоль расчищенной дороги были обнаружены многочисленные путевые отметки в виде пирамидок из камней, в том числе одна крупная пирамида на полпути между Нилом и каменоломнями. Множество битой керамики, а также остатки двух лагерей Древнего царства вблизи неглубоких колодцев, свидетельствуют о том, что дорога активно использовалась, по крайней мере, с III тыс. до н.э. На некоторых участках пути исследователи обнаружили отчётливые отпечатки ослиных копыт. Кости осла, найденные на каменоломнях, подтверждают версию о том, что эти выносливые животные привлекались для транспортировки продовольствия и инвентаря в Гебель эль-Аср, а также, возможно, небольших блоков гнейса или мешков с

⁸⁷ Shaw I., Bloxam E., Heldal T., Storemyr P. Quarrying and Landscape at Gebel al-Asr in the Old and Middle Kingdoms. P. 298–300.

⁸⁸ Bloxam E.G. *The Organization, Transportation and Logistics of Hard Stone Quarrying in the Egyptian Old Kingdom: A Comparative Study* (Ph.D dissertation). August, 2003. P. 268–279.

⁸⁹ Bloxam E.G. *The Organization, Transportation and Logistics of Hard Stone Quarrying in the Egyptian Old Kingdom: A Comparative Study* (Ph.D dissertation). P. 68–75.

сердоликом обратно к нильской долине. Следует, однако, помнить, что и кости, и отпечатки ослиных копыт могут относиться к эпохе Среднего царства.

Во времена Древнего царства по длинной пустынной дороге, возможно, никогда не перемещали к Нилу крупных гнейсовых блоков. В условиях более мягкого климата и сезонных дождей транспортная логистика могла подсказывать египтянам альтернативный путь, проходивший через Вади Тушку, расположенное всего в 13 километрах от каменоломен. Сохранявшаяся сезонная активность вади, по мнению некоторых исследователей, позволяла египтянам не тащить, а сплавлять гнейсовые блоки в долину. Какое-то количество гнейса из Гебель эль-Аср могло попадать в египетское государство и по знаменитому древнему караванному пути из Судана в Средний Египет, который арабы впоследствии назовут Дарб эль-Арбаин – «Дорогой сорока дней». Он проходит всего в нескольких километрах к западу от основных гнейсовых каменоломен.

С XI династии египтяне начали активно разрабатывать аметистовые рудники Вади эль-Худи, находившиеся всего в одном дневном переходе к юго-востоку от Элефантины. Минерализованные трещины с аметистом встречаются здесь в гранитах и были выработаны в основном уже в древности. В районе рудников находилось поселение раннего Среднего царства из 40 укрытий. Оно расположено на вершине холма и окружено стеной. Рядом с ним находилось укрепление размерами 70 x 50 м, возведённое, судя по всему, при XII династии. В Вади эль-Худи были найдены десятки надписей. Большинство стел обнаружены в ходе обследования поселения, а наскальные надписи – на скале между поселением и укреплением⁹⁰. В 2015 году работающая в Вади эль-Худи американо-египетская группа исследователей объявила об обнаружении трёх новых стел. Сохранность их оставляет желать лучшего, однако известно, что речь в них, в частности, идёт об экспедиции в этот район, снаряжённой на 28-ом году правления Сенусерта I – одного из самых выдающихся царей Среднего царства.

ЗАГАДОЧНАЯ СТРАНА ПУНТ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Плеск волн перебивает шум, стоящий на берегу. Десятки смуглых мужчин поднимаются по скрипучим мосткам на корабли и складывают в них кадки с благовонными деревьями, корзины с драгоценным ладаном и миррой, шкуры удивительных и неизвестных созданий южных земель – дары этой удивительной страны и её дружелюбного населения. По мачтам лазают и кричат бабуины, капитаны отдают последние приказы перед отплытием. Это египтяне отправляются домой, чтобы доставить ко двору своей царицы Хатшепсут чудеса страны Пунт...

Не было, наверное, в египетской традиции более загадочной земли, овеянной столькими легендами о золоте и благовониях, как Пунт. Первые контакты Египта с Пунтом, возможно, относятся уже к раннединастическому периоду, хотя о природе этих связей можно только догадываться⁹¹. С V династии Пунт становится важной целью для государственных экспедиций. С этого времени загадочная страна начинает регулярно упоминаться в царских, частных, храмовых и литературных текстах как источник благовоний, ценных металлов, шкур и других экзотичных товаров престижного потребления. Увы, известные нам письменные и изобразительные источники дают лишь самое общее представление о расположении Пунта. Это обстоятельство породило многочисленные споры, уходящие своими корнями ещё в XIX век. Историография знает множество попыток

⁹⁰ Shaw I. Amethyst Mining in the Eastern Desert: A Preliminary Survey at Wadi al-Hudi // *Journal of Egyptian Archaeology*. 1993. Vol. 79. P. 81–97. Shaw I. The Evidence for Amethyst Mining in Nubia and Egypt // Krzyżaniak L., Kroeper K., Kobusiewicz M. (eds.) *Recent Research Into the Stone Age of Northeastern Africa*. Poznań, 2000. P. 219–227.

⁹¹ Известен, например, архаический рельеф, предположительно изображающий жителя Пунта. – Fischer H.G. *Varia Aegyptiaca* // *Journal of the American Research Center in Egypt*. 1962. Vol. 2. P. 34–39.

локализовать Пунт, причём в самых разных регионах: Восточная пустыня, верховья Нила, равнина на границе Эритреи и Судана, собственно Эритрея, север Сомали, Западная и Южная Аравия и даже Индия, Синай и Сирия.

Сегодня нам известно, что Пунта можно было достичь из Египта как морским, так и наземным путём⁹². После открытия в 1976 году древнеегипетской корабельной стоянки в районе Мерса Гавазис, примерно в 23 километрах к югу от современного курорта Сафага, где были найдены многочисленные упоминания Пунта, в науке продолжают активно обсуждаться две возможные локализации этой страны: север Африканского рога (северная Эфиопия и Эритрея)⁹³ и юг Аравийского полуострова⁹⁴. Не исключено также, что в какие-то периоды египетской истории понятие Пунт включало в свои границы оба этих региона⁹⁵.

Нередко дары Пунта попадали в Египет благодаря посреднической торговле вдоль традиционных путей, соединявших нильскую долину с Африканским Рогом. Такие пути могли включать как караванные дороги, так и нильскую речную систему. Существование сухопутной торговли с Пунтом косвенно подтверждается обнаружением египетской керамики на памятнике Махал Теглинос близ города Кассала в Судане. Слои, где была найдена египетская керамика, относятся к концу III – началу II тыс. до н.э. и принадлежат Гашской группе культур, представители которой жили в районе реки Гаш на востоке современного Судана. Дельта этой реки вполне могла быть воротами, через которые египтяне проникали в Пунт в конце Древнего и во времена Среднего царств⁹⁶.

Источники Среднего царства из Мерса/Вади Гавазис нередко упоминают район под названием «Рудник Пунта». Эта местность, судя по всему, была важна для египтян благодаря богатству своих ресурсов. Теоретически земли «Рудника Пунта» могли располагаться в золотоносном регионе между 4-м нильским порогом и Красным морем. Это бы, между прочим, объяснило присутствие «старателей» в составе древнеегипетских экспедиций в Пунт. В эпоху Среднего царства египтяне, видимо, были уже не единственным народом, проявлявшим интерес к золотоносным месторождениям в этом районе. Не исключено, что на право их эксплуатации претендовали также нубийские правители Кермы – государства с центром в районе 3-го нильского порога, образовавшегося в момент ослабления египетского присутствия в Нижней Нубии в конце эпохи Древнего царства⁹⁷.

Как бы ни была важна сухопутная торговля, большинство известных древнеегипетских экспедиций в Пунт являлись всё же морскими предприятиями. Это, говорит либо о том, что море обеспечивало самый прямой и безопасный путь в земли Пунта, либо о том, что центральная администрация, которая и создавала в основном имеющиеся в нашем распоряжении тексты, привыкла получать дары Пунта преимущественно по морю, организовывая туда прямые государственные экспедиции. Увы, пока можно лишь гадать, сколько корабельных стоянок было оборудовано египтянами для путешествий в Пунт.

⁹² Хотя некоторые исследователи и продолжают утверждать, что египтяне достигали Пунта исключительно сухопутным путём или поднимаясь по Нилу, сегодня едва ли можно сомневаться, что морские экспедиции в Пунт организовывались уже во времена Древнего царства.

⁹³ Так, любопытно присутствие в районе Мерса Гавазис фрагментов керамики, которые сходны с известной керамикой из Эритреи и областей, прилегающих к Аденскому заливу. – Fattovich R., Bard K. *Archaeological Investigations at Wadi / Mersa Gawasis, Egypt: 2006–2007, 2007–2008 and 2009 Field Seasons* // Tallet P., Mahfouz el-S. (eds.) *The Red Sea in Pharaonic Times. Recent Discoveries Along the Red Sea Coast. Proceedings of the Colloquium Held in Cairo / Ayn Soukhna 11th–12th January 2009*. Le Caire, 2012. P. 26.

⁹⁴ Bard K.A., Fattovich R. (ed.) *Harbor of the pharaohs to the land of Punt: archaeological investigations at Mersa / Wadi Gawasis, Egypt, 2001–2005*. Napoli, 2007. P. 21.

⁹⁵ Manzo A. Nubians and the Others on the Red Sea. An Update on the Exotic Ceramic Materials from the Middle Kingdom Harbour of Mersa / Wadi Gawasis, Red Sea, Egypt // Agius D.A. et al. (eds.) *Navigated Spaces, Connected Places. Proceedings of Red Sea Project V Held at the University of Exeter, 16–19 September 2010*. Oxford, 2012. P. 55, no. 60. Не следует забывать, что культурные связи Африканского Рога и юго-запада Аравийского полуострова, судя по всему, могут быть прослежены уже со времён раннего голоцена.

⁹⁶ Manzo A. *From the Sea to the Deserts and Back: New Research in Eastern Sudan* // *British Museum Studies in Ancient Egypt and Sudan*. 2012. Vol. 18. P. 77.

⁹⁷ Manzo A. *From the Sea to the Deserts and Back: New Research in Eastern Sudan*. P. 82–84.

Сегодня известны три пункта на побережье, которые теоретически могли использоваться для организации экспедиций в южное Красноморье во времена строительства пирамид: Айн-Сохна, Вади эль-Джарф и Мерса Гавазис. Среди них самой южной стоянкой является Вади/Мерса Гавазис, она же, судя по всему, была и самой удобной для осуществления успешных путешествий в южное Красноморье. Действительно, существующий сегодня режим ветров и течений в Красном море заставляет думать, что на имевшихся в древности судах пробыться в южные районы Красного моря было довольно сложно, если пункт отправления корабля находился к северу от современной Хургады⁹⁸.

Найденное в устье Вади Гавазис древнее портовое поселение располагалось на вершине и у подножия окаменевшей коралловой террасы. В III тыс. до н.э., когда климат был менее сухим, вади, вероятно, было богато дичью. Ближайший известный источник пресной воды находится в 12 километрах к западу от древнего поселения, хотя не исключено, что египтяне добывали воду в каком-то более удобном месте. Путь в Вади Гавазис пролегал через уже известное нам Вади Хаммамат⁹⁹.

В самом конце Древнего царства или в Первый Переходный период в коралловом рифе была вырублена первая галерея для хранения инвентаря и корабельных частей, напоминавшая галереи в Вади эль-Джарф и Айн-Сохне. В Среднем царстве инфраструктура корабельной стоянки была значительно расширена. Там построили жилой лагерь, вырубали новые галереи и устроили места для отправления культа¹⁰⁰.

Источники Среднего царства сообщают о довольно крупных экспедициях в Пунт. Официально заявленная численность таких предприятий могла превышать 3,5 тысячи человек, как, например, это было во времена Сенусерта I. Однако следует помнить, что имеющиеся в нашем распоряжении данные археологии пока не подтверждают таких цифр. Так, изученные хижины раннего Среднего царства на вершине кораллового рифа в устье Вади Гавазис, по мнению исследователей, могли вместить всего около 40–50 человек¹⁰¹. Надо, правда, заметить, что в центре памятника находится площадка с большим количеством фрагментов керамики времени XII династии. Если предположить, что рядовые участники экспедиции ночевали под тентами или на циновках, то теоретически эта площадка могла использоваться для размещения основных экспедиционных сил. Впрочем, подсчёта числа людей, которые могли бы таким образом улечься, не проводилось.

Современные открытия вдоль египетского побережья Красного моря и в районе реки Гаш значительно расширили наши знания о стране Пунт, но едва ли сделали её локализацию проще. Ответы на новые вопросы, видимо, теперь нужно искать в землях Судана, Эфиопии, Эритреи и Сомали, а также под водой, которая ещё может хранить следы забытых египетских экспедиций.

⁹⁸ Bard K., Fattovich R. Ships Bound for Punt // Tallet P., Mahfouz el-S. (eds.) *The Red Sea in Pharaonic Times. Recent Discoveries Along the Red Sea Coast. Proceedings of the Colloquium Held in Cairo / Ayn Soukhna 11th–12th January 2009*. Le Caire, 2012. P. 28.

⁹⁹ Самые ранние тексты из Вади Хаммамат с упоминанием Красного моря относятся к XI династии, однако путь через вади к побережью, конечно, был известен и прежде.

¹⁰⁰ Bard K., Fattovich R. Ships Bound for Punt. P. 28–29.

¹⁰¹ Кстати, эта цифра может быть неслучайной. Отряды в 50 человек были основными тактическими единицами в египетской армии времени Среднего царства и вероятной основой всех других более крупных соединений.

ЧАСТЬ III
ИЗ ПОТЁРТЫХ ТЕТРАДОК

ЗАМЕТКИ ИЗ ДНЕВНИКА

СЛУЧАЙ У КАФЕ (ДЕКАБРЬ 2011)

Революция революцией, но жениться ведь нужно? В день, когда слезоточивый газ с каирской площади Тахрир долетал до окраин города, мы насчитали пять свадебных кортежей, и это только-то малое, что попало нам на глаза за день и в одном месте. Как всегда, в кафе шумно от разговоров и стука костей домино. Революция – это наше всё, но с революцией придётся подождать, если идёт футбольный матч между местными командами Замалек и Ахли.

Сидим в кафе, время – почти полночь, народу всё прибавляется, и тут перед кафе мотоциклист на полной скорости улетает в газон, уворачиваясь от старухи, переходящей дорогу. Та упала на асфальт. В одну секунду всё кафе опустело, ни одного человека. Сотня людей столпилась вокруг старухи, которую мгновенно усадили на принесённый кем-то стул. Когда оказалось, что она счастливо отделалась, поймали автобус и повезли её домой. Сопереживание в чужой беде, готовность почти на всё, если кому-то нужна помощь, всегда были достоинством египтян. Возможно, именно поэтому в Египте так легко зажечь революцию, стоит одному начать, его сразу поддержат тысячи.

АБУ ЭЛЬ-ХУЛЬ КОБРИ (ДЕКАБРЬ 2012)

В этом году, как и в прошлом, хожу по улицам, всматриваясь в лица, пытаюсь уловить в интонации во время разговора последствия прошедшей революции. Но не нахожу. Всё то же добродушие, гостеприимство и терпимость. Каждый день, переходя перекресток Абу эль-Хуль кобри, вижу похожую картину: всё перемешалось, трейлеры, микроавтобусы, грузовички с одной стороны и ослы с нагруженными телегами, тук-туки, велосипедисты, мотороллеры, табун лошадей с другой... И, в довершение ко всему, всё это по диагонали пересекает куча женщин с детьми, мужики, старики со старухами, босоногая ребятня.

Грузовичок еле увернулся от внезапно перегоревшего ему путь мотороллера. Мужик высунулся в окно, и я готов уже был услышать, как привык в Москве, полный набор ругани, впоследствии переходящий в мордобой, но вместо этого мужик расплывается в улыбке и кричит водителю мотороллера: «Проезжай дорогой, да сохрани тебя Аллах!» Я стою в оцепенении какое-то время.

УТРЕННИЙ АБУСИР (ДЕКАБРЬ 2013)

В 5.20 утра за окном коротко просигналила машина, водитель уже нас ждал. Город ещё спал, одиночные машины и пешеходы не в счет, учитывая, какие толпы тут днём. Но у пекарни за хлебом уже собирался народ.

15 километров проехали, не заметив. В деревне все спят, только ослы и петухи орут. В предрассветных сумерках мы дошли до окраины деревни и ступили на песок некрополя. Солнце ещё не взошло, отчего ощутимо прохладно, но свитер я не одел, решил потерпеть, ведь знаю, что, как только выглянет солнце, станет жарко.

Мы знали куда идти, потому как были здесь десятки раз; всё до боли знакомо, даже местные *гафиры* (охрана некрополя), если они проснутся, то в начале покричат, а потом успокоятся, может, даже чаем напоят. Но пока мы идём по песку к пирамидам, оглядываясь на долину, ожидая, когда выглянет солнце, преобразив всё вокруг.

БЫЛЬ О ПРАЗДНИКЕ 17 АПРЕЛЯ, КРАСНОМ ЧЕТВЕРГЕ И КАМЕННОЙ ПУГОВКЕ

А праздник сей в честь такой вот истории:

Жила-была в землях басурманских миссия заморская,
Всё копаньем люда древняго промышленящая.
А случилось то во стольном граде во Каире,
А содеялось в селе Гизехском, в назлет эль-самманском хуторе¹⁰².
А свершилось всё это 17 дня средняго весенняго месяца года 7510¹⁰³.
Год назад ковырялся люд экспедиционный

В ямах глубоких под палящим солнышком.
Да в сухой земле всё костями усыпано,
То костями дряхлыми, зубья-пальцами погремучими,
Всё от народа древняго остатками...
Находил-открывал люд экспедиционный подвалы подземельные,
Посдвигал он кирпичи сырцовые, песочек пересыпчатый да камни известковые,
Находил во подземельях народ древний, вековечным сном уснувший...
Но всё не было ликованья у люда экспедиционного,
Всё не шли находки-находочки строем, аки воины...¹⁰⁴
Приуныл люд гробокопательский, буквопожирательский, стеноразрушительский да
горшкоедческий¹⁰⁵,

Носы свои распрекрасные поразвесил...
Вдруг откуда ни возьмись, кругла пуговка¹⁰⁶,
Да на шее молодца стародряхлого¹⁰⁷,
А из камня сделана невесть какого коричневого.
Да не проста была та пуговка,
И сила-силушка у ней была волшебная,
Да амулет¹⁰⁸ ей прозвание, а по-другому – гудзик¹⁰⁹ каменный.
И начал люд экспедиционный ликованье безудержное:
«Есть теперь у нас талисман собственный,
Силушкой волшебной наделённый.
Быть ему теперь означеньем нашей миссии, экспедиции в стране заморской, земле
басурманской».

И зашумел-загремел праздник радостный,
Да случился пир горой, развесёлое столованьице.
И с тех давних времён праздник сей установлен, в честь пуговки-гудзика каменного,
амулетом прозванного.

*Писано в год 7511¹¹⁰, средняго весенняго месяца апреля, дня семнадцатого.
Соколана-горшкоедка с подачи Аль-Бибзи¹¹¹*

¹⁰² Имеется ввиду окраина арабской деревни Назлет эль-Самман, входящая в границы Каира и примыкающая к восточной оконечности Восточного плато Гизы, где находится Российская археологическая концессия.

¹⁰³ Дата указана от сотворения мира, т.е. 17 апреля 2002 г.

¹⁰⁴ Описывается процесс раскопок Малого некрополя перед скальной гробницей Хафраанха.

¹⁰⁵ Участники экспедиции.

¹⁰⁶ Имеется ввиду находка печати-«пуговицы», которой посвящена отдельный параграф данной книги. Этот предмет, имеющий полевой номер 02/56/st1, был опубликован. – Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis II. The Minor Cemetery to the East from the Tomb G 7948*. Moscow, 2012. P. 204–205, fig. 93.

¹⁰⁷ Как впоследствии определили антропологи, тело принадлежало женщине, умершей в возрасте 20–29 лет.

¹⁰⁸ Назначение этого предмета – печать, а не амулет.

¹⁰⁹ «Пуговица» на украинском. В связи с участием в те годы в работах экспедиции представителя украинской египтологической науки Н.А. Тарасенко, в лексикон участников экспедиции внедрили некоторые слова этого языка.

¹¹⁰ Т.е. в 2003 г., на годовщину обнаружения печати-«пуговицы».

¹¹¹ Т.е. Светланой Малых с подачи Николая Тарасенко.

ЛИТЕРАТУРА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ГИЗЕ

КНИГИ:

- Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis I. The Tomb of Khafraankh*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2010. – 272 pp., ill.
- Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis II. The Minor Cemetery to the East from the Tomb G 7948*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2012. – 352 pp., ill.
- Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis III. The Tombs of Tjenty II, Khufuhotep, and anonymous tombs GE 17 GE 18, GE 47, GE 48 and GE 49*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2015. – 400 pp., ill.
- Малых С.Е. *Вотивная керамика Египта эпохи Древнего царства*. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. – 320 с., илл.

СТАТЬИ В НАУЧНЫХ ИЗДАНИЯХ

- Kormysheva E. Report on the activity of the Russian Archaeological Mission at Giza, Tomb G 7948, East field, during the season 1998 // *Annales du Service des Antiquités de L'Égypte*. Vol. LXXIV. Le Caire, 1999. P. 23–38.
- Kormysheva E. Studying Khafraankh tomb and the adjacent area // *Abstracts of the 8th International Congress of Egyptologists*. Cairo, 2000. P. 101–102.
- Кормышева Э.Е. Тайна гробницы Хафраанха // *Наука в России*. 2000. №4. С. 82–92.
- Кормышева Э.Е., Томашевич О.В., Чегодаев М.А. Российская археологическая экспедиция в Гизе. Сезоны 1996-1998 гг. (предварительные результаты) // *Вестник древней истории*. 2000. № 1. С. 160–182.
- Кормышева Э.Е. Архивы Хафраанха // *Восточный архив*. Вып. 5-6. М., 2001. С. 7–15.
- Кормышева Э.Е. Российская археологическая экспедиция в Гизе // *Труды Центра Египтологии им. В.С.Голенищева*. Т. 1. М., 2002.
- Kormysheva E. Report on the Activity of the Russian Archaeological Mission at Giza, Tomb G 7948 and the Adjacent Area, Eastern field, season 2000 // *Annales du Service des Antiquités de L'Égypte*. Vol. LXXVII. Le Caire, 2003. P. 91–130.
- Малых С.Е. О коптском присутствии в некрополе Гизы // *Культурное наследие Египта и Христианский Восток*. Вып. 2. М., 2004. С. 227–236.
- Кормышева Э.Е. Российская археологическая экспедиция в Гизе. Предварительные результаты сезонов 2003-2004 // *Труды Центра Египтологии им. В.С.Голенищева*. Вып. 2. М., 2005. С. 3–22.
- Malykh S. The pottery workshops of pyramid zone in Coptic period // *Cultural Heritage of Egypt and Christian Orient*. Vol. 3. Moscow, 2006. P. 117–120.
- Kormysheva E. Minor cemetery on the eastern edge of Eastern necropolis in Giza // *Goyon J.C., Carden Ch. (eds.) Proceedings of the 9th International Congress of Egyptology*. Leuven, 2007. P. 1023–1037.
- Malykh S. The Ceramic Import in Late Roman, Byzantine and Early Arabic Giza: On the external contacts of the Memphite Area // *Cultural Heritage of Egypt and Christian Orient*. Vol. 4. Moscow, 2007. P. 45–60.
- Малых С.Е. Археологический проект Института востоковедения РАН в Египте // *Азия и Африка сегодня*. 2007. №11. С. 52–55.
- Кормышева Э.Е. Меню древнеегипетского чиновника // *Эпиграфика Востока*. Вып. XXVII. М., 2008. С. 156–178.

- Кормышева Э.Е., Малых С.Е. Древнеегипетский малый некрополь в Гизе // *Вестник древней истории*. 2009. №1. С. 199–214.
- Малых С.Е. Новые данные об инвентаре древнеегипетских погребений V–VI династий в Гизе // *Восток, Европа, Америка в древности. Сборник научных трудов XVI Сергеевских чтений. Труды Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*. Вып. 49. М., 2010. С. 68–75.
- Kormysheva E., Malykh S. Lepsius Tombs in Giza Necropolis re-discovered // *Journal of Egyptian Archaeology*. Vol. 96. London, 2010. P. 49–70.
- Лебедев М.А. Отец и сын в египетских наскальных надписях эпохи Древнего царства: графика и значение многочлена $X, zA=f Y$ // *Эпиграфика Востока*. Вып. XXVIII. М., 2010. С. 97–130.
- Малых С.Е. Российская археологическая экспедиция в Гизе // *Природа*. 2010. №10. С. 56–63.
- Малых С.Е. Греческий керамический импорт VI в. до н.э. в Гизе (из раскопок Российской археологической экспедиции) // *Вестник древней истории*. 2010. №1. С. 141–150.
- Малых С.Е. Новые данные об использовании каноп в эпоху Древнего царства // *Вестник древней истории*. 2010. №4. С. 96–111.
- Кормышева Э.Е., Малых С.Е., Ветохов С.В., Рукавишников Д.В. Российская экспедиция в Гизе (Египет) // *Археологические открытия 2007 года*. М., 2010. С. 545–548.
- Кормышева Э.Е., Малых С.Е., Малых С.В., Рукавишников Д.В., Ветохов С.В. Российская экспедиция в Гизе (Египет) // *Археологические открытия 2008 года*. М., 2011. С. 520–522.
- Kormysheva E., Vetokhov S. Door to the tomb of Khafraankh reconsidered // *Times, Signs and Pyramids. Studies in Honour of Miroslav Verner on the Occasion of his Seventieth Birthday*. Prague, 2011. P. 429–440.
- Malykh S. Pottery complexes in the Old Kingdom funeral equipment of Giza Necropolis (materials of Russian archaeological mission in Giza) // *Cultural Heritage of Egypt and Christian Orient*. Vol. 6. Moscow, 2011. P. 109–135.
- Malykh S. Pottery from the Rock-Cut Tomb of Khafraankh in Giza // *Cahiers de la Céramique Égyptienne, Institut français d'archéologie orientale*. Vol. 9. Le Caire, 2011. P. 185–213.
- Малых С.Е. О назначении древнеегипетской керамики из некрополей эпохи Древнего царства: эпиграфические и археологические свидетельства // *Эпиграфика Востока*. Вып. XXIX. М., 2011. С. 148–173.
- Малых С.Е. Археологическое исследование скальной гробницы Пери-неджу в Гизе в 2010 г.: о погребальном обряде Древнего царства // *XVII Сергеевские чтения. Научная конференция: Сборник тезисов. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории Древнего мира*. М., 2011. С. 5.
- Malykh S. The Ceramic Material of Giza Necropolis: Commercial Relations of ancient Egyptians // *Achievements and Problems of Modern Egyptology. Proceedings of the International Conference held in Moscow on September 29 – October 2, 2009*. Moscow, 2012. P. 213–224.
- Малых С.Е. Сосуд и его содержимое: к вопросу об интерпретации некоторых древнеегипетских гробничных сцен эпохи Древнего царства // *Вестник древней истории*. 2012. №4. С. 122–133.
- Малых С.Е. Дипинти на амфорах I тыс. н.э. из Гизы (Египет) // *Эпиграфика Востока*. Вып. XXX. М., 2013. С. 108–122.
- Кормышева Э.Е. Rock-cut Tombs of the Eastern Necropolis at Giza in the Socio-Cultural Context of the Old Kingdom Egypt // *Pre-Islamic Near East: history, religion, culture*. Kiev, 2014. P. 93–122.
- Малых С.Е. Керамический комплекс 2012 г. у скальной гробницы GE 23 в восточной Гизе: проблемы датировки и интерпретации // *Восток, Европа и Америка в древности. Сборник научных трудов XVIII Сергеевских чтений*. Вып. 3. М., 2014. С. 58–64.

- Малых С.Е. Шахты с несколькими погребальными камерами: проблема функционирования Гизехского некрополя в эпоху Древнего царства // *Вестник древней истории*. 2014. №4. С. 3–19.
- Кормышева Э.Е. Надпись на известняковом блоке из Восточного некрополя Гизы // *Эпиграфика Востока*. Вып. XXXI. М., 2015. С. 60–82.
- Лебедев М.А. История одной жизни у пирамид: гробница Ченти II в Гизе (GE 12) // *Эпиграфика Востока*. Вып. XXXI. М., 2015. С. 83–97.
- Lebedev M. A New Old Kingdom Painting from the Eastern Necropolis at Giza // *Old Kingdom Art and Archaeology: Proceedings of a Conference*. Warsaw, 2016.
- Малых С.Е. Символика белого цвета в древнеегипетском погребальном обряде и поминальном культе эпохи Древнего царства // *Восток (Oriens)*. 2015. №2. С. 20–32.
- Малых С.Е. К истории Гизехского некрополя в первой половине второго тысячелетия до н.э. // *Петербургские египтологические чтения 2013–2014. Памяти Юрия Яковлевича Перепелкина. Ко 110-летию со дня рождения. Доклады. Труды Государственного Эрмитажа*. Т. 76. СПб., 2015. С. 143–152.
- Malykh S. Unusual ceramic complex in the Eastern Giza: problems of dating and interpretation // *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne, Institut français d'archéologie orientale*. Vol. 25. Le Caire, 2015. P. 113–125.
- Kormysheva E., Malykh S. Analyse comparative de certains ensembles céramiques des nécropoles de Giza et de Saqqâra des Ve et VIe dynasties // Legros R. (ed.) *50 ans d'éternité. Jubilé de la Mission archéologique française de Saqqâra (1963–2013)*. Bibliothèque d'Étude 162. Le Caire, 2015. P. 271–300.

СТАТЬИ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ И ПОПУЛЯРНЫХ ИЗДАНИЯХ

- Смолев Д. Наш человек в Древнем Египте // *Новые Известия*. 3 декабря 1998. №228(267).
- Овсова М. Женский праздник в гробнице Тутанхамона. Русские археологи впервые начали раскопки в Гизе // *Московский комсомолец*. 7 марта 1999. С. 24–25.
- Кормышева Э.Е. Тайна гробницы Хафраанха // *Наука в России*. 2000. №4. С. 82–92.
- Кокурина Е. Люди, у которых прошлое впереди // *Общая газета*. №17 (403). 2001. С. 16.
- Кокурина Е. Нераскрытые гробницы // *Московские новости*. №50-51 (1417-1418). 2007. С. 34–35.
- Славина Е. О чем рассказала гробница. Как работают в Египте российские археологи // *В мире науки. Scientific American*. Январь 2008. С. 4.
- Малых С. Взгляд сквозь землю // *National Geographic Россия*. Август 2008 (№59). С. 35.
- Малых С. Важные сосуды // *National Geographic Россия*. Август 2009 (№71). С. 32.
- Зими́на Т. Физики ищут гробницы древних египтян // *Наука и жизнь*. 2009. №6. С. 3–4.
- Антонов Е. Российские археологи подводят итоги сезона в Египте и Судане // *Наука и жизнь*. Февраль 2014. – <http://www.nkj.ru/open/23766/>
- Jarus O. Ancient Priest's Tomb Painting Discovered near Great Pyramid at Giza // *Live Science*. July 2014. – <http://www.livescience.com/46806-tomb-painting-discovered-near-great-pyramid.html>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.С. ГОЛЕНИЩЕВА

- Голенищев В.С. Эпиграфические результаты поездки в Уади Хаммамат // *Записки Восточного отделения (Императорского) Русского археологического общества*. Т. II, вып. 1–2, 1887. С. 69–79.
- Голенищев В.С. Заметка о двух находках, недавно сделанных в Египте // *Записки Восточного отделения (Императорского) Русского археологического общества*. Т. III, вып. 1–2, 1888. С. 121–126.
- Голенищев В.С. Археологические результаты путешествия по Египту зимой 1888–1889 г. // *Записки Восточного отделения (Императорского) Русского археологического общества*. Т. V, вып. I, 1890. С. 1–30.
- Большаков А.О. Голенищев и мы. // *Вестник древней истории*. 2006. №4. С. 173–180.
- Возвращение в Египет. Страницы истории российской египтологии*. Под ред. Г.А. Беловой. М., 2009.
- Головина В.А. В.С. Голенищев: основные вехи биографии // *Вестник древней истории*. 2006. №4. С. 170–173.

РАБОТЫ НУБИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АН СССР

- Древняя Нубия. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике 1961–1962*. Под ред. Б.Б. Пиотровского. М.–Л., 1964.
- Мерперт Н.Я. Первая отечественная археологическая экспедиция в Египет // *Вестник древней истории*. 2003. №3. С. 204–217.
- Мерперт Н.Я. Раскопки могильника Наг-Набрук в 1963 г. // *Археология Старого и Нового Света*. М., 1966. С. 198–250.
- Пиотровский Б.Б. *Вади Аллаки – путь к золотым рудникам Нубии. Древнеегипетские наскальные надписи*. М., 1983.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ К.Р. ЛЕПСИУСА, О. МАРИЕТТА, У.М.Ф. ПИТРИ, Х. ЮНКЕРА, С. ХАССАНА И ДЖ. РЕЙСНЕРА

- Hassan S. *Excavations at Giza*. Vol. I–IX. Oxford – Cairo, 1932–1960.
- Junker H. *Giza: Bericht über die von der Akademie der Wissenschaften in Wien auf gemeinsame Kosten mit Dr. W. Pelizaeus unternommenen Grabungen auf dem Friedhof des Alten Reich bei den Pyramiden von Giza*. Bd. I–XII. Wien – Leipzig, 1929–1955.
- Lepsius K.R. *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien*. Bd. I. Berlin, 1849.
- Mariette A. *Les Mastaba de l’Ancien Empire*. Paris, 1889.
- Petrie W.M.F. *Pyramids and Temples of Gizeh*. London, 1883.
- Petrie W.M.F. *Seventy Years in Archaeology*. London, 1931.
- Reisner G.A. *Mycerinus. The Temples of the Third Pyramid at Giza*. Cambridge, 1931.
- Reisner G.A. *A History of the Giza Necropolis*. Vol. I. Cambridge, 1942.
- Reisner G.A., Smith W.S. *A History of the Giza Necropolis. The Tomb of Hetep-heres the mother of Cheops*. Vol. II. Cambridge, 1955.

- Большаков А.О. *Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства*. СПб., 2001.
- Гонейм З. *Потерянная пирамида*. М., 1959.
- Дженкинс Н. *Ладья под пирамидой (царская ладья фараона Хеопса)*. М., 1986.
- Замаровский В. *Их величества пирамиды*. М., 1986.
- Кларк С., Энгельбах Р. *Строительство и архитектура в Древнем Египте*. М., 2009.
- Лауэр Ж-Ф. *Загадки египетских пирамид*. М., 1966.
- Прусаков Д.Б. *Природа и человек в древнем Египте*. М., 1999.
- Эмери У.Б. *Архаический Египет*. СПб., 2001.
- Abd el-Raziq M., Castel G., Tallet P., Fluzin P. *Ayn Soukhna II. Les ateliers métallurgiques du Moyen Empire*. Le Caire, 2011.
- Allen J.P. *The Ancient Egyptian Pyramid Texts*. Atlanta, 2005.
- Arnold D., Bourriau J. *An Introduction to Ancient Egyptian Pottery*. Mainz am Rhein, 1993.
- Bard K., Fattovich R. Ships Bound for Punt // Tallet P., Mahfouz el-S. (eds.) *The Red Sea in Pharaonic Times. Recent Discoveries Along the Red Sea Coast. Proceedings of the Colloquium Held in Cairo / Ayn Soukhna 11th–12th January 2009*. Le Caire, 2012.
- Bard K.A., Fattovich R. (ed.) *Harbor of the pharaohs to the land of Punt: archaeological investigations at Mersa / Wadi Gawasis, Egypt, 2001–2005*. Napoli, 2007.
- Baud M., Moeller N. A fourth Dynasty Royal Necropolis at Abu Rawash // *Egyptian Archaeology. The Bulletin of the Egyptian Exploration Society*. 2006. Vol. 28.
- Bestock L., Knoblauch Ch. Revisiting Middle Kingdom Interactions in Nubia: the Uronarti Regional Archaeological Project // *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2014. Vol. 6.4.
- Bloxam E.G. *The Organization, Transportation and Logistics of Hard Stone Quarrying in the Egyptian Old Kingdom: A Comparative Study* (Ph.D dissertation). August, 2003.
- Butzer K.W. Climatic History // Bard K.A. (ed.) *Encyclopedia of the Archaeology of Ancient Egypt*. London – New York, 1999.
- Clayton J., De Trafford A., Borda M. A Hieroglyphic Inscription Found at Jebel Uweinat mentioning Yam and Tekhebet // *Sahara*. 2008. Vol. 19.
- Faltings D. *Die Keramik der Lebensmittelproduktion im Alten Reich. Ikonographie und Archäologie eines Gebrauchsartikels*. Heidelberg, 1998.
- Fattovich R., Bard K. Archaeological Investigations at Wadi / Mersa Gawasis, Egypt: 2006–2007, 2007–2008 and 2009 Field Seasons // Tallet P., Mahfouz el-S. (eds.) *The Red Sea in Pharaonic Times. Recent Discoveries Along the Red Sea Coast. Proceedings of the Colloquium Held in Cairo / Ayn Soukhna 11th–12th January 2009*. Le Caire, 2012.
- Fischer H.G. *Varia Aegyptiaca* // *Journal of the American Research Center in Egypt*. 1962. Vol. 2.
- Förster F. et al. Tracing Linear Structures: Remote Sensing, Landscape Classification and the Archaeology of Desert Roads in the Eastern Sahara / Möhlig et al. (eds.) *Towards Interdisciplinarity. Experiences of the Long-Term ACACIA Project*. Köln, 2010.
- Förster F. With Donkeys, Jars and Water Bags into the Libyan Desert: The Abu Ballas Trail in the Late Old Kingdom / First Intermediate Period // *British Museum Studies in Ancient Egypt and Sudan*. 2007. Vol. 7.
- Gasse A. Amény, un porte-parole sous le règne de Sésostris Ier // *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 1988. Vol. 88.
- Gasse A. Découvertes récentes au Ouadi Hammamat // *Göttinger Miszellen*. 1987. Bd. 101.
- Gasse A. The Wadi Hammamat, the Road to Punt // Kitchen K., Goelet O., Obsomer C. (ed.) *The Festschrift Volume: A Collection of Studies Presented to Professor Abdel Monem Abdel Haleem Sayed: By his European and American Colleagues and Friends on the Occasion of his 80th Birthday*. Alexandria, 2006.

- Hassan F.A. Paleoclimate, Food and Culture Change in Africa: An Overview // Hassan F.A. (ed.) *Droughts, Food and Culture*. New York, 2002.
- Jánosi P. Old Kingdom tombs and dating – problems and priorities. The Cemetery *en Échelon* at Giza // Bárta M. (ed.) *The Old Kingdom Art and Archaeology. Proceedings of the Conference held in Prague, May 31 – June 4, 2004*. Prague, 2006.
- Jeffreys D. Regionality, Cultural and Cultic Landscapes // Wendrich W. (ed.) *Egyptian Archaeology*. Singapore, 2010.
- Klemm R. Von, Klemm D.D. *Stones and Quarries in Ancient Egypt*. London, 2008.
- Kuraszkiewicz K.O. Remarks on Corridor 1 // *Polish Archaeology in the Mediterranean. Reports*. 2000. Vol. XII.
- Kuraszkiewicz K.O. Saqqara 2002: Inscriptions // *Polish Archaeology in the Mediterranean. Reports*. 2003. Vol. XIV.
- Kuraszkiewicz O.K. Inscribed Objects from the Old Kingdom Necropolis West of the Step Pyramid (With Remarks on Their White Coating) // *Archiv orientální*. 2002. Vol. 70.3.
- Lehner M. *The Complete Pyramids*. Cairo, 1997.
- Manzo A. From the Sea to the Deserts and Back: New Research in Eastern Sudan // *British Museum Studies in Ancient Egypt and Sudan*. 2012. Vol. 18.
- Manzo A. Nubians and the Others on the Red Sea. An Update on the Exotic Ceramic Materials from the Middle Kingdom Harbour of Mersa / Wadi Gawasis, Red Sea, Egypt // Agius D.A. et al. (eds.) *Navigated Spaces, Connected Places. Proceedings of Red Sea Project V Held at the University of Exeter, 16–19 September 2010*. Oxford, 2012.
- Marchand S., Baud M. La céramique miniature d'Abou Rawash. Un dépôt à l'entrée des enclos orientaux // *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 1996. Vol. 96.
- Moreno García J. C. Limits of Pharaonic Administration: Patronage, Informal Authorities, 'invisible' elites and mobile populations // Bárta M., Küllmer H. (ed.) *Diachronic Trends in Ancient Egyptian History: Studies Dedicated to the Memory of Eva Pardey*. Prague, 2013.
- Moreno García J.C. La gestion des aires marginales : pHw, gs, Tnw, sxt au IIIe millénaire // Woods A., McFarlane A., Binder S. (ed.) *Egyptian Culture and Society. Studies in Honour of Naguib Kanawati*. Vol. 2. Le Caire, 2010.
- Mumford G.D. Tell Ras Budran (Site 345): Defining Egypt's Eastern Frontier and Mining Operations in South Sinai during the Late Old Kingdom (Early EB IV/MB I) // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research in Jerusalem and Baghdad*. 2006. Vol. 342.
- Myśliwiec K. et al. *Saqqara I. The Tomb of Merefnebef*. Warsaw, 2004.
- Myśliwiec K. (ed.) *Saqqara III. The Upper Necropolis*. Parts I–II. Warsaw, 2008.
- Myśliwiec K. West Saqqara. Excavations 2000 // *Polish Archaeology in the Mediterranean. Reports*. 2000. Vol. XII.
- Myśliwiec K., Kuraszkiewicz K.O. *Saqqara IV. The Funerary Complex of Nyankhnefertem*. Warsaw, 2010.
- Myśliwiec K., Kuraszkiewicz K.O. *Saqqara V. Old Kingdom Structures Between the Step Pyramid Complex and the Dry Moat*. Parts 1–2. Warsaw, 2013.
- Raue D. From the History of Elephantine: Eventful Times on the Nile // Morenz D., Höveler-Müller M., Hawary A. (eds.) *Zwischen den Welten. Grabfunde von Ägyptens Südgrenze*. Leidorf, 2011.
- Raue D. Who was who in Elephantine of the third millennium BC? // *British Museum Studies in Ancient Egypt and Sudan*. 2008. Vol. 9.
- Riemer H. von et al. Zwei pharaonische Wüstenstationen südwestlich von Dachla // *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Institut, Abteilung Kairo*. 2005. Bd. 61.
- Roth A.M. *Giza Mastabas*. Vol. 6. *A Cemetery of Palace Attendants*. Boston, 1995.
- Rummel U. (ed.) *Meeting the Past. 100 Years in Egypt. German Archaeological Institute Cairo 1907-2007. Catalogue*. Cairo, 2007.
- Rzeuska T.I. *Saqqara II. Pottery of the Late Old Kingdom. Funerary pottery and burial customs*. Warsaw, 2006.

- Schneider T. *Ausländer in Ägypten während des Mittleren Reiches und der Hyksoszeit. Teil 1: Die ausländischen Könige*. Wiesbaden, 1998.
- Schneider T. Foreign Egypt: Egyptology and the Concept of Cultural Appropriation // *Egypt and the Levant*. 2003. Vol. 13.
- Schneider T. Foreigners in Egypt. Archaeological Evidence and Cultural Context // Wendrich W. (ed.) *Egyptian Archaeology*. Singapore, 2010.
- Seidlmayer S.J. Nubier im ägyptischen Kontext im Alten und Mittleren Reich // *Difference and Integration*. 2001. Vol. 1.2.
- Shaw I. Amethyst Mining in the Eastern Desert: A Preliminary Survey at Wadi al-Hudi // *Journal of Egyptian Archaeology*. 1993. Vol. 79.
- Shaw I. *Hatnub: Quarrying Travertine in Ancient Egypt*. London, 2010.
- Shaw I. The Evidence for Amethyst Mining in Nubia and Egypt // Krzyżaniak L., Kroeper K., Kobusiewicz M. (eds.) *Recent Research Into the Stone Age of Northeastern Africa*. Poznań, 2000.
- Shaw I., Bloxam E., Heldal T., Storemyr P. Quarrying and Landscape at Gebel al-Asr in the Old and Middle Kingdoms / Raffaele F., Nuzzolo M., Incordino I. (eds.) *Recent Discoveries and Latest Researches in Egyptology. Proceedings of the First Neapolitan Congress of Egyptology, Naples, June 18th–20th 2008*. Wiesbaden, 2010.
- Sowada K.N. *Egypt in the Eastern Mediterranean During the Old Kingdom: An Archaeological Perspective*. Fribourg, 2009.
- Stocks D.A. *Experiments in Egyptian Archaeology. Stoneworking Technology in Ancient Egypt*. London, New York, 2003.
- Strudwick N. *The Administration of Egypt in the Old Kingdom. The Highest Titles and their Holders*. London, 1985.
- Tallet P., Abd el-Raziq M., Castel G., Ghica V. *Les inscriptions d'Ayn Soukhna*. Le Caire, 2002.
- Tallet P., Laisney D. Iry-Hor et Narmer au Sud-Sinaï (Ouadi 'Ameyra). Un complément à la chronologie des expéditions minières égyptiennes // *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 2012. Vol. 112.
- Tallet P., Marouard G. The Harbor of Khufu on the Red Sea Coast at Wadi al-Jarf, Egypt // *Near Eastern Archaeology*. 2014. Vol. 77.1.
- Tallet P., Moustafa R.I. Trois bas-reliefs de l'époque thinite au Ouadi el-Humur: aux origines de l'exploitation du Sud-Sinaï par les égyptiens // *Revue d'égyptologie*. 2008. Vol. 59.
- Tristant Y. et al. «Barques sur le Nil...» Le mastaba M06 d'Abou Rawach et sa barque funéraire (Ire dynastie, règne de Den): découverte de la plus ancienne embarcation égyptienne actuellement conserve en Égypte // *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 2014. Vol. 114.2.
- Valloggia M. *Abou Rawash I. Le complexe funéraire royal de Rêdjedef*. Le Caire, 2011.
- Wagner G., Heller K. Chufu 01/01 – a Pharaonic Outpost in the Western Desert of Egypt // Kabaciński J., Chłodnicki M., Kobusiewicz M. (eds.) *Prehistory of Northeastern Africa. New Ideas and Discoveries*. Poznań, 2012.
- Ward Ch.A. *Sacred and Secular: Ancient Egyptian Ships and Boats*. Philadelphia, 2000.
- Ward Ch.A. Sewn Planked Boats from Early Dynastic Abydos, Egypt // Beltrame C. (ed.) *Boats, Ships and Shipyards. Proceeding of the Ninth International Symposium on Boat and Ship Archaeology, Venice 2000*. Oxford, 2003.
- Weeks K.R. *The Lost Tomb: The Greatest Discovery at the Valley of the Kings since Tutankhamen*. London, 1998.
- Welc F. et al. Western Section of the 'Dry Moat' Channel Surrounding Step Pyramid Complex in Saqqara in the Light of Ground-penetrating Radar Prospection // *Archaeological Prospection*. 2015. Vol. 22.4.